

А. Абдыкалыков

**ЕНИСЕЙСКИЕ
КИРГИЗЫ
в XVII веке**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИЛИМ“ ФРУНЗЕ 1988

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ОТДЕЛ ОБЩЕЙ ТЮРКОЛОГИИ И ДУНГАНОВЕДЕНИЯ

А. АБДЫКАЛЫКОВ

ЕНИСЕЙСКИЕ КИРГИЗЫ
в XVII веке
(исторический очерк)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»
Фрунзе 1968

В настоящей работе излагается история енисейских киргизов, начиная со времени соприкосновения их с русскими. Дается обзор архивных и литературных источников. Рассматриваются вопросы расселения, родоплеменной состав киргизов, сведения о кыштымах (данниках) киргизских князей, о хозяйстве и общественно-политических отношениях. Освещаются отношения енисейских киргизов со своими соседями — Россией, владениями Алтын-ханов и Джунгарией.

К работе приложены: родословная таблица киргизских князей и карта-схема расположения улусов енисейских киргизов в XVII в.

*Печатается по постановлению
Редакционно-Издательского совета
АН Киргизской ССР*

Ответственный редактор: *О. Караев*

Введение

Изучение истории енисейских киргизов, обитавших в XVII в. в Минусинской котловине, способствует выяснению ряда проблем, связанных с общей историей киргизского народа.

За свою двухтысячелетнюю историю киргизский народ был участником многих важнейших событий, происходивших в Центральной Азии, но, к сожалению, мы о них знаем очень мало.

Сведения о киргизах встречаются в китайских, а последующая их история излагается в монгольских, персидских, арабских, позднее и в русских письменных источниках. Однако приходится констатировать, что некоторые вопросы средневековой истории киргизов еще недостаточно разработаны, так как сведения указанных источников отрывочны, а источники, принадлежащие самим киргизам, отсутствуют.

Исследователи, изучающие историю киргизского народа средних веков, наблюдают как бы две ветви киргизского народа: тянь-шаньских и енисейских киргизов, причем тянь-шаньские киргизы в некоторых источниках называются «бурутами». Историки до сих пор ведут спор о том, когда и каким образом киргизы переселились из верховьев Енисея на Тянь-Шань. В основе спора лежит тот факт, что все ранние источники единодушно называют местом обитания киргизов верховья Енисея. Одни исследователи считают, что киргизы вообще никогда не переселялись с верховьев Енисея и всегда, начиная с IV в. н. э., обитали на Тянь-Шане¹, другие же предполагают, что они переселялись туда из района Енисея в XIII в. н. э.²

¹ Н. Я. Бичурин. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829, стр. XXIII.

² Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, стр. 537.

Большинство, однако, склоняется к тому, что предки современного киргизского народа с берегов Енисея проникли на Тянь-Шань между XI—XV вв.³

Среди историков нет единого мнения по ряду вопросов, связанных с происхождением киргизского народа. Далеко не полностью изучена даже история енисейских киргизов XVII в., не говоря уже об их древнейшем прошлом. Несмотря на то, что о них имеются довольно обширные русские архивные материалы, до сих пор, как отмечал в свое время С. В. Бахрушин, «в истории енисейских киргизов (кыргызов) есть очень много темного и неясного»⁴. Между тем, история енисейских киргизов, имевших тесные политические и экономические связи со своими соседями — Россией, Алтын-ханами и Джунгарией, их взаимоотношения, а также внутреннее положение киргизов, несомненно, представляют собой значительный научный интерес. Известно, что енисейские киргизы, в течение одного столетия обитавшие в верховьях Енисея, в первые годы XVIII в. покинули эти места, и с тех пор никаких сведений о них в источниках нет. Некоторые историки считают, что именно тогда часть этих киргизов переселилась на Тянь-Шань. Поэтому изучение истории енисейских киргизов XVII в. помогает решить некоторые вопросы из общей истории киргизского народа.

В данной работе на основании изучения русских архивных материалов излагается история енисейских киргизов. При этом мы ставили своей целью осветить только следующие вопросы: действительно ли в XVII в. в Минусинском крае обитало многочисленное киргизское племя, народ? Каковы были его взаимоотношения с соседями — с Россией, с державой Алтын-ханов и Джунгарией? Всех ли киргизов увели джунгары с верховьев Енисея в начале XVIII в.? Обстоятельное исследование территории киргизских улусов, изучение их родоплеменного состава, хозяйства и общественно-политического строя, их взаимоотношений с соседями, а также рассмотрение русских документов об уходе киргизов с Енисея в начале XVIII в. позволяют нам ответить на указанные вопросы.

Наряду с этим, в работе освещается еще один из спорных вопросов — вопрос о характере и целях борьбы енисейских киргизов со своими соседями.

О енисейских киргизах имеются ценные, но малоизученные

³ Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III. Фрунзе, 1959, стр. 233.

⁴ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. II. М., 1955, стр. 176.

материалы, проливающие некоторый свет на их историю и взаимоотношения с соседними народами. Из них наибольшее значение имеют русские архивные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), в Архиве внешней политики России (АВПР) (оба в Москве) и некоторых других советских архивохранилищах. Эти архивные материалы и легли в основу нашей работы.

Всестороннее изучение архивных материалов и литературы позволило нам более или менее конкретно рассмотреть историю енисейских киргизов XVII в. Мы по возможности старались изложить подлинные события, происходившие в Минусинском крае в XVII в. При решении тех или других вопросов автор опирался на достоверные архивные источники, сообщавшие неопровержимые факты, так как только «Факты, — как указывал В. И. Ленин, — если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только упрямая», но и «безусловно доказательная вещь»⁵. И еще: «...необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без *единого* исключения...»⁶.

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 350.

⁶ Там же, стр. 351.

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ

Расселение

Знакомство с русскими архивными материалами, относящимися к началу XVII в., показывает, что уже в первых сообщениях русских служилых людей из Сибири под «Киргиской землицей» подразумевалась территория, простиравшаяся от р. Чулым (в современном Красноярском крае) на юг до Саянского хребта. Западной границей этой «землицы» являлись горы Кузнецкого Ала-Тау, а восточной — р. Енисей, включая ее правый берег. Основное население здесь составляли енисейские киргизы, соседями которых на севере и северо-западе были различные сибирские племена, так называемые «чулымские татары», в начале XVII в. принявшие подданство России. На восток от киргизов обитали: яринцы, маторцы, тубинцы, а на юг — саянцы, за которыми располагались владения Алтын-ханов. На юго-западе и западе от киргизов жили теленгуты.

Енисейские киргизы занимали обширную территорию, включавшую правые и левые притоки Верхнего Енисея, а именно: справа — р. Оя и низовья рек Туба и Сыда, слева — р. Абакан с притоками: Она, Аскиз, Уйбат, Бея, Камышта, Тея, Таштып и др.; верхнее течение р. Чулым с притоками: Белый и Черный Июс, Урюп, Сереж, Ужур, а также районы Белого и Большого озер. На этой огромной территории жили не только киргизы, но и множество других мелких племен и родов. Енисейские киргизы делились на три улуса: Алтысарский, Есерский и Алтырский. Некоторые исследователи, в частности Л. П. Потапов, считали, что Алтырский улус не был киргизским, что он был присоединен к киргизам вместе с тубинцами в результате внешних причин¹. Однако показания

¹ Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 34.

источников и родоплеменной состав населения Алтырского улуса не подтверждают это мнение. Алтырский улус в русских источниках неизменно называется киргизским улусом или «Верхними киргизами»², а иногда — «Абраев улус», по имени его правителя. О князе Абрае русские узнали уже при самых первых сношениях с киргизами, в 1609 г.³ Но алтырцы только с 1626 г. стали платить ясак России. Об этом кузнецкий воевода Ф. Голенищев-Кутузов в своей отписке царю, докладывая о покорении новых земель по р. Абакан, писал: «А киргисы, Абраев улус, дреж сего ясаку не давали, дали вновь при мне... на 134 на 135 год»⁴. Из сказанного можно сделать вывод, что Алтырский улус был одним из киргизских.

Об этнической принадлежности тубинцев тоже существуют различные мнения. Одни исследователи, в частности Н. Н. Козьмин, считают Тубинский улус одним из киргизских⁵. Другие, а именно Л. П. Потапов, не включают тубинцев в состав киргизских улусов⁶. О тубинцах томские воеводы В. Вольтинский и М. Новосильцов в отписке к царю в 1609 г. писали, что они посылали «служилых людей «в новую землю в Маторцы да в Тубу приводить под твою царскую высокую руку»⁷. А в 1625 г. воевода енисейского острога Я. Хрипунов в своей отписке к тобольскому воеводе Ю. Сулешову писал, что «...тубинские земли князцы и лутчие люди со всеми своими людьми откочевали в киргисы, и ныне де живут все тубинцы в киргисах»⁸.

Сами киргизские князья не считали тубинцев своим улусом, заявляя, что если Московское правительство даст им такие же привилегии, что и юртовским татарам (юртовскими татарами русские называли местных жителей Томского уезда), и будет считать киргизов такими же «служилыми людьми», как и тех, то «мы тубинских и маторских и иные земли подведем многие под государеву высокую руку»⁹.

Исходя из вышеизложенного, следует считать, что Тубинский улус не был киргизским.

Среди трех киргизских улусов главенствующую роль играл Алтысарский. Он занимал территорию по верхним притокам

² Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, стр. 270.

³ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607 — 1636 гг. М., 1959, стр. 31.

⁴ Русская историческая библиотека, т. VIII. СПб., 1884, стр. 473.

⁵ Н. Н. Козьмин, Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 29.

⁶ Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 33.

⁷ Г. Ф. Миллер. История Сибири. т. I, М.—Л., 1937, док. № 65, стр. 423.

⁸ Г. Ф. Миллер. т. II, стр. 318.

⁹ Там же, док. № 259, стр. 352.

р. Чулыма: Урюп, Серез, Черный и Белый Июс, а также район озер Большое и Белое.

Алтысарцы располагались к северу от остальных киргизских улусов. Иногда в русских архивных материалах алтысарцы называются просто «киргисами»¹⁰. Центром их кочевий считался район Белого и Черного Июсов. Как известно, реки Белый и Черный Июс, сливаясь, образуют р. Чулым. Район между двумя Июсами был очень удобен как пастбище для нестойлового содержания скота. На Белом Июсе находился «киргизский каменный городок», о котором Я. Тухачевский говорил: «От Божией (озеро Большое.—А. А.) до Белого Июса до киргизского до каменного городка идти пол 2 дни. А от Кузнецкого и от Красноярского острогу до того киргизского городка ходу конного по 5 дней»¹¹. О наличии киргизских «городков» русские служилые люди сообщали не раз. В одном из донесений говорилось: «Мы взяли у них три городка»¹². Как выясняется, одним из этих «городков» был тот, о котором докладывал Я. Тухачевский. Остальные 2 городка находились в других киргизских улусах, о чем еще будет сказано.

Можно предполагать, что «городки» служили киргизским улусам в качестве убежища во время войн. В этом, видимо, было их главное назначение. Г. Ф. Миллер писал, что «русские служилые люди ...только тогда могли заставить киргизов подчиниться, когда взяли приступом три их городка»¹³. Л. П. Потапов допускает, что «каменный городок» на Белом Июсе являлся «древним центром владения енисейских киргизов»¹⁴. Это мнение нам представляется обоснованным.

К югу и юго-востоку от Алтысар, в степных районах по левому берегу р. Енисея, от р. Ербы на юг до устья р. Уйбат располагался Есерский улус. Его территория по сравнению с другими киргизскими улусами была небольшой. В источниках нет прямых указаний, где именно находился центр владений Есерского улуса. Но на основе некоторых косвенных данных можно предполагать, что его центр был на р. Ербе. Так Степан Греченин, ездивший в 1636 г. из Томска к Алтын-хану, докладывал: «...сентября в 16 день пришли в киргизы, на речку на Ербу... и тово же числа встречали ис киргизских улусов киргисские князцы Богучей с товарищи со 100 человек»¹⁵. Это

¹⁰ Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 37.

¹¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 84, л. 9.

¹² Там же, кн. 6, л. 78.

¹³ Г. Ф. Миллер, т. 1, стр. 325.

¹⁴ Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 16.

¹⁵ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1636, д. 2, л. 1.

же подтверждается и статейным списком Бажена Карташева, ездившего к Алтын-хану в том же году¹⁶.

Предположение, что центром владения Есерского улуса была р. Ерба, подтверждается и сообщениями, указывающими на местонахождение киргизского «городка» на устье р. Сыды (правый приток Енисея, против р. Ербы). Степан Коловский, посланный из Красноярска к киргизам в 1652 г., говорил: «Племянника де своего Мерген-тайшу со всеми людьми Алтын-царь осадил накрепко в каменном городке, ниже Сыды реки»¹⁷. О пребывании есерского князя Немека в данном районе писали также томские воеводы В. Волынский и М. Новосильцов еще в 1609 г. в Москву. По их словам, они посылали служилых людей «в новую землю, за Енисею, в Десеры, ко князю Немецу, есерских людей приводить под твою царскую высокую руку»¹⁸.

Исходя из этих данных, мы полагаем, что центр владений Есерского улуса находился на р. Ерба, в ее нижнем течении.

На юге и юго-западе от есерцев кочевали алтырцы. Земля Алтырского улуса простиралась от левых притоков р. Абакан-Уйбата и Камышта на юг до Саян и на запад до Абаканского хребта. Центром этого владения была р. Уйбат с притоком Неня. О концентрации алтырцев в этом районе сообщают упоминавшиеся выше русские послы. В частности, тот же С. Греченин писал, что, возвращаясь от Алтын-хана, в «марте в 21 день пришли в киргисы, в алтырцы, на реку, на Уйбат, а алтырцы были все в зборе в куюках»¹⁹.

Нахождение центра Алтырского улуса на р. Уйбат подтверждается и другими данными. Близко к Уйбату на р. Енисее находился остров, на котором, по сообщению служилых людей, имелся «городок». Об этом рассказал красноярский сын боярский Г. Ермолаев в 1684 г. при допросе о киргизах перед воеводою Енисейска К. О. Щербатым, который в свою очередь писал царю, что «де остров на Енисее-реке от устья Абаканского ехать степью на лошадях половина дни и меньше. А того де острова... в длину верст с пять, а сколько до того острова широтою — того он... подлинно сказать не ведает. А тот де остров на среди Енисея-реки, а с нижнего де конца от Абакан-реки про обе стороны того острова... камень, на версти или меньше, высокой подобно городовому делу и крепость де великая. А приход де... от камен только с одну сторону с верхнего

¹⁶ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1636, д. 4, л. 1.

¹⁷ Дополнение к Актам историческим, т. III. СПб., 1848, стр. 380. Далее: ДАИ, т., г., стр.

¹⁸ Г. Ф. Миллер, т. I, док. № 63, стр. 422

¹⁹ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1636, д. 2, л. 40.

конца того острова, а того де места... камень поперек острова покамест тот камень залег посмете сажень»²⁰.

Этот остров назывался «Тагыр остров» и являлся убежищем киргизов и других «инородцов» во время войн.

На основании всего сказанного можно предполагать, что каждый улус енисейских киргизов имел свою более или менее строго ограниченную территорию и определенный центр владений.

Таким образом, енисейские киргизы, занимая обширную территорию от р. Чулыма до Саян и в мирное время кочуя по ней, в военное время выходили за ее пределы и переходили с одного места на другое, в зависимости от обстановки. Вся эта территория, по сообщению служилых людей, считалась «Киргиской землицей».

Но там наряду с киргизами жили и другие племена, которых русские также называли «инородцами».

Родоплеменной состав

Некоторые мелкие племена, обитавшие в киргизских улусах, не являлись киргизами. Они входили в состав киргизских улусов и русскими властями и служилыми людьми ошибочно принимались за киргизов. Вне киргизских улусов проживали и другие племена, которые были киргизскими «кыштымами». На основании изучения родового состава киргизских улусов можно прийти к выводу, что киргизы были лишь родом, господствовавшим над всеми родами и племенами, входившими в состав трех киргизских улусов, а князья их были правителями данных улусов. Русские, посещая киргизов или ведя с ними переговоры, сталкивались с господствующим родом, т. е. с киргизами, вследствие чего название «киргиз» переносилось и на все подчиненные им роды.

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве имеется достаточно много документов, сообщающих о фактах совместного кочевания мелких некиргизских племен с киргизами. Для подтверждения приведем только один пример. В одном из документов говорится: «...а живут де от того Караульного острогу до усть Абакану реки и за Абаканом по обе стороны Енисея реки, и вверх по Абакану реке, киргиские люди и иных разных родов иноземцы»²¹. В другом документе сообщалось: «... а киргисы де ту-

²⁰ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 218—219.

²¹ Там же, л. 218.

бинцы люди небольшие, только многими земляцами завладели»²².

Конечно, нельзя принимать все сообщения за бесспорную истину. Другие документы утверждают, что киргизов было гораздо больше. Например, в расспросной речи служилого человека Г. Михайлова в Приказе Казанского дворца в 1617 г. содержится указание о том, что «всех киргисских князьков самих человек с 300, а черных людей ясачных мужиков, а по-киргиски кыштымов, с 1000 человек»²³. Петр Сабанский, ездивший из Тобольска в 1625 г. к киргизам в качестве посла, о своих встречах с ними писал: «...а собралось в те поры киргисских людей с 300 человек на тубинцов и маторцов и буклинцов с 400 человек»²⁴. Красноярский воевода И. Башковский в 1688 г. докладывал: «приехал ис Колмаков на Киргискую землю калмацкой мужик Сургал..., а велено де взять в Калмаки ис киргис 2000 на помочь»²⁵. Это сообщение подтверждается также рассказом «аринского ясадного иноземца Тайдына», который говорил, что «велено де ему, Сургалу, взять с собою в Калмыки ис киргис 1440 человек»²⁶. А кузнецкий воевода И. Конищев в своей отписке в 1688 г. указывал: «...а у них де киргисских людей и с кыштымами людей человек с 1000, а боевых людей сот с шесть»²⁷.

Приведенные выше материалы показывают, что енисейские киргизы вместе с кыштымами и союзными племенами (тубинцами, маторцами и др.) по численности становились довольно значительной силой.

В архивных материалах XVII в. нет прямых указаний на родоплеменной состав киргизов. Но можно почти с уверенностью утверждать, что термин «киргиз» рассматривался русскими служилыми людьми гораздо шире, чем этноним. Л. П. Потапов пишет: «...можно утверждать, что собственно енисейские киргизы представляли собой в это время, да и позднее, небольшую тюркоязычную группу, являвшуюся потомками средневековых енисейских киргизов»²⁸.

С. В. Бахрушин со своей стороны отмечал, что в состав енисейских киргизов «входят близкие и по языку и по культуре племена и более мелкие родовые единицы»²⁹. Данные,

²² ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 30, л. 552.

²³ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607 — 1636 гг. М., 1959, стр. 59.

²⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 28.

²⁵ Там же, стб. 1071, ч. I, л. 126—127.

²⁶ Там же, л. 128.

²⁷ Там же, ч. II, л. 30.

²⁸ Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 14.

²⁹ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 176.

извлеченные из архивных материалов, подтверждают правильность точки зрения этих исследователей. Попытаемся все же более детально выяснить родоплеменной состав енисейских киргизов в XVII в. и их кыштымов (зависимых родов), а также указать места их обитания.

По мнению Н. Н. Козьмина, в состав Алтысарского улуса входили роды: киргиз, сахалар, каштар (кашинцы) и аргын. Кыштымами алтысарцев являлись: ара, камлар, басагар, бугтин, ястых (ястынцы) и ач³⁰. В другом труде³¹ он включает в состав Алтысарского улуса и род тас. Здесь же к числу их кыштымов Н. Н. Козьмин относит: шустов, тинцев, кызылов, байгулов и аринцев. Более поздние путешественники, в частности Н. А. Костров³², посетивший Минусинский край летом 1850 г., подробнее описывают родовое деление Кызыльской волости, входившей в состав Ачинского округа.

По словам Кострова, кызылы («кизильские татары») кочевали от р. Урюп до Белого Июса и по левому берегу р. Чулыма; они делились на 12 родов, из которых два отделились в 1835 г., после чего осталось 10 родов: «Кизильский — издревле здесь жил, еще до переселения сюда прочих родов из Томской губернии; Большеачинский или Ачаг; Малоачинский или Кычаг; Игынский или Игы; Басагарский или Тюйзе; Басагарский 1-й и 2-й половины или Буга; Камларский или Камлер; Малоаргынский или Калмах; Кирчиков или Арчик, Шуйский или Шустер»³³. Как видим, те же роды, которые входили в состав Алтысарского улуса в XVII в., обитали здесь и в XIX в. Архивные материалы в свою очередь говорят, что кызылы проживали на данной территории еще в XVII в. Так, по словам Я. Тухачевского: «Кызыльская, государь, волость стоит по среди Киргизские земли на реке Июсе»³⁴. Таким образом, если сами алтысарцы кочевали вместе с кизильцами, то нет оснований считать их киргизскими кыштымами. Скорее всего часть кизильцев входила в состав Алтысарского улуса. В архиве имеется ряд документов, подтверждающих данное предположение. В частности, служилый человек М. Макеев, ездивший для сбора ясака к киргизам, сообщает, что кизильский князь Татылбайко кочует вместе с киргизскими людьми

³⁰ Н. Н. Козьмин. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО, т. XIV. 1916. Иркутск, 1917, стр. 52.

³¹ Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 38.

³² Н. А. Костров. Кизильские татары. Казань, 1853.

³³ Там же, стр. 14—19.

³⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 84 л. 301—302.

по р. Белый Июс³⁵. Нельзя также считать кашинцев принадлежащими к алтысарскому роду, так как они обитали, согласно чертежу Ремезова, в верховьях рек Мана, Туба и Сыды³⁶. Удаленность территории кашинцев от территории Алтысарского улуса не позволяет нам считать их родом, входившим в состав алтысарцев. В чертеже С. Ремезова указывается местопребывание некоторых других кыштымов Алтысарского улуса. Например, тинцы обитали в верховьях р. Сисим, а ачинцы — на правом берегу р. Серез, у ее впадения в р. Чулым³⁷. Местом пребывания камларов (по чертежу Ремезова) являлся район между реками Кита и Колда (левые притоки р. Чулыма)³⁸. Таким образом, можно сказать, что Алтысарский улус состоял из родов: киргиз, сахалар, аргын, басагар и частью кызыл. Их кыштымами были: кашинцы, шусты, буг-тин, ястых, ачинцы, байгулы и аринцы.

Господствующим родом есерцев были тоже «кыргызы». В состав этого улуса входили: киргизы, керельцы и качинцы. О керельцах Н. Н. Козьмин писал, что «вместо названий «езерцы», «исары» употребляется имя «керельцы». Поэтому князь Иженей называется кыргызским князем, а это был князь «керельцов», его преемник Шорло Мерген называется то кыргызским, то езерским князем»³⁹.

Что касается качинцев, то архивные материалы говорят о них, как о жителях р. Качи (левый приток р. Енисей.—А. А.). Когда в 1627 г. А. Дубенский основал в устье р. Качи острог Красноярск, качинцы и аринцы нападали на русских с целью воспрепятствовать строительству русского острога на их земле. В 1628 г. атаман Р. Кольцов окончательно смирил качинских татар. Тогда часть качинцев и аринцев ушла к киргизам. Об этом красноярский воевода А. Дубенский в отписке к тобольскому воеводе А. Трубецкому писал: «В прошлом во 136-м году изменили аринские и качинские татаровя и отъехали в Кыргызы»⁴⁰. Далее он сообщил, что часть качинцев «под город прикочевали»⁴¹. Такие откочевки качинцев к киргизам и обратно к Красноярскому острогу повторялись часто. Например, по данным архивных документов, качинцы в 1639 г. изменили «государю и отъехали к киргисам. Поэтому за 1640 г.

³⁵ ЦГДА, ф. Сибирский приказ, стб. 84, л. 535.

³⁶ С. Ремезов. Чертежная книга Сибири. СПб., 1882, л. 17.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 33—34.

⁴⁰ Г. Ф. Миллер, т. II, док. № 249, стр. 342.

⁴¹ Там же.

с них ясак не взят»⁴². Аринский князь Татуш со всеми своими людьми откочевал к киргизам, в результате с них за 1640 г. ясак тоже не был собран⁴³. Имеются также документы, свидетельствующие об их возвращении. Так, например, качинские «лучшие люди» Мингат, Тейсек и др. просили Красноярского воеводу О. П. Баскакова о том, чтобы им дали срок для уплаты ясака, так как они на Красный Яр от киргизов прикочевали поздно и «не промышляли» за ясаком⁴⁴. Из этих данных следует, что часть качинцев осталась среди киргизов.

Таким образом, выясняется, что часть качинцев входила в состав Есерского улуса. Кыштымами есерцев были: тины, буга, (часть кайдинцев и койбалы)⁴⁵. Сюда нужно еще добавить буклинцев, так как сами киргизы заявляли, что «буклинцы де природные холопы кыштымы наши князца Идженея Инзарина»⁴⁶.

По чертежу С. Ремезова тинцы обитали в верховьях р. Сисим, а койболы (койбом) — в верховьях р. Казыр-Сук и Туба⁴⁷. Пребывание койболов на данной территории подтверждается и И. С. Пестовым, который писал, что койболы — коренные жители «вверх по р. Енисею, неподалеку от Саянских гор»⁴⁸.

По мнению Н. Н. Козьмина, господствующей группой в Алтырском улусе были тоже киргизы⁴⁹. Он считает алтырскими кыштымами сагайцев, белтирцев, саянцев, желтых саянцев и др.⁵⁰ Но при рассмотрении этого вопроса приходится учитывать следующее. Архивные материалы сообщают, что сагайцы были «кыштымами киргизов» и русскими «ясачными людьми»⁵¹. В отписке кузнецкого воеводы Г. Волкова к томскому воеводе Д. Борятинскому имеется указание о том, что служилые люди, посланные из Кузнецкого острога к Сагайскому «ясачному князю Урузачку», узнали от встретившего там

⁴² ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, Ясачная книга Красноярского уезда, кн. 150, л. 109.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, кн. 144, л. 256.

⁴⁵ Н. Н. Козьмин. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО, т. XIV, 1916. Иркутск, 1917, стр. 51.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 186.

⁴⁷ С. Ремезов. Чертежная книга Сибири. СПб., 1882, л. 17.

⁴⁸ И. С. Пестов. Записки об Енисейской губернии Вост. Сибири. М., 1833, стр. 86.

⁴⁹ Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 36.

⁵⁰ Н. Н. Козьмин. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО, т. XIV, 1916. Иркутск, 1917, стр. 52.

⁵¹ ДАИ, т. VII, 1859, стр. 373.

приезжего «сагайца Кожеачка», что Еренак напал на красноярских служилых людей, которые хотели построить острог на устье Абакана⁵².

Из этих данных можно понять, что среди сагайцев, обитавших в верховьях р. Томь и являвшихся ясачными России, были еще и приезжие. Значит, где-то в другом месте обитала еще одна группа. По нашему мнению, эта их часть находилась на р. Абакане, и, как писал Н. Н. Козьмин, она занимала видное место среди родов, входивших в Алтырский улус⁵³. П. С. Паллас, посетивший Минусинский край во второй половине XVIII в., сообщает, что по р. Абакан и ее правым и левым притокам кочуют сагайцы, белтирцы, кашинцы и др., что сагайцы лицом отличаются от кашинцев и больше похожи на белтирцев⁵⁴. Следовательно, можно сделать вывод, что сагайцы и белтирцы были родами, входившими в Алтырский улус, а кашинцы после ухода киргизов пришли с верховьев рек Мана и Туба.

Саянцев также нельзя считать кыштымами алтырцев. Во-первых, нет прямых указаний, подтверждающих это. Во-вторых, имеются сведения, указывающие, что саянцы были многочисленным независимым племенем, что они со своим князем Карасакалом «человек с 6000 платят ясак Алтын-хану»⁵⁵.

К кыштымам алтырцев следует отнести и «кузнецких татар», обитавших по рекам Мрас-Су и Кондома. Об этом Я. Тухачевский писал: «Абраев де улусу князец Толай с товарищи владеет государевыми ясачными людьми по реке по Мрасе и на Кондоме с 1000 человек, а емлют де те князцы со всякого человека по 10 соболей»⁵⁶. Обобщая приведенные выше данные, приходим к следующим выводам:

1. Во всех киргизских улусах имелся господствующий род «кыргызы». Возможно, что они были потомками древних «кыргызов».

2. Основными, наиболее многочисленными родами, входившими в состав киргизских улусов, были: в Алтырском улусе — кизилы, в Есерском — кашинцы, в Алтырском — сагайцы. О наличии киргизских этнических элементов среди кизильцев,

⁵² ДАИ, т. VII, 1859, стр. 373.

⁵³ Н. Н. Козьмин, Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 36.

⁵⁴ П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, т. II, кн. 2. СПб., 1786, стр. 475—487.

⁵⁵ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границы Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Зап. ИРГО по отд. этнографии, т. X, вып. 1. СПб., 1882, стр. 10.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 84, л. 1—2.

сагайцев и качинцев свидетельствует известное исследование Н. А. Аристова⁵⁷. Эти роды в настоящее время, являясь основными, составляют ядро современного хакасского народа.

3. Правители Джунгарского ханства в начале XVIII в. заставили покинуть родные кочевья далеко не все киргизские улусы, а лишь господствующий род «кыргызы» с их аристократической верхушкой; некоторая часть киргизов осталась на месте, образуя особый род среди кизильцев, сагайцев и качинцев, что подтверждается исследованием Н. А. Аристова⁵⁸.

Кыштымы

Каждый киргизский улус имел своих данников, так называемых «кыштымов». Племена, подчиненные киргизам, распределялись между киргизскими князьями и платили им дань пушниной, изделиями домашних промыслов, скотом и пр. Киргизские князья, собирая дань с кыштымов натурой, в какой-то мере обеспечивали этим свои потребности. Кыштымы, занимавшиеся домашними промыслами и земледелием, платили дань изделиями этих промыслов и продуктами земледелия.

Основными данниками были племена и народы, занимавшиеся охотой. Охота давала им мясо, одежду и пушнину, которую они обменивали на скотоводческую, земледельческую и ремесленную продукцию. Шкурами пушных зверей платили ясак сильным соседям, которым были подвластны. На охоту ходили зимой на лыжах, летом бродили по дремучим лесам, которые были полны всякими зверями. Орудиями охоты являлись лук и стрелы. Кроме того, они умели ловить зверей капканами и разного рода ловушками.

Киргизские князья получали от кыштымов пушнину: соболей, лис, куниц, бобров и др. В свою очередь они отдавали эту пушнину в качестве ясака царской России, Алтын-ханам и джунгарским контайшам в зависимости от того, кому они в данное время были подвластны. Но часто русские власти в Сибири собирали ясак с кыштымов, минуя киргизских князей. Поэтому киргизские князья заявляли не раз, что после русских им самим брать ясак «неоткуда», «сами охотой не занимаемся» и ясак «больше платить не будем»⁵⁹. Выше уже отмечалось, что киргизские кыштымы в основном жили на правом берегу Енисея, к востоку от этой реки и до восточных Саян, в верховьях

⁵⁷ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897, стр. 71—72.

⁵⁸ Там же

⁵⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 188.

ях рек Мана, Туба, Сисим и др. Эти племена занимались главным образом охотой. Кыштымы, обитавшие севернее оз. Белое, разводили скот и частично занимались земледелием. А племена, обитавшие в верховьях рек Кондома и Мрас-Су, так называемые «кузнецкие татары», славились ремеслом. Ремеслом занимались также «канские кыштымы» киргизов, от которых киргизские князья получали необходимые изделия из железа. Так, киргизский князь Шорло Мерген, ведя переговоры в 1701 г. с Романом Торгошином, настаивал на том, чтобы «им бы с канских кыштымов иметь после государева ясаку летом дань свою железом и топорами, и осипами, и орловым перьем, кроме соболей»⁶⁰. У самих киргизов охота не являлась основным занятием. Об этом сами киргизы говорили русским послам: «живем в степи, а по лесу на лешнях не зверуем и соболей не добываем»⁶¹.

С. В. Бахрушин так характеризовал хозяйственные различия между киргизами и зависимыми от них кыштымами: «Скотоводы-степняки, киргизы в хозяйственном отношении резко отличались от кыштымов, промышлявших, наряду со скотоводством, преимущественно охотой, рыбной ловлей и отчасти земледелием»⁶². В известных нам источниках нет данных о взаимоотношениях енисейских киргизов с кыштымами до прихода русских в Минусинскую котловину. Однако можно предполагать, что еще и до их прихода киргизские князья беспрепятственно собирали ясак со своих кыштымов, ибо (как вполне правильно замечает З. Бояршинова) «взимание дани с подвластных народов есть примитивная форма эксплуатации, уходящая своими корнями в предыдущие столетия»⁶³.

С появлением русских в Минусинском крае одни кыштымы добровольно перешли в подданство России, другие были принуждены к тому силою. Таким образом, они становились «ясачными людьми» («ясачные волости») России.

Киргизские князья, разумеется, не могли мириться с тем, чтобы их кыштымы отказали им в выплате ясака и стали платить его русским властям. Кыштымы видели в России более могущественную силу. Кроме того, политика Московского правительства, требовавшая обращаться с ясачными племенами «ласково» и собирать ясак по строго установленным по-

⁶⁰ Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1. Пг., 1882, стр. 183.

⁶¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 173.

⁶² С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 188.

⁶³ З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII в. Тр. Томского гос. ун-та, т. 112. Томск, 1950, стр. 76.

рядкам, создавала известное тяготение кыштымов к России. Некоторым «иноземцам», в частности «юртовским татарам» Томского уезда, русские власти предоставили привилегию служить «государю» подобно русским служилым людям в Сибири. Киргизы, завидуя «юртовским татарам», не раз просили царское правительство, «чтобы де их, киргизских людей, государь пожаловал, ясаку на них иметь не велел. А велел бы им, государь, служить всякие свои государевы службы с чатскими и с томскими юртовскими Мурзы»⁶⁴.

«Либеральная» политика России пользовалась известной симпатией у местных некиргизских племен, которые стали оказывать сопротивление киргизским князьям, требовавшим от них ясак. Этим пользовались русские власти, из-за чего возник острый конфликт между русскими воеводами и киргизскими князьями. В основе конфликта лежали споры из-за ясака, получаемого от кыштымов, что и явилось одной из причин борьбы князей енисейских киргизов с русскими властями в Сибири. Были разные способы сбора ясака киргизскими князьями с кыштымов.

Иногда киргизские князья давали кыштымам в долг скот и необходимые вещи, в которых те нуждались, с обязательством расплачиваться пушниной. Если должники не погашали свои долги вовремя, то князья собирали их силой. Архивные материалы сообщают, что киргизские князья ездили в ясачные волости для сбора долгов, которые «ясачные люди, приходя в киргисы, емлют в долг лошади и шубы козлины, и за что им сулят платеж собольми и бобрами»⁶⁵.

Были и другие способы сбора ясака с кыштымов. Например, томский воевода И. Ромадановский в своей отписке царю в 1636 г. писал, что князцы из Мелесских волостей Кошенбайко и Курдомечко приходили к полюе Мелесского острога О. Михалевскому и просили, «чтобы их, князцев, отпустили в киргисы. А киргизские люди присылают к ним с угрозою: будет они к ним не поедут, и они [киргизы]... как реки станут придут. И они де, [князцы Мелесской волости] по всему Чюльму, откупаючись от киргис, забирают с человека по две гривны»⁶⁶. Это показывает, что иногда киргизские князья через своих людей извещали ясачных-кыштымов, чтобы они сами приносили ясак. В случае отказа киргизские князья совершали набеги, последствия которых были тяжелее, чем взнос ясака.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 74, л. 459.

⁶⁵ Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 31.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 53, л. 149

Иногда причинами их нападений на ясачные волости были войны между киргизскими князьями и русской властью в Сибири. Например, киргизские князья, узнав о готовившемся походе Я. Тухачевского против киргизов, совершали набеги на «чулымских татар». Об этом томский стольник и воевода С. Клубков-Мосальский в своей отписке царю в 1641 г. писал, что «хотят де киргизские люди итти по Чулыму воевать их, ясашных людей. А говорят де они, киргизские люди, что с Тары воевода Яков Тухачевский со многими людьми пришел в Томской и хочет де итти на них, киргиз, войною, покаместа де чтоб Тухачевский на них, киргиз, срядитца войною, а они де, киргисы, в те поры твой государев ясачные волости запустошать»⁶⁷. Киргизские князья совершали также набеги на племена, обитавшие в отдаленных местах. Как правило, такие набеги сопровождалась грабежом всех тех, кто им встречался по пути. Так, Красноярский воевода Г. Никитин в своей отписке царю в 1666 г., сообщая о нападении Еренака на Удинский острог, писал, что Еренак «приходить войною собрався киргизских и алтырских и с есерскими улусными людьми человек с 200 и больши... под Удинской острожок, где лутчая большая соболиная казна собирается.»⁶⁸

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что киргизские князья всякими путями и способами стремились собирать ясаk от своих кыштымов.

В архивных материалах имеются сведения, указывающие на то, что киргизы от кыштымов получали не только пушнину. Например, посланный к царю челобитчик от киргизских кыштымов в 1662 г. Начикай Сазымов в Сибирском приказе в Москве говорил: «... а те де молодые князцы, приезжая к ним, кыштымов, емлют у них на себя вместо соболей бобры и кони добрые, и платье, и котлы»⁶⁹.

От «кузнецких татар» киргизы в качестве дани брали, как уже указывалось, ремесленные изделия. Эти татары, по словам Миллера, вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Они «жили по рекам Кондоме и Мразе, впадающим в реку Томь. Там есть много железной руды. Они никому не подчинялись, исключая киргизов, которые откупались подарками: котлами, таганями, стрелами и др.»⁷⁰

С кыштымов, занимавшихся скотоводством, собирали дань скотом. В архиве имеются сведения о том, что «киргисы алты-

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 112, л. 113.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1666, стб. 3, л. 5.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 623, ч. I, л. 29.

⁷⁰ Г. Ф. Миллер, т. I, стр. 318.

сарцы Ебалакова улуса», приплыв вниз по реке Чулым, собирали ясак от татар, кочевавших «на устье Кемчуг реки добрыми конями»⁷¹.

Выше уже отмечалось, что три киргизских улуса распределяли между собой кыштымов. В свою очередь и улусные князья делили кыштымов так, чтобы каждый киргизский князь и князья союзных племен имели данников. Я. Тухачевский, например, сообщал, что «всего де тех киргизских князцов и тубинских, и маторских с 50 человек, а и последней де князец владеет государевыми ясачными людьми с их промыслами по 40 человек и больше»⁷².

Некоторые князья в зависимости от своего влияния на киргизских князей имели больше 40 ясачных людей. Тот же Я. Тухачевский писал: «... у киргизского же де князца Иченея Мергена [он был Есерским улусным князем] у одново... по Кан де реке с 500 кыштымов ясачных людей. А живут де те ясачные люди в юртах, кочуют на оленях. А дают де они государю с себя на Красной Яр малой ясак, и то они дают тот малой ясак утаяс того киргизского князца Иченея»⁷³. Из этого сообщения видно стремление киргизских князей запретить кыштымам вносить ясак в русскую казну. В этом же документе указывалось, что князь Талай по рекам Мрас-Су и Кондоме имел около 100 человек кыштымов⁷⁴.

Во всех переговорах, происходивших между киргизскими князьями и представителями России, вопрос о кыштымах не сходил с повестки дня. Русские требовали, чтобы киргизские князья не трогали ясачных людей России. Но киргизские князья упорно находили всякие предлоги для нападений на ясачные волости. Иногда обе стороны соглашались, чтобы кыштымы платили ясак и русским властям и киргизским князьям одновременно.

И. Кобыльский, например, договорился с киргизскими князьями о том, чтобы кыштымы платили «киргизским князцам, трем человекам, Ишею Сигзинову, да Кочебаю Батараеву, да Сенге Кашкину с тех же кыштымов после нашего (Россия) ясаку имати по 15 соболей с человека на год или вместо соболей по три бобра, а в то де время было кыштымов ясачных людей посмете 600 человек»⁷⁵. Как указывают архивные источники, сами киргизы обязывались «платить ясак от кыш-

⁷¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1317, ч. I, л. 30.

⁷² Там же, стб. 84, л. I,

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, л. 2.

⁷⁵ Там же, стб. 623, ч. I, л. 28.

тым по 10 соболей»⁷⁶. Однако русские власти собирали «ясак с полных и пожиточных людей по десяти соболей, а с бедных людей по пяти соболей с человека»⁷⁷.

Часто представители местных сибирских властей с целью личного обогащения нарушали установленные государством нормы дани. Иногда сбор ясака русскими служилыми людьми сопровождался грабежом и убийством. Все это приводило к тому, что некоторые ясачные люди переходили на сторону киргизов, опасаясь притеснения со стороны русских властей в Сибири.

Взаимоотношения русских воевод и служилых людей с ясачными людьми хорошо показаны в статейном списке П. Сабанского, ездившего к киргизам в 1626 г. из Тобольска. В то время среди киргизов находились мелесские и кизильские ясачные люди, которые бежали целыми семьями с «порубежных волостей». Они жаловались на томских служилых людей и на воевод, которые их жестоко притесняли. В частности, голова Мелесского острога Бурнаш Никонов от мелесских ясачных людей «взял поминков на приезде 70 соболей»⁷⁸, а также брали по несколько десятков соболей на «поминку» и другие служилые люди. Этот же Никонов собирал ясак от «старых, ис увечных людей, ис малых робят, которые не умеют ничем промышлять, с пятидесят человек двенадцать сороков»⁷⁹ соболей, т. е. 480.

Кизильские люди жаловались, что «пришед томские казаки промили, убивали у них, Кызыльские волости, 5 человек, неведомо для чего»⁸⁰.

Таким образом, мелкие племена, являвшиеся киргизскими «кыштымами» и русскими «ясачными людьми», попадали под двойной гнет.

Киргизские «кыштымы», кроме уплаты ясака, выполняли различные работы по требованию киргизских князей. Они обязаны были, как говорили русские служилые люди, и «ясак платить и подводы гонять»⁸¹. Кыштымы участвовали также в войсках киргизских князей. Источники часто говорят, что «киргизские люди» вместе с «кыштымами» нападали на тот или иной острог.

⁷⁶ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 623, ч. I, л. 28.

⁷⁷ Там же, л. 29.

⁷⁸ Там же, стб. 886, л. 56.

⁷⁹ Там же, л. 57.

⁸⁰ Там же, л. 59.

⁸¹ Там же, стб. 1124, л. 52.

Хозяйство

Енисейские киргизы были в основном скотоводами-кочевниками. Обильные горные пастбища, богатые степные луга и множество рек создавали благоприятные условия для разведения скота. Скот находился круглый год на подножном корму и не знал стойлового содержания.

Хозяйство енисейских киргизов следующим образом характеризовалось служилым человеком Г. Михайловым, докладывавшим в Приказе Казанского дворца в 1617 г., что «Киргизская де земля кочевная, живут—в избых в полстяных, а ходят в шубах и в зипунах, а едят рыбу и зверь бьют, а бой у них лучшей. Лошадей и коров и овец много, хлеба не сеют и не родитца»⁸².

Киргизы разводили главным образом лошадей, овец и рогатый скот. Основной тягловой силой являлась лошадь, о которой говорил Н. Костров, что «лошади, относимые обыкновенно к монгольской породе, малорослы, дики, но довольно красивы, крепки и способны как для верховой езды, так и для упряжки»⁸³. В качестве транспортного средства использовалось также и небольшое число верблюдов.

У енисейских киргизов, как и у всех кочевых народов, скотоводство являлось главной отраслью хозяйства. Из овечьей шерсти изготовлялись тканые материалы, войлок для покрытия крыши и пола юрты, платки, чулки и другие предметы одежды. Из шкур шили шубы и обувь, а также изготовляли конскую сбрую и различную посуду. Конские хвосты служили материалом для производства веревок. Одним словом, нельзя представить себе тогдашнюю жизнь киргиза без скота.

Скот был основным средством существования скотовода-кочевника, «вместе с тем скот являлся продуктом труда. Он частично употреблялся в пищу, на изготовление одежды и разного инвентаря, частично же, возвращаясь в производственный процесс для целей воспроизводства, играл роль средства производства»⁸⁴.

Но скот у киргизов, как и у других кочевников-скотоводов, не был основным средством производства, главную роль в производственных отношениях играла земля. Однако мы считаем, что в производственном отношении нельзя отрывать скот от земли, равно как и землю от скота. Они тесно связаны меж-

⁸² Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 58.

⁸³ Н. А. Костров. Качинские татары. Казань, 1852, стр. 36.

⁸⁴ И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 76.

ду собой. По мере увеличения поголовья скота повышается и потребность кочевников в земле. При этом феодал, крупный скотовладелец, старается захватить лучшие угодья для своих стад. Таким образом, феодал-князь, увеличив свое стадо и овладев новыми пастбищами, укреплял свою политическую власть над подданными.

В источниках мы не находим сведений о продаже и купле земли. Но, как пишет И. Я. Златкин, «формой выражения собственности на землю является не право купли-продажи земельных участков, а право регулирования перекочевок и распоряжения пастбищными угодьями»⁸⁵. Это же наблюдается и у енисейских киргизов. Правда, в источниках нет прямых сведений о распределении пастбищ киргизскими князьями среди своих вассалов и подданных. Но можно предполагать, что улусный правитель, князь, распределял кочевки между подвластными ему князьями—вассалами и указывал, где каждый из них должен кочевать летом и останавливаться на зиму.

Киргизские князья считали себя собственниками земли, на которой кочевали подвластные им улусы. Во всех переговорах с русскими властями они настойчиво добивались того, чтобы русские воеводы не строили острогов на их землях. По этому поводу Л. П. Потапов пишет: «Киргизские феодалы упорно подчеркивали свои права собственников на определенные территории перед русскими воеводами»⁸⁶. Киргизские князья заявляли, что на Киргизской земле или киргизских пастбищах не имеют права кочевать ни теленгуты⁸⁷, ни кто-либо другой. Киргизский князь Табун [сын Кочебая], особо подчеркивал свою абсолютную власть над подданными и землей. Он прямо заявлял посланнику русского воеводы В. Старкову, что «яз де в своей земле и сам воевода»⁸⁸.

Киргизские князья в XVII в., будучи фактическими собственниками земли, т. е. пастбищ и больших количеств скота, превращали непосредственных производителей, рядовых кочевников, в класс феодально зависимых людей.

Вероятно, скотоводство у енисейских киргизов было не единственным занятием в хозяйстве. Среди них были люди, занимавшиеся частично земледелием, охотой, ловлей рыбы, а также ремеслом.

О земледелии в верховьях Енисея в XVII в. имеются прямые указания в архивных источниках. Например, в докладе

⁸⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959. Введение, стр. 9.

⁸⁶ Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 26.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1638, д. 1, л. 16.

царю Михаилу Федоровичу, составленном в Сибирском приказе не позднее 20 октября 1639 г., был затронут вопрос о том, что для умирения киргизов необходимо поставить острог на р. Абакан. «И тот де острог будет у киргисов за хрептом вверх по Енисею и под государевою рукою будут многие землицы. А где тот острог поставит, и тут место пашенное и рыбные ловли и зверю угроже. А выше де того Абакану вверх по Енисею реке на Алтына его кыштымы человек с 60 и хлеб пашут»⁸⁹. В этом же документе сообщается, что «на том месте живут опрично иных больши 500 человек, а люди пешие и сидячие»⁹⁰.

Сведения о занятии киргизов земледелием встречаются в «расспросной речи» посла Эзана, представленной в Посольский приказ не позднее 6 октября 1667 г. Эзан, передавая просьбу Лоджана о постройке городка на устье р. Упсы (Туба), говорил: «... в Киргизах для военньюго времени велел поставить город и пашню пахать, а наперед де сего при отце ево, Лоджанове, в Киргизах пашни пахивано, да ныне де киргизов у Лоджана в улусах со 100 человек»⁹¹.

Сведения о земледелии у киргизов встречаются также в документах у Г. Ф. Миллера. Енисейский приказной человек Матвей Трубчанинов в отписке на имя Томского воеводы Федора Бабарыкина в 1620 г. (не позднее 23 февраля) сообщал, что тобольский воевода И. С. Куракин спрашивал его «про киргиский волок, что с Чулыма волок к киргиским пашням»⁹².

Известно, что северные соседи киргизов качинцы и аринцы еще до прихода русских занимались земледелием. По сообщениям русских источников, «в Качинской земле люди кочевные, летом пашню пашут, сеют ячень да курлак»⁹³. Сагаи, обитавшие в верховьях р. Томь, занимались земледелием⁹⁴, так же как и соседи киргизов, например, алтайские племена. Пригодность киргизской земли для пашни не раз подчеркивали русские служилые люди. Все это не могло не отразиться на хозяйстве киргизов в XVII в. Опираясь на показания источников, можно не без основания предположить, что среди енисейских киргизов XVII в. были люди, занимавшиеся земледелием, которое служило им в качестве подсобной отрасли хозяйства. Надо полагать, что в тогдашних условиях киргизские земле-

⁸⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 84, л. 65.

⁹⁰ Там же, л. 66.

⁹¹ Там же, стб. 623, л. 73.

⁹² Г. Ф. Миллер., т. II, док. № 145, стр. 250.

⁹³ Там же, стр. 348.

⁹⁴ Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 122.

дельцы появлялись на полях только во время сева и уборки, что пахали они «абалом» или, как это юродие называли русские, «суховаткой»⁹⁵. Вероятно, эти пашни на киргизских землях представляли собой небольшие клочки земли вдали от проезжих дорог, вследствие чего русские служилые люди редко соприкасались с киргизскими земледельцами и мало что о них знали. Конечно, продукты земледелия, собиравшиеся на таких незначительных по размерам полях, не обеспечивали потребностей енисейских киргизов. Именно поэтому их князья стремились получать хлеб со своих кыштымов в виде дани или добывали его во время набегов, путем торговли и другими способами.

Енисейские киргизы занимались также охотой и рыболовством. Охота носила сезонный характер. Люди в определенное время года выезжали на охоту группами и устраивали облавы на зверей. Кузнецкий воевода Г. Волков в отписке на имя томского воеводы Д. Барятинского в 1675 г. писал, что киргизы говорили служилым людям «будто они хотят итти на облаву, а в ту де пору облавы не бывает»⁹⁶. Надо отметить, что охота и рыболовство, как и земледелие, были для киргизов подсобными занятиями. Конечно, множество зверей в тайге и богатство рек и озер рыбой давали возможность людям получать дополнительные продукты питания и предметы одежды наряду с продуктами животноводства, но последнее, безусловно, являлось главной отраслью хозяйства у киргизов.

Енисейским киргизам в XVII в. было известно и ремесло. На основании исторических данных, можно предполагать, что среди них, как и всех кочевых народов, были кузнецы, а также мастера, изготовлявшие из золота и серебра женские украшения, домашнюю утварь и украшения для конской сбруи из меди. То, что у киргизов были свои кузнецы, доказывают и русские архивные материалы. Например, подьячий Красноярской съезжей избы Василий Еремеев, командированный воеводой М. Ф. Скрыбиным в 1654 г. вверх по Енисею в Киргизскую землю для разведки местности (на которой несколько раньше красноярский пушкарь Иван Обеднин нашел серебро), докладывал, что он тщательно разведывал местность, «где объявилась руда», и действительно нашел там серебро. Еремеев предлагает послать туда служилых людей под видом рыбаков, чтобы киргизы и другие «иноземцы» не узнали о нахождении ру-

⁹⁵ Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 123.

⁹⁶ ДАИ, т. VII, 1859, стр. 338.

ды. Он опасался, что киргизы не допустят русских к руде, ибо в самой «в киргизской, и в тубинской, и в алтырской, и в карелской землях [имеются] серебряных мастеров, которые из серебра узды делают и по железу набивают добре много»⁹⁷.

Енисейские киргизы, кроме России, поддерживали торговые связи и с другими культурными странами. К ним приезжали со своими товарами купцы из Средней Азии. Русское государство также вело торговлю с киргизами, так как не могло обеспечить всеми необходимыми товарами сибирских служилых людей. Кроме того, сибирские города очень нуждались в продуктах животноводства, изобилие которых было у местного скотоводческого населения. С другой стороны, и местные жители были заинтересованы в получении ремесленных товаров.

Русские власти в Сибири неоднократно просили киргизов, чтобы те на «государскую милость были надежны во всей и в Томской бы город со всякими товары торговать безопасно приходили. А от государевых людей обиды, налог никаких не будет»⁹⁸.

В мирное время киргизы приходили в сибирские города и вели торговлю. В одном из архивных источников ясно говорится, что киргизы «приезжали к ним, в Томской... город всегда по вольно»⁹⁹. Иногда русские власти в Сибири снаряжали обозы для торговли с киргизами. Так, Красноярский пятидесятник Иван Поспелов в 1694 г. в Сибирском приказе заявил, что «отпустил князь Степан Путятин томских служилых людей в киргизы для торгу, да двух человек людей своих. А с ними отпустил товару своего на пять тысяч рублей»¹⁰⁰. Из этого видно, что к киргизам отправлялись не только казенные товары, но и товары, принадлежащие местным воеводам. Исходя из личных интересов, воеводы часто посылали своих людей с торгом «по волостьям и в киргизы... на подводах с своими товары»¹⁰¹.

О пригоне скота киргизами в Красноярский, Томский, Енисейский и другие города указывается во многих архивных документах. В одном из них говорится, что «Алтыновы люди и киргизы ныне дорогу к Красноярскому острогу и к Енисейскому вызнали. И они де с ними (русскими послами, ездившими к Алтын-хану.— А. А.) в те остроги с торгом, с животиною, с коровами шли»¹⁰².

⁹⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 344, ч. I, л. 9—10.

⁹⁸ Там же, стб. 252, л. 151.

⁹⁹ Там же, кн. № 6, л. 76.

¹⁰⁰ Там же, стб. 1317, ч. I, л. 109—110.

¹⁰¹ Там же, стб. 886, л. 53.

¹⁰² Там же, стб. 84, л. 66.

Для характеристики системы торговли и цен на товары, которые продавались в сибирских городах, приведем несколько примеров. Томский воевода С. Клубков-Мосальский в своей отписке к царю в 1642 г. писал: «В Томском, государь, купят лошади на калмыцком торгу, коли живут колмацкие пригоны, добрые лошади рублей по десять, а больше. А которые де лошади покупают для пашен и для воски, те лошади покупают рублей по семи и по осми. А выдер, государь, в Томском... покупают... рублей по три и больше... и на те, государь, выдри меняют у калмыков [а они] лошади дают. За лошадь, за среднюю по выдре большой да по юфте кож красных, да портицо летчины. А коевое, государь, лета в Томском калмыцких пригонов не живет и в Томском, государь, служилые люди промеж собою лошади покупают на денги рублей по десяти и по пятнадцати и больше»¹⁰³. В этом же документе далее говорится: «... покупают де они (томские служилые люди.— А. А.) в Енисейском остроге лошади дорогою ценою... рублей в 30 и больше»¹⁰⁴.

Из этого документа видно, во-первых, что калмыки, киргизы и другие «иноземцы» продавали скот сравнительно дешево, по ценам, выгодным для сибирских служилых людей; во-вторых, что торговля в некоторых случаях носила меновой характер; в-третьих, что местное население, приезжавшее в сибирские города, оставалось там до полной распродажи своих товаров.

Основными товарами киргизов и других кочевых народов Сибири были, как выше указывалось, скот, продукты животноводства и пушнина. Что касается товаров, привозившихся к киргизам бухарскими и русскими купцами, то о них говорит запись в Тарской таможенной приходной книге за 1654 год: «Месяца ноября в 30 день... приехали из Бухарской земли тобольские и татарские и приезжие бухарцы»¹⁰⁵ с товарами. Русские купцы привезли «концов малых бязи и уской в 1000 штук, и бязи лошоной, зонденей»¹⁰⁶ разных цветов, а также кафтаны, кушаки и т. п. Бухарцы доставили «250 концов малых бязей узких, в том числе и бяза лошонные, 70 пястрей, 240 выбоек широких и уских, 440 зонденей разных цветов, 60 кафтанов... зонденных обоек 1000 мест»¹⁰⁷ и другие товары. Далее сообщается, что от русских купцов взята десятая пошлина, а

¹⁰³ Там же, стб. 112, л. 234—235.

¹⁰⁴ Там же, л. 226.

¹⁰⁵ Там же, кн. 313, л. 385—387

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 313, л. 385—387.

от бухарцев «по государеву указу... двадцатая пошлина»¹⁰⁸. Как видно, русские и бухарские купцы привозили главным образом промышленные товары, а вывозили пушнину.

Между русскими служилыми людьми и киргизами велась торговля и в самих киргизских кочевьях. Как выше уже отмечалось, в киргизские анлы выезжали не только казенные и воеводские торговые люди, но и служилые люди с целью продать принадлежащие им товары. Казаки, посланные для сбора ясака к киргизам, брали с собой товары и меняли их на соболей, бобров, лисиц и др. Иногда они, несмотря на строгий запрет, обменивали на пушнину даже свое оружие. По возвращении же домой они отрицали факт обмена и объясняли отсутствие оружия тем, что стали жертвами насилия со стороны киргизов. Об этом в 1627 г. сообщается в одной из жалоб киргизов: «Которые де преж сего служилые люди у нас бывали и пищали нам свои продаывали. А за те свои пищали имали у нас зверем, собольми и бобрами, и иное всякое мягкое рухлядю большою дорогою ценою. А в Томский город приехав, сказывали на нас воеводам, что мы у них пищали их отнимаем сильно. А купили де мы пищали у томских служилых людей, у конных казаков, у Ивашко Широкова пищаль, у Максимка Чернова пищаль же»¹⁰⁹.

Оружие продавали не только казаки, но и сами воеводы. Красноярские служилые люди во время бунта против воеводы Алексея Башковского в 1678 г. в своих челобитных на имя царя писали, что он, Алексей, «посылал в киргизскую «немирную орду» своего человека Якова Аргамачка с свинцом, порохом, «добрыми конями» и с разными товарами»¹¹⁰. Это говорит о том, что как воеводы, так и служилые люди всякими путями стремились нажиться на торговле с местным населением.

С развитием торговли между Россией (в сибирских городах), Бухарой и местными скотоводческими и охотничьими племенами углублялись и укреплялись культурные и экономические связи.

Общественно-политический строй

Общественный строй енисейских киргизов в XVII в. может быть охарактеризован как раннефеодальный или патриар-

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 313, л. 385—387.

¹⁰⁹ Там же, стб. 886, л. 176.

¹¹⁰ Н. Н. Оглобин. Красноярский бунт 1695—1698 гг. Томск, 1902, стр. 5.

хально-феодальный. В. И. Ленин писал: «...патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом...»¹¹¹. Именно таким было хозяйство киргизов. Переход кочевников-киргизов к феодальному строю проходил постепенно, по мере того как главное средство производства — земля, пастбища — превращалось из собственности общинно-родовой в собственность феодализовавшейся знати.

В общественном строе енисейских киргизов XVII в. имелись весьма значительные родовые пережитки. Родовые отношения глубоко пронизывали все стороны экономической и социальной жизни киргизов. В этом смысле можно сказать, что процесс феодализации у киргизов еще не был завершен. «Живучесть различных видов родовых отношений и их переплетение с феодальными,— пишет Л. П. Потапов,— являются главной особенностью этой ранней формы феодализма»¹¹². Родовые пережитки, с одной стороны, помогали знати эксплуатировать членов рода, с другой — затрудняли эксплуатацию. Члены рода смотрели на своего старейшину, постепенно становившегося феодалом, как на покровителя и родственника, возглавлявшего родовые институты и поддерживавшего традиции родовой взаимопомощи, а это сглаживало остроту имущественных и социальных противоречий. Родовые пережитки служили для старейшин своеобразным орудием эксплуатации своих «сородичей».

Как уже отмечалось, енисейские киргизы состояли из близких по антропологическому типу и языку родов, объединенных в три улуса. Хозяйственный уклад этих улусов был также одинаковым. В каждом улусе господствовал род, называвший себя «кыргызами», во главе которого стоял князь, глава киргизского рода и правитель всего улуса. Правителям улусов подчинялись зависимые, некиргизские роды, которые имели своих «князьков». В свою очередь, эти зависимые роды делились на подроды, состоявшие из отдельных айлов. Мелкие айлы представляли собой первичное ядро каждого подвластного киргизским князьям улуса. Во главе таких айлов стояли свои старейшины — «лутчие люди», как их называли русские служилые люди. Князьки родов подчинялись верховному, улусному князю — члену рода «кыргыз». Верховный князь являлся как бы покровителем всех родов, входивших в состав данного улуса. Родовые князья, несмотря на подчинение верховному кня-

¹¹¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 158.

¹¹² Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 26.

зю, пользовались определенной самостоятельностью в решении вопросов, касавшихся своего рода.

В архивных документах и других источниках мы не нашли сведений о том, чтобы кто-нибудь из родовых князей платил ясак верховному князю. Наоборот, родовые князья наравне с верховными имели своих кыштымов, с которых получали дань.

Члены рода верховного, улусного князя, т. е. выходцы из собственно киргизского рода, имели определенные привилегии. Не случайно русские власти в Сибири при ведении переговоров и заключении договоров с киргизами требовали в аманаты (заложники) кого-нибудь именно из рода «кыргыз» или из семьи верховного князя.

После смерти отца, как правило, главенствующая роль в управлении улусом переходила к старшему сыну. Но иногда, в зависимости от разных обстоятельств, власть захватывали младшие сыновья. Так, например, произошло с известным киргизским князем Еренаком, который после смерти отца Ишея стал верховным князем не только Алтысарского улуса, но и всех трех киргизских улусов, несмотря на то, что у него был старший брат Акан¹¹³. Другие дети верховного князя оставались в роде и кочевали вместе с выделенными им аилами, которые русские называли улусами по имени данного князя: Шандын-улус, Ебалака-улус и др.¹¹⁴

По мере накопления богатств в руках верховного князя усиливалась его власть. Если в первой половине XVII в. киргизские князья при ведении переговоров с русскими властями собирались у старейшего князя и каждый князь иногда с братьями и детьми давал шерть (клятву) от имени своего рода, то во второй половине XVII в. один верховный князь брал на себя решение судьбы всех енисейских киргизов. Это показывает, что в руках данного князя сосредотачивалась вся власть над киргизами и их кыштымами.

Во время первой встречи русских служилых людей с енисейскими киргизами во главе Алтысарского улуса стоял князь Номча, Алтырского — Абрай и Есерского — Немек. Другие князья — Кочебай, Ноян, Кашка, Кара были алтысарскими князьями из рода «кыргыз» (см. родословную таблицу киргизских князей).

Киргизские главные князья не подчинялись друг другу. Некоторые из них не «слушали» даже влиятельного улусного князя. Например, князья Кочебай, Ноян и Кашка не

¹¹³ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1666, д. 3, л. 4.

¹¹⁴ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 179.

соглашались с решением Номчи платить ясак царской России¹¹⁵.

На наш взгляд, называя того или другого князя «начальным», русские служилые люди заблуждались. Посланцам русских воевод, ездившим к киргизам, нужен был один князь, с которым они могли бы вести переговоры. Поэтому, когда киргизские князья собирались у того или иного почетного князя, его-то русские и считали «главным» или «начальным». По данным архивных материалов, в первой половине XVII в. у киргизов было несколько «начальных» князей. Например, В. Тюменец и И. Петров, посланные в 1616 г. к Алтын-хану, сообщали, что у киргизов «Немек — князь и начальной и та Киргиская земля вся ныне ево, а наперед того была отца ево»¹¹⁶. Петр Сабанский, отправленный из Тобольска к киргизам в 1626 г., писал, что в Томском городе убили князца Кару, «о ком у них киргизская земля стояла»¹¹⁷. Здесь же П. Сабанский добавлял, что от имени всех киргизов с ним говорил князь Ишей, из чего следует, что он «начальным» князем считал Ишея. В других источниках, относящихся к 1609 г., также сообщается, что князь Номча стоит выше, чем другие князья: Кочебай, Ноян и Кашка¹¹⁸. Таким образом, в источниках первой половины XVII в. мы встречаем несколько «начальных» князей, а именно: Номчу (1609 г.), Немека (1616 г.), Кару (1626 г.) и Ишея (1648 г.). В действительности все они, кроме Немека (он был есерским князем), были старейшими алтысарскими князьями. На наш взгляд, Степан Греченин правильно писал про Кочебая, что тот «старее всех и почитают его»¹¹⁹. Именно поэтому Греченин поехал к Кочебаю, кочевавшему на р. Оя.

Для енисейских киргизов в первой половине XVII в. была характерна политическая раздробленность. При решении важных вопросов, касающихся всех киргизских улусов, на «советы» к старейшему, наиболее почитаемому князю собирались все князья. Сюда съезжались, как писал С. В. Бахрушин, «все киргизы поголовно»¹²⁰, а также князья и «лутчие люди» союзных племен (тубинцев, маторцев и др.). Вопросы решались, как правило, «советами» князей. Положение начало меняться в середине XVII в., когда власть над всеми кир-

¹¹⁵ Г. Ф. Миллер, т. I, док. № 69, стр. 428.

¹¹⁶ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 60.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 38.

¹¹⁸ Г. Ф. Миллер, т. I, док. № 69, стр. 428.

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 252, л. 163.

¹²⁰ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 191.

гизскими улусами начинает сосредотачиваться в руках одного князя — Еренака. По-видимому, это было вызвано резким ухудшением внешнеполитического положения киргизов, усилением давления со стороны России, Алтын-ханов и джунгарских контайшей. Обстановка способствовала сплочению киргизов вокруг одного, более энергичного и дальновидного князя.

Судя по источникам, можно предполагать, что в классовом отношении киргизы делились на феодализирующуюся знать (включавшую в себя князей, стоявших во главе родов, и зажиточных, или, как их именовали русские, «лутчих людей») и на основную массу рядовых киргизов, так называемых «улусных людей». Однако классовый антагонизм был выражен слабо. Отношения между князьями и улусными людьми, переплетаясь с родовыми пережитками, носили патриархальный характер. Очевидно, члены рода считали друг друга «братьями», людьми «одной крови».

Эта патриархально-родовая оболочка скрывала классовую противоположность и смягчала классовую борьбу. Лишь неразвитостью феодальных отношений, видимо, объясняется тот факт, что в архивных документах не встречается указаний на открытую борьбу между богатыми и бедными, на сколько-нибудь острые социальные конфликты. Поэтому приходится только предполагать, что используя родовые традиции, родовые князья постепенно брали в свои руки внутриполитическую жизнь рода, вершили суд и расправу над провинившимися членами рода, штрафовали за те или иные проступки и т. п. Распределяя кочевья, регулируя перекочевки, давая нуждающимся членам рода скот, князья постепенно превращали их в зависимых людей.

Старейшины подродов в своих аилах обладали такой же властью над рядовыми кочевниками, как родовой князь над родом. Они окружали родовых князей, составляли их свиту и выполняли их распоряжения. Они обязаны были быть всегда готовыми к выступлению в поход и являться по первому требованию к князьям со своими людьми.

Основную массу енисейских киргизов, как уже отмечалось, составляли свободные, рядовые кочевники, «улусные люди». Они, имея свои орудия труда и стада, являлись основными производителями.

Небольшую группу среди енисейских киргизов составляли так называемые «холопы» или «рабы». Они не имели ни средств производства, ни орудий труда, целиком находились в распоряжении своих господ, влача жалкое существование. «Холопы» были выходцами из разорившихся рядовых кочев-

ников, а также из числа пленных и пришлых из других племен или родов.

О религии енисейских киргизов нельзя ничего добавить к тому, что сообщено С. В. Бахрушиным¹²¹ и Л. П. Потаповым¹²²; остается только присоединиться к их утверждению, что религия енисейских киргизов основывалась на первобытном шаманизме.

По-видимому, до появления русских в Южной Сибири среди енисейских киргизов было сильно влияние монголов. Об этом свидетельствуют факты религиозного шаманизма у киргизов, наличие у них монгольской письменности и умение говорить по-монгольски. Например, киргизские князья в сношениях с русскими властями часто пользовались монгольским письмом (в калмыцком варианте). Так, князь Еренак отправил в 1680 г. письмо в Москву на «калмыцком языке». Это письмо хранится в ЦГАДА в фонде Сибирского приказа (стб. 715, л. 136).

Сын Еренака Корчун получал письменные распоряжения от Галдана, написанные по-монгольски. Русские воеводы в сношениях с Алтын-ханами за неимением людей, знающих монгольский язык, в качестве переводчиков брали киргизских людей. В частности, в 1632 г. посланный из Томска к Алтын-хану Казый Карякин брал от киргизов «для толмачества киргизского князца Ишеева сына Айкана»¹²³. В составе посольства Алтын-хана, ехавшего в Россию, также в качестве переводчика находился киргизский князь Кочебай¹²⁴. Из этого следует, что киргизы знали и русский язык. Русский язык знали в первую очередь выходцы из богатых семей, о чем свидетельствует то, что переводчиками были представители киргизской знати. В дальнейшем, правда, когда рядовая масса киргизов стала часто соприкасаться с русскими людьми, русский язык стал распространяться и среди них.

На вооружении киргизов, как говорят ранние русские источники, находились луки, стрелы, куюки, копыя и др. Я. Тухачевский в своем донесении в Москву в 1639 г. писал: «... а садитца они на лошади с копыи и в куюках человек с 400 да человек с 500, садитца в саадацах»¹²⁵. При этом он просил прислать оружие, мотивируя это тем, что «я, холоп твой, меру ведаю, и с ними... без копей битца не мощно»¹²⁶.

¹²¹ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 183—184.

¹²² Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 21.

¹²³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 74, л. 400.

¹²⁴ Там же, л. 389.

¹²⁵ Там же, стб. 84, л. 12.

¹²⁶ Там же, л. 389.

В военном искусстве у киргизов применялся «напуск». Они во время атаки, как «куяшники мугальские, первым «напуском» служивых людей (русских.—А. А.) копьями змешивать учали»¹²⁷, а если поражение, то они (киргизы.—А. А.) «осекались засеками в лесах и на горах» или бежали по горам и ущельям¹²⁸.

Впоследствии у киргизов появляется огнестрельное оружие. Киргизы покупали его у русских и калмыков или захватывали как военную добычу. Например, Иван Петров, посланный к Еренaku в 1684 г., потребовал выдать оружие, захваченное киргизами. На это Еренак ответил, что «ружьё и пансыры и отгонные кони того де не отдам, потому что де взято войною за боем»¹²⁹. Степан Коловский, посланный к киргизам из Красноярска в 1652 г., сообщал, что «у них (киргизов.—А. А.) де объявилось в то время 30 пищалей, винтовок русских да 15 пищалей колмацких с жаграми, а пороху де и свинцу у них много ж»¹³⁰. На вопрос С. Коловского, откуда они достали оружие, киргизы ответили: «То ружьё и порох и свинец привозят из Томского города всякие люди и меняют с нами на товары, а ныне калмыцкие пищалы привозят из калмаков»¹³¹.

Анализируя общественно-политический строй и хозяйство енисейских киргизов XVII в., мы приходим к следующим выводам:

1. Общественный строй енисейских киргизов в XVII в. был раннефеодальным или патриархально-феодальным, с наличием родовых пережитков.

2. Политическое объединение енисейских киргизов начинается только с середины XVII в., но оно так и не было завершено.

3. Енисейские киргизы в основном были скотоводами-кочевниками. Наряду со скотоводством киргизское население частично занималось земледелием и охотой.

4. Велась торговля с соседними государствами, в результате чего в быт киргизов стали проникать предметы более высокой материальной культуры.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ С ВЛАДЕНИЕМ АЛТЫН-ХАНОВ

В начале XVII в., как было отмечено, енисейские киргизы делились на три улуса, состоявшие из разных родов, причем

¹²⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 53, л. 364.

¹²⁸ Там же, стб. 1317, ч. I, л. 611—616.

¹²⁹ Там же, стб. 715, л. 121.

¹³⁰ ДАИ, т. III, 1848, стр. 379—384.

¹³¹ Там же.

главенствующую роль в каждом из них играл род «кыргыз». Князья из рода «кыргыз» возглавляли свои улусы. Улусы имели «кыштымов», которые были распределены между князьями.

В общественном строе енисейских киргизов еще не был завершен процесс феодализации. До середины XVII в. енисейские киргизы в политическом отношении не были едины, а с середины века начинается процесс их объединения под властью единого князя. Енисейские киргизы, которые вели скотоводческое хозяйство, были заинтересованы в поддержании дружественных связей с соседними скотоводческими племенами и народами. Об этих племенах и народах сообщают русские архивные материалы. В докладе, составленном в Сибирском приказе не позднее 20 октября 1639 г., о поездке В. Старкова к Алтын-хану в 1638 г. говорится: «...а только де государь укажет киргиз разорить и киргизских кыштымов, маторцев и тубинцев, и точи, и саяны, и иных, которые с теми землицы сошлись, под свою государеву царскую высокую руку привести. Из них де ему, государь, прибыль будет большая»¹.

Из названных в этом документе племен тубинцы и маторцы были для киргизов особо близкими союзными племенами, поддерживавшими киргизских князей всегда и во всем: при переговорах с русскими властями, в войнах, при отражении нападений и т. п. Вероятно, поэтому некоторые исследователи, в частности Н. Н. Козьмин, ошибочно включали Тубинский улус в состав киргизских улусов. Русские источники сообщают, что тубинцы представляют собой особый народ (племя), который жил отдельно от киргизов. Для примера приведем свидетельство одного источника. В своих рассказах о поездке к Алтын-хану русские послы В. Тюменец и И. Петров так говорили о тубинцах: «А шли оне ис Киргиз на Табынскую (Тубинскую.—А. А.) землю. А Табынская земля то же Киргизские земли, только живут юсобе, а дань дают в Киргизскую землю и к Алтын-царю, хто к ним не приедет, тому и ясак дают. А живут оне по лесам меж гор в ослонех, переходят, где кому место полюбитца, а шубы носят олени и козы, а кормятца зверем, бьют лоси и олени и козы; мясо едят, а в кожах делают платье. А угодей у них никаких нет и хлеб не родитца, и коров и овец нет, только одни лошади да олени. А сколько их всех, того сметить было им немочно, потому что ехали мимоездом»². Как видно, тубинцы занимались главным образом охотой и этим отличались от киргизов. Можно предполагать, что

¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 84, л. 63.

² Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 60.

тубинцы были зависимы от киргизских князей. Следует, однако, отметить, что в других источниках, кроме указанного, нет сведений о том, что тубинцы платили ясак киргизским князьям. Наоборот, во всех донесениях русских воевод и служилых людей сообщается, что тубинцы, как и маторцы, выступали вместе с киргизами, даже участвовали в переговорах киргизских князей с русскими властями. Так, П. Сабанский, ездивший к киргизским правителям, писал, что в его переговорах вместе с киргизами, участвовали тубинцы, маторцы и букинцы³. Сами киргизские князья не считали эти племена киргизскими, но всегда покровительствовали им, утверждая, что они народ, дружественный киргизам. Тубинцы и маторцы в свою очередь все свои действия согласовывали с киргизскими племенами, составляя с ними как бы единую военно-политическую силу. В основе такого тесного союза тубинцев и маторцев с киргизами лежали, по нашему мнению, следующие причины:

а) экономическая и территориальная общность тубинцев и маторцев с киргизами (в чертеже Ремезова они показаны как жители района между реками Туба и Оя — правыми притоками Енисея)⁴;

б) их немногочисленность. Лишь вместе с киргизами они составляли заметную силу и могли сообща отстаивать свои внешнеполитические цели;

в) общность экономических и политических интересов тубинских и маторских князей с киргизскими князьями, подкрепляемая общностью их физического облика, языка и обычаев.

Основываясь на показаниях русских архивных материалов, можно предполагать, что у енисейских киргизов существовали относительно хорошие отношения и с некоторыми другими соседними народами, в частности с ойратами в начале XVII в. Имеются документы, показывающие наличие даже брачно-родственных отношений между енисейскими киргизскими князьями и ойратскими феодалами. Так, В. Старков в своем статейном списке писал, что, когда киргизы отказались предоставить ему подводы, он обратился к матери Табуна и Ызырчя (дети князя Кочебая. — А. А.), которая велела выдать ему подводы. Абакай (так звали ее) была женой одного из наиболее влиятельных киргизских князей Кочебая. Об этой женщине В. Старков писал: «...а она, княгиня Абакай, родом черных

³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 28.

⁴ С. Ремезов. Чертежная книга Сибири. СПб., 1882, л. 17.

⁵ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1638, д. I, л. 16.

калмыков (т. е. ойротов.— А. А.), Каракулина сестра, а в киргизы всеми владеет»⁵. Это же подтверждает и другой свидетель, Степан Неверов, посланный в том же 1638 г. к монгольскому Лабе Даин Мерген-Ланзе⁶. Томский воевода С. В. Клубков-Мосальский в своей отписке от 24 марта 1642 г. в Сибирский приказ писал, что «джунгары и белые калмыки хотят идти войною на Кузнецкий и иные слободы, а подняла де их, калмыков и киргизов Кочебая жена княгиня Абакай. А тот, де, государь, Шохты-тайша ей, княгине Абакаю, брат родной, а Кон-де, государь Тайша Батыр ей, княгине, племянник родной»⁷. Близкие родственные отношения киргизских князей с владельческими калмыцкими князьями позволяют думать о наличии дружественных отношений между ними.

Таким образом, можно предполагать, что енисейские киргизы до встречи с русскими служилыми людьми поддерживали дружеские отношения с соседними народами и племенами. Но в политическом отношении они сами были в какой-то мере зависимы от государства Алтын-ханов. К сожалению, мы не нашли в источниках данных, подробно раскрывающих раннюю историю отношений киргизов с Алтын-ханами. Поэтому трудно сказать, когда и каким образом были подчинены енисейские киргизы Алтын-ханам. Первые сведения русских архивных материалов о киргизах, относящихся к началу XVII в., говорят, что киргизы к тому времени уже являлись данниками Алтын-ханов.

Как известно, государство Алтын-ханов возникло в конце XVI в.⁸ в результате феодальной раздробленности Монголии. Наряду с ним в Халхе существовали государства Джасактухана, Цецен-хана и Тушету-хана. Владения Алтын-ханов простирались от Саянских гор на севере до Монгольского Алтая на юге, от р. Дэлгэр-Мурэн на востоке до оз. Ямышева на западе. Разумеется, такой огромной территорией они владели в пору своего могущества. Основной их территорией был район оз. Убса-нур, где и находилась ставка Алтын-ханов.

Некоторые исследователи, в частности Н. П. Шастина, опираясь на высказывания С. В. Бахрушина о том, что это государство «было сильной кочевой организацией, с которой русским пришлось столкнуться при завоевании верховьев Иртыша

⁶ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1638, д. 1, л. 118—151.

⁷ Там же, ф. Сибирский приказ, стб. 109, л. 131.

⁸ Н. П. Шастина. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в., ж. «Советское востоковедение», 1949, № VI.

и Оби и которая задержала освоение юго-западной части Сибири на целое столетие»⁹, делают вывод, что действительно из-за противодействия государства Алтын-ханов русские долго не могли присоединить Южную Сибирь. Но так ли это?

Основываясь на архивных документах, по этому поводу можно сказать следующее:

1. Государство Алтын-ханов не существовало уже целое столетие, как предполагал С. В. Бахрушин. Оно в 60-х годах XVII в. было разгромлено джунгарами.

2. Как показывают архивные документы, русские столкнулись в Южной Сибири не с государством Алтын-ханов, а с енисейскими киргизами. Правители енисейских киргизов оказывали сопротивление русским, получая помощь вначале от Алтын-ханов, а затем, после их поражения, от джунгаров. Государство Алтын-ханов и Джунгарское ханство в открытую войну с Россией из-за владений киргизских князей не вступали, но активно помогали киргизам, когда они боролись с русскими властями.

Первые сведения об Алтын-ханах стали известны русским воеводам от калмыков в начале XVII в. Калмыцкие тайши, которые вели переговоры с русскими властями о разрешении кочевать на территории России «вверх по Иртышу к соляным озерам и по Камышову», просили, чтобы «от Алтын-царя и от Казацкой орды велели их оберегати»¹⁰. Русские воеводы в Сибири, получив сведения о том, что все население Минусинского края платит дань государству Алтын-ханов, решили установить с ним связь. С этой целью в Томске были расспрошены киргизские князья, которые сообщили о месте нахождения государства Алтын-ханов. Они же сказали, что «Алтын-царь кочевой, кочуют на лошадях и на верблюдах, людей де у него тысяч за 200, а бой у них лушной»¹¹. Получив такую информацию, томские воеводы осенью 1608 г. отправили к Алтын-хану группу конных казаков во главе с И. Белоголовым. Но этой группе не суждено было выполнить поручение. Они вернулись в Томск, не доехав до Алтын-хана из-за того, что киргизские князья Ишей и Кочербай, ранее обещавшие их проводить до Алтын-хана, сообщили, что «калмыки черные Алтына-царя воюют и отогнали де от зимнево его кочеванья далече, где он преж сево кочевал. И ясашные люди алтыновы

¹⁰ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 24.

от Алтына-царя отступили и с ним воюютца, которые от киргиз живут к Алтыну-царю по дороге»¹². Русские архивные документы, относящиеся к началу XVII в., показывают, что народы, обитавшие севернее государства Алтын-ханов, — саянцы, киргизы, тубинцы, маторцы, качинцы, аринцы и др. — являлись в то время данниками Алтын-ханов. Впоследствии Алтын-ханы при переговорах с русскими послами всегда подчеркивали свои сюзеренные права на эти народы. Для примера приведем данные, сообщаемые посольством Я. Тухачевского, прибывшим в 1634 г. к владетелю государства Алтын-ханов Гомбо Эрдени-хунтайджи. При обсуждении вопроса о ясачных людях Эрдени-хунтайджи прямо и недвусмысленно заявил: «А тот Томской город и остроги стоять на наших землях, преж тово отец мой с тех земель имал ясак, а будед де вы войны не похотите, и вы... Томской город, и Кузнецкой, и Красноярский, и Енисейский остроги и ясачных людей всех отдайте»¹³.

Стремление вернуть свои владения и собирать с них ясак было для Алтын-ханов одной из главных причин ссоры с Россией. Мы не будем останавливаться на взаимоотношениях Русского государства с Алтын-ханами, так как этот вопрос достаточно освещен в трудах советских историков. Наша цель — попытаться раскрыть взаимоотношения енисейских киргизов с Алтын-ханами.

Уже сообщалось, что киргизы, наряду с другими народами и племенами были в свое время зависимы от Алтын-ханов. Эта зависимость, как справедливо отмечал С. В. Бахрушин, фактически сводилась к уплате ими ясака¹⁴. Киргизские князья, собирая ясак со своих улусов и кыштымов, раз в год отвозили его в ставку Алтын-ханов. Бывало и так, что иногда к киргизам от последних приезжали сборщики, которые сами собирали ясак. В таких случаях сборщики жили среди киргизов до окончания сбора ясака. Один такой случай был отмечен русскими послами В. Тюменцом и И. Петровым, которые через Киргизскую землю ездили к Алтын-хану. Они сообщали, что «в Киргизской земле встретили золотова царя люди Табын-мурза и с ним 30 человек¹⁵, прибывшие за ясаком.

У киргизов и других жителей Минусинского края Алтын-ханы брали ясак обычно в виде скота и пушнины. Кроме того,

¹³ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 206—207.

¹⁴ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 193.

¹⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 56.

киргизы были обязаны в их пользу выполнять ряд других повинностей: встречать и провожать послов (русских), предоставлять им питание и подводы, участвовать в облавных охотах и т. д.

В первой четверти XVII в. Алтын-ханы смотрели на киргизских князей как на своих вассалов. Об этом свидетельствует, например, серьезное предупреждение Алтын-хана, высказанное киргизскому князю Каре, ездившему в качестве переводчика с В. Тюменцом и И. Петровым, о том, что если «вперед киргизские люди хотя одново человека (русских.— А. А.) убьют, и он их всех до одново человека велит вырубить»¹⁶.

Государство Алтын-ханов в описываемое время было действительно достаточно могущественным, чтобы в случае неповиновения киргизов выступить против них и разорить их, как это и случалось не раз. Поэтому киргизских правителей никогда не оставлял страх перед Алтын-ханами. Даже обещание защиты со стороны русских властей не успокаивало их. Когда русские предложили построить на Киргизской земле острог для «оберегания» их от Алтын-ханов, киргизские князья отвечали, что если те захотят их завоевать, то в любое время смогут прийти и разорить их до конца. Об этом киргизский князь Ишей прямо сказал русскому посланнику атаману И. Бабушкину в 1629 г.: «...а на Кемчика де реке острог хотя ставити, хотя и нет. А нам де от Алтына пособи нет, потому что алтынны люди придут и по захребетью и нас повоюют»¹⁷. Поэтому-то сам Ишей иногда ездил к Алтын-хану с ясаком, чтобы не попасть к нему в немилость¹⁸.

Киргизские князья, как видим, не верили тому, что русские ратные люди смогут надежно защитить их от Алтын-ханов. Это недоверие объясняется тем, что русских в сибирских городах в действительности было мало, а также тем, что русские власти сами заигрывали с Алтын-ханами и избегали конфликтов с ними. Немалую роль играло и то, что корыстолюбие местных сибирских воевод было причиной ряда стычек с киргизскими князьями и восстанавливало последних против России. Киргизские князья понимали, что, приняв русское подданство, они полностью потеряют свою самостоятельность. Подчиняясь же Алтын-хану и внося ему ясак, они сохраняли в какой-то мере свою независимость.

В источниках нет указаний на то, что Алтын-ханы вмещи-

¹⁶ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 64.

¹⁷ Г. Ф. Миллер, т. II, 1941, док. № 259, стр. 352.

¹⁸ Там же.

вались во внутренние дела киргизских улусов, во взаимоотношения киргизских князей. Поэтому можно предполагать, что киргизские князья в своих внутренних делах были полными хозяевами, а также достаточно свободно распоряжались и своими внешними связями, свидетельством чему является факт одновременного посольства в 1619 г. в Москву Алтын-хана и киргизских князей¹⁹. Потеря самостоятельности не устраивала киргизских князей, и они хотели оставаться полными властителями на своей земле, над своими народами. Поэтому, как нам кажется, киргизские князья, проводили в течение целого столетия политику лавирования вначале между Алтын-ханами и Россией, а в дальнейшем между Россией и Джунгарией.

Вначале, когда русские служилые люди впервые появились на их землях, киргизские правители, видя в лице России более могущественное государство, чем их южные соседи, стали платить ясак русским и вообще ориентироваться на Россию. Вскоре, однако, увидев, что Россия представляет для них большую опасность, чем Алтын-ханы, они начали отходить от России. Но в силу общей отсталости и малочисленности населения, плохого качества вооружения и отсутствия политического единства они не могли оказать сколько-нибудь достаточного сопротивления России и стали платить ей ясак. В результате в киргизских улусах собирали ясак как в пользу царской казны, так и в казну Алтын-хана. Так енисейские киргизы стали двоеданцами.

Но все же с приходом русских служилых людей отношения киргизских князей с Алтын-ханами претерпели некоторые изменения. Не в пример прошлому, киргизы стали нерегулярно платить им ясак. Однако также нерегулярно они платили ясак царской казне. Наблюдались случаи неповиновения в уплате ясака как Алтын-ханам, так и России. Такое поведение киргизских князей обосновывалось, очевидно, политикой лавирования. В случае угрозы одной из сторон они обращались за покровительством к другой. Фактами подобного рода полны русские архивные материалы.

Здесь уместно заметить, что отношения киргизских князей к Алтын-ханам определялись еще и ходом борьбы между последними и джунгарскими тайшами. Борьба эта, как известно, шла с переменными успехами. Неясный исход соперничества между боровшимися группировками монгольских феодалов со своей стороны влиял на политику киргизских князей и давал им возможность лавировать между Россией, Джунгарией

¹⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 34—35.

и Алтын-ханами, не присоединяясь твердо ни к одной стороне.

С. В. Бахрушин был прав, когда писал: «Временами киргизы бывали даже принуждены одновременно признавать себя в подчинении и у русского царя и у монгольских феодалов. Но вместе с тем, такое положение позволяло киргизским князьями путем известного маневрирования сохранять и некоторую независимость в своих действиях»²⁰.

Некоторый отход киргизов от Алтын-ханов наблюдается в период первых встреч с русскими властями. Еще в 1608 г. алтысарские князья Номча и Кочербай изъявили желание принять подданство России²¹. Они сами приезжали в Томск, обещали платить ясак и служить русскому царю. Такое добровольное принятие русского подданства нельзя расценивать иначе, как желание избавиться от влияния Алтын-ханов при помощи России. Но, как указывалось выше, действия русских воевод и служилых людей насторожили киргизских князей и вынудили их отказаться от намерения принять российское подданство.

При всем этом несомненно, что киргизы относились к России более положительно, чем к Алтын-ханам. Для примера сошлемся на статейный список И. Петрова, командированного в 1617 г. в Киргизскую землю с целью выяснить, пропустят ли русских послов, ехавших из Москвы к Алтын-хану. «И Киргизские де земли князька со всеми своими людьми, услыша у него, у Ивана, то, что оне идут к Алтыну-царю в послах от государя, а не от воевод, учели быти ради и через свою землю велели им ехать безо всякого страхования и в заклад в Томской город от себя прислали лучшего человека»²².

Так был обеспечен доступ посольства В. Тюменца и И. Петрова к Алтын-хану в 1617 г. Киргизские князья не только снабдили их всем необходимым, но и дали своего лучшего князя Кару в качестве проводника и переводчика. Это объясняется, по видимому, тем, что они положительно относились к центральному русскому правительству, в то же время отрицательно относились к местным русским властям, которые во многих случаях не выполняли распоряжений Московского правительства.

С 20-х годов XVII в. Россия, считая себя сюзереном енисейских киргизов, начала претендовать на исключительное право взимания ясака с киргизов. Об этом в грамоте царя Михаила Федоровича к Алтын-хану от 6 мая 1620 г. говорится, что «били

²⁰ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 192.

²¹ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 31.

²² Там же, стр. 60.

целом нам, великому государю, Киргиские земли князьки большой их начальной Немек-князь да Номча да Кара, и все Киргиские земли князьки и черные люди. Ис прежних лет холопи они предков наших великих государей... и дань давали воеводам нашим в Томской город мяхкою рухледью. А ныне деды, Алтын-царь, в них вступаешься и приневолил их себе дань же давати. И ты б, Алтын-царь, в нашу Киргискую землю ничем не вступался, и князьком киргиским и черным их людям насильства никакого чиниты и дани на них себе имати не велел»²³. Вероятно, посылая такую грамоту к Алтын-хану, Московское правительство имело в виду приход киргизских князей в г. Томск, как было отмечено выше. Но впоследствии киргизские князья отошли от России и не приняли подданства. Несмотря на это, русское правительство считало енисейских киргизов своими подданными, и с этого времени началось открытое соперничество между Россией и Алтын-ханами за власть над енисейскими киргизами. Надо отметить, что при переговорах между Россией и Алтын-ханами вопрос о киргизах не являлся главным, но был одним из спорных, ибо как Алтын-ханы, так и Россия стремились подчинить себе киргизов и собирать с них дань. На этой почве возникали споры, не доходившие, однако, до военного конфликта.

Сбор ясака был для Алтын-ханов одним из главных источников накопления, и поэтому, когда Россия брала дань с киргизов, это задевало интересы монгольских феодалов. В свою очередь, Россия стремилась полностью завладеть Минусинским краем. Так столкнулись интересы России и державы Алтын-ханов. Забегая вперед, отметим, что эта борьба в середине XVII столетия приняла острый характер, так как Алтын-ханы стали энергично отстаивать свое право на сбор ясака с киргизов, посылая вооруженные отряды, которые беспощадно грабили не только енисейских киргизов, но и всех жителей Минусинского края. Можно предполагать, что если бы Джунгария не разгромила в 60-х годах XVII в. державу Алтын-ханов, то енисейские киргизы, вероятно, окончательно потеряли бы остатки своей самостоятельности.

Открытые выступления киргизских князей против Алтын-ханов начались в 1620 г. О них говорят русские архивные материалы. В 1619 г. вместе с томскими служилыми людьми И. Петровым и А. Мадовым в Тобольск из Москвы прибыл посол Алтын-хана Тархан-лаба. Возвращаясь в Монголию, зиму 1619/20 г. он провел у киргизов, к которым в это время из

²³ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 96—97.

Томска прибыли русские служилые люди за ясаком. Тархан-лаба хотел за причиненные ему в Тобольске обиды (в Тобольске у него отобрали незаконно закупленное в России оружие) отомстить русским²⁴. Но киргизы выступили в защиту русских и «ограбить и побить им не дали». Киргизские князья, выдав русским сборщикам 40 соболей ясака, проводили их обратно в Томск. Обиженный Тархан-лаба пожаловался на киргизов Алтын-хану, который отправил отряд в 40 человек наказать киргизов и задержать русских сборщиков. Когда отряд прибыл к киргизам, то там русских сборщиков ясака уже не было, а наказать себя князья не дали. Люди Алтын-хана поехали обратно, пригрозив: «алтыновы люди будут на них войною». Алтын-хан направил к киргизам новый отряд, на этот раз 100 человек. Ввиду того, что киргизы в то время «были на зверовье», т. е. на охоте, монгольский отряд, воспользовавшись отсутствием мужского населения, напал на киргизские аилы и отогнал лошадей. Получив об этом известие, киргизы поспешно «собрался, ходили на алтыновых людей» и, догнав их в «Точинской землице, погромили, надеючися на государскую милость»²⁵. Киргизские князья готовились к защите, ожидая новых нападений со стороны Алтын-ханов. С этой целью они прикочевали к рекам Уруп и Чулым, ближе к владениям России, а в Томск был послан князь Женка (брат князя Кары) с просьбой оказать им помощь. Томские воеводы И. Шеховской и М. Радиллов вместо помощи послали конных казаков «воевать» прикочевавших киргизов. Посланный отряд вернулся в Томск с богатыми трофеями. Киргизы, убегая от русских ратных людей, попали под удар монгольского отряда, состоявшего из 300 человек, присланных Алтын-ханом²⁶. Так, киргизы, начав открытые выступления против Алтын-хана, оказались под двойным ударом. Такие действия русских воевод удерживали енисейских киргизов от принятия царского подданства.

В архивных материалах нет подробных данных о том, как в дальнейшем развивались взаимоотношения киргизов с Алтын-ханами. Мы встречаем только отрывочные сведения. Например, в отписке П. Сабанского, ездившего к киргизам в 1626 г., сообщается о том, что перед прибытием Сабанского приезжали к киргизам «по ясак Алтына-царя люди и взяв ясак поехали назад» к себе, что их проводил до ставки Алтын-хана киргизский князь Тайтыгай²⁷. Это сообщение дает воз-

²⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 36.

²⁵ Там же, л. 35—37.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 66—67.

возможность предполагать, что киргизы вынуждены были снова платить ясак Алтын-ханам.

Источники, относящиеся к еще более позднему периоду, говорят, что Алтын-ханы иногда даже оказывали помощь вооруженными отрядами в борьбе киргизов против русских властей. Так, например, во время похода А. Прособецкого против киргизов в 1634 г. на стороне последних участвовал в боях отряд Алтын-хана, состоящий из 400 человек во главе с зятем Алтын-хана Турай-табуном²⁸.

Как видим, первая попытка киргизских князей открыто выступить против Алтын-хана не удалось в значительной мере по вине русских властей, доверие к которым не могло не упасть, что резко проявилось в ходе дальнейших переговоров киргизских правителей с представителями России. Киргизы остались данниками Алтын-хана, власть которого они терпели, не видя путей к освобождению.

В 30-х годах XVII в. на историческую арену вышло Джунгарское ханство, претендовавшее на гегемонию в Южной Сибири.

Внешнеполитическое положение киргизских улусов еще более осложнилось. Если раньше за обладание ими боролись две силы — Русское государство и держава Алтын-ханов, то теперь в борьбу включилось и Джунгарское ханство. Маневрирование между тремя соперничавшими государствами стало теперь основой внешней политики киргизских князей.

По данным русских источников, киргизы еще в 20-х годах начали платить ясак одному из джунгарских правителей — Харахуле. Но они платили эту дань нерегулярно, да и калмыцкие тайши в то время еще не стремились полностью овладеть киргизами, ибо сами испытывали сильный нажим со стороны Алтын-ханов и казахских феодалов, оборона от которых отвлекала все силы джунгарских князей. В те времена им было не до завоевательных войн с киргизами, тем более, что на последних претендовала Россия, ссориться с которой джунгарские власти всячески избегали. По этой причине они поддерживали с киргизами в общем-то мирные отношения. Джунгарские сборщики приезжали к киргизам довольно редко, а киргизы, находившиеся в недружественных отношениях с Алтын-ханам и Россией, покорно платили им ясак, чтобы не

²⁸ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 46, л. 232—233; С. В. Бахрушин на стр. 194 своего труда ошибочно датирует поход А. Прособецкого 1636 г., тогда как документы, указанные нами выше, неопровержимо устанавливают, что он выступил из Томска 10 февраля 1634 г. С. В. Бахрушин, видимо, исходил из сообщения А. Михалевского, который 5 апреля 1636 г. писал в Москву о себе, где упоминал о походе А. Прособецкого.

нажить себе нового врага в лице Джунгарии. Следует учесть и то, что некоторые киргизские князья были связаны с джунгарскими тайшами брачными узами, что в свою очередь способствовало установлению дружбы и мира. В дальнейшем, как увидим, киргизские князья будут ориентироваться на Джунгарское ханство, опираясь на которое они все более активно будут отклонять претензии как Алтын-ханов, так и России.

В 1634 г. киргизские князья отказались дать Я. Тухачевскому, посланному к Алтын-хану, подводы и корм, говоря, что «посланы де вы к Алтыну-царю, а не к нам, нам де до вас и дела нет»²⁹. Когда вместе с Я. Тухачевским Алтын-хан послал в Россию своего представителя Даин Мерген-Ланзу, которому было приказано взять 4 человека из киргизских князей и дать шерть (клятву) в Томске на верность киргизов России, «киргизы приказу Алтын-царя не послушали, сами не шертовали и в Томской город не поехали»³⁰.

Материалы посольства Я. Тухачевского свидетельствуют о том, что русские власти в 30-х годах XVII в. были серьезно обеспокоены враждебными действиями киргизских князей. В переговорах с Алтын-ханом они непрерывно ставили вопрос об усмирении киргизов. Об этом же говорят документы, посвященные посольству С. Греченина, ездившего к Алтын-хану в 1636 г.³¹ По поручению Томского воеводы И. Н. Ромадоновского С. Греченин обвинял Алтын-хана в том, что он не выполнил данного им ранее обещания «смирить» киргизов. «А киргизские князцы... приходили под... Кузнецкой и под Красноярской... войною. И ты бы, Алтын-царь, тех.. киргизских князей от их измены унял и велел бы им быть под государевою рукою в холопстве. А киргизские князцы... ясачных государевых людей не отдадут, и отгонных лошадей и коров не сыщут и аманатов в Томской не отпустят. И ты бы, Алтын-царь, послал на них людей своих войною и велел бы их подвести под государеву... руку в холопство»³². Алтын-хан отвечал Греченину, что он якобы не знал о набегах киргизов на русских и добавлял: «Я, Алтын-царь, киргизских князей не научил», чтобы они нападали на русские города и села.

Алтын-хан, конечно, не был заинтересован в том, чтобы киргизы приняли подданство России и платили ей ясак. Естественно, поэтому он не намеревался силой оружия толкать киргизов под власть русского царя. К тому же он не

²⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 74, л. 258.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, ф. Монгольские дела, 1636, д. 2, л. 1—42.

³² Там же, л. 2.

мог не учитывать и того, что киргизские князья могли в любой момент перекинуться на сторону Джунгарского ханства, которое становилось главным и наиболее опасным противником Алтын-ханов.

Отправляя обратно С. Греченина, Алтын-хан, однако, дал ему следующее обещание: «За вами сам вскоре пойду на киргиз смирить их, и кюяки у них поймать, и стада погромное и государевых ясачных людей велю сыскать и отдать государевым людям»³³. Но Алтын-хан и на этот раз не сдержал своего слова.

Вместе с С. Гречениным Алтын-хан послал своего брата Дурал-табуна. Когда они приехали на р. Кемчик, их догнали гонцы Алтын-хана, потребовавшие Дурал-табуна обратно в ставку хана. Причину этого он Греченину объяснил так: «Пишет де ко мне Алтын-царь, что к нему в улус весть пришла — черных де калмыков поднелось 7 тайш, а с ними людей 70000, и опасаетца Алтын-царь, чтоб черные калмыки на Алтынову улусы без вести не пришли»³⁴. Дурал-табун уехал обратно и через 2 недели вернулся к Греченину, который ждал его возвращения на той же р. Кемчик. Приехав, Дурал-табун передал, что «Алтын-де царь прислал меня к вам, ... велел с вами через Саянский камень итти на Абакан-реку, а сам Алтын-царь хотел вскоре за ними пойти в киргизы, а с ними людей 1000 человек в кюяках, часть де, что на дороге в Саянском камени Алтын-царь с людьми наедет»³⁵. 13 марта 1637 г. они приехали в Саяны и стали ждать Алтын-хана. Но 16 марта прибыл к ним гонец от Алтын-хана и сообщил, что хан не может приехать, так как у него умерла сестра, а мать его Чечен-Катун лежит при смерти. По получении этого известия Дурал-табун, вознамерившийся вернуться к себе, стал успокаивать томских послов: «А ныне киргизы в великом смятенье и в побегах, блюдаясь от Алтын-царя войны. А у них, киргиз, то весть есть, что Алтын-царь хочет подыматца на них, и они хотят бежать в черные калмыки»³⁶. Однако томские послы потребовали, чтобы Дурал-табун сопровождал их и дальше через землю киргизов, ибо иначе последние на них нападут и перебьют. Как выяснилось вскоре, киргизские князья знали о намерении Алтын-хана напасть на их улусы. Когда Греченин и Дурал-табун приехали 21 марта к алтырцам на р. Уйбат, то они застали всех «в сборе в кюяках». Дурал-табун от имени

³³ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1636, д. 2, л. 26.

³⁴ Там же, л. 36—37.

³⁵ Там же, л. 26.

³⁶ Там же, л. 38.

Алтын-хана сказал алтырским правителям, чтобы они ехали в Томск и там заявили о своей верности России. Но алтырцы об этом не хотели даже слушать. Так ни с чем русские послы вместе с Дурал-табуном вернулись в Томск. Насколько киргизы в это время враждебно относились к Алтын-хану, видно из того, что один из двух киргизов, приехавших в Томск вместе с Дурал-табуном и Гречениным, совершил покушение на спавшего Дурал-табуна, выстрелив в него «из лука по горлу»³⁷.

Эти события еще раз подтверждают то, что Алтын-хан и не намеревался приводить киргизов в подданство России. Его ложные обещания томским послам, по-видимому, объясняются тем, что он не хотел обидеть русские власти и испортить с ними отношения.

Следующего посла томского воеводы, ездившего в 1638 г. к Алтын-хану, — В. Старкова — постигла та же участь, что и С. Греченина. Киргизы неохотно дали Греченину подводы и корм, а Старкову они в этом вовсе отказали, заявляя: «... мы де не государевы ясачные люди, да и алтынова де царева приказу мы не блюдемся и вашим де мы томских воевод указу не слушаем». А алтырский князь Табун высокомерно заявил: «А яз де в своей земле и сам воевода»³⁸. Эти заявления свидетельствовали о том, что киргизские князья окончательно отошли от Алтын-хана.

Таким образом, становятся понятными причины, вынудившие Алтын-хана с начала 40-х годов перейти к насильственному, с помощью оружия, сбору ясака с киргизов. Это вместе с тем отражает тот факт, что к этому времени киргизские князья почувствовали реальную поддержку со стороны Джунгарского ханства. Укрепившийся в Джунгарии Батур-хунтайджи стал присылать своих людей к киргизам. Так, во время проезда через Киргизские земли В. Старкова у алтысарцев находилось «черных калмыков, человек со 100 с тайшиным сыном»³⁹. У алтырцев Старков тоже застал черных калмыков. В. Старков писал, что он и сопровождавшие его люди от киргизов и калмыков «откупились», но последние все же «корм и подвод не дали»⁴⁰.

Встреча В. Старкова с Алтын-ханом была еще более холодной, чем с С. Г. Гречениным. Алтын-хан обращался с русскими бесцеремонно, а его люди всячески придирались

³⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 74, л. 15.

³⁸ Там же, ф. Монгольские дела, 1638, д. 1, л. 16.

³⁹ Там же, л. 17.

⁴⁰ Там же, л. 19.

к ним. Дело дошло до того, что они их «из юрты выбили вон з государевою грамотою и з государевым жалованьем»⁴¹.

Но все же переговоры состоялись. При обсуждении киргизского вопроса Алтын-хан откровенно заявил В. Старкову: «... а войною де яз, Алтын-царь, на киргизов не иду, да и не ходить, а лутчих людей и никаких в Томской город головою и в иные города в заклад не давывать да и не дам»⁴². Из этих слов следует, что Алтын-хан уже не «владел» киргизами, что ими уже «владели» джунгары. Данный вывод подтверждается также и заявлением киргизских князей, с которыми они обратились к Старкову, когда тот, возвращаясь от Алтын-хана, просил у них корм и подводы. «Где де вы были, там де вы прошайте подвод и корм, вы де послуετε к Алтын-царю и накупаετε на нас, киргиз, чтоб Алтын-царь, нас, киргис, воевал,... а мы де Алтына-царя не блюдемся, и вы де на нево в том надежны не будьте. А мы, киргизы, его, Алтын-царя, не блюдемся, а живем заодно с черными калмаки. Да и вашево де мы посольство не блюдемся ж, а впредь де вам к Алтыну-царю посольством ходить не пошто, да через свою де Киргизскую землю и не пропустим»⁴³. Кроме того, В. Старков приводил в Сибирском приказе слова, сказанные ему Алтын-ханом: «...ему (Алтын-хану.—А. А.) тех киргиз не унимать и под государеву руку не подводить потому, что де он будто тем Бехтенем (киргизский князь.—А. А.) и сам не владеет»⁴⁴.

Тем не менее, Алтын-хан не собирался без сопротивления отдать таких выгодных кыштымов, как киргизские улусы. Он выжидал удобного момента, чтоб силой оружия восстановить свое господство над ними. Осуществлению его планов помогли местные русские власти в Сибири.

В 1642 г. на Киргизской земле появился Алтын-хан с отрядом 500 человек. Этому предшествовали два похода русских ратных людей против киргизов. В 1641 г. против них выступил Я. Тухачевский с ратными людьми из сибирских городов. В следующем, 1642 г. готовился второй поход во главе с И. Кобыльским. Но уже после похода Тухачевского киргизские князья обратились за помощью к Алтын-хану, который охотно удовлетворил их просьбу и в 1642 г. прибыл на Киргизскую землю с войском⁴⁵.

⁴¹ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1638, д. 1, л. 36.

⁴² Там же, 1636, л. 59—60.

⁴³ Там же, л. 105—107.

⁴⁴ Там же, ф. Сибирский приказ, стб. 84, л. 61.

⁴⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636—1654 гг., док. 63. Рукопись хранится в библиотеке Института народов Азии АН СССР в Москве.

Впервые известие о наступлении монголов Алтын-хана на Киргизскую землю принес в Красноярск служилый человек П. Драчев, посланный осенью 1642 г. в Саянскую волость за сбором ясака. Драчев доложил воеводе О. Баскакову: «В Киргизской и Саянской волостях стоит Алтын-царь с людьми своими, а людей его с ним с 500 человек»⁴⁶. По словам П. Драчева, Алтын-хан «хотел побить» русских сборщиков, но ограничился тем, что «разболакали их нагих и водили по снегу босых»⁴⁷. П. Драчев также сообщил, что, по словам киргизского князя Бехтена, «пришел было Алтын-царь к ним, киргизам, на пособ, а призывали было киргизы к себе его, Алтына-царя, на пособ против воеводы Ивана Кобыльского... а ныне де они, киргизы, ему, Алтыну-царю, и не рады»⁴⁸. В том же источнике приводилось свидетельство татарина Корокайка, говорившего О. Баскакову, что Алтын-хан направил своих людей в киргизские айлы собирать ясак, преимущественно лошадьми. Алтын-хан, собрав ясак, ушел из киргизской земли к себе. Таким образом, можно рассматривать данную экспедицию Алтын-хана как обычный набег под предлогом «помощи».

В источниках нет данных о том, как развивались взаимоотношения между киргизскими князьями и Алтын-ханами в течение последующих нескольких лет. Сведения о полосе новых опустошительных набегов на киргизов в русских архивных материалах появляются лишь с начала 50-х годов XVII в.

Осенью 1652 г. на Киргизской земле появился с сыном Лоджаном (в источниках—Лауцзян, Лубсан, Лобчан и т. п.) Алтын-хан Гомбо Эрдени-хунтайджи во главе большого вооруженного отряда. Это вторжение вызвало панику среди жителей Минусинского края и заставило насторожиться русские власти в Сибири. Поводом для вторжения Гомбо Эрдени-хунтайджи послужила его ссора с Мергеном-тайшой, приходившимся ему племянником. Последний, прибыв на Киргизскую землю раньше Алтын-хана, остановился в каменном городке, ниже р. Сыды, и начал грабить местное население. Есерский князь Иженей Мерген 21 октября 1652 г. послал своих людей в Красноярск, к воеводе М. Ф. Скрыбину, с сообщением о том, что в Тубинскую землю пришел «Алтын-царя племянник Мерген-тайша с воинскими людьми с 700 человек, убегаючи от Алтын-царя... и почал де он, Мерген-тайша,

⁴⁶ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636—1654 гг., док. 63.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

государевых ясачных людей грабить и разорять»⁴⁹. Преследуя своего племянника, Гомбо Эрдени-хунтайджи с крупным отрядом прибыл к устью р. Ербы. Несколько позже к нему присоединился прибывший «на помощь Тайша его, а с ним 1000 человек»⁵⁰. Имени этого тайши источники не сообщают.

Пятидесятник А. Васильев, посланный из Кузнецкого острога 2 сентября 1652 г. к киргизам для сбора ясака, вернувшись 1 декабря в Кузнецк, в свою очередь сообщил: «Прежде их дней за 10 пришли в киргизы алтыновы люди тысячи с 4 и больше и их де, киргизских лутчих людей, многих к себе поймали, и кони, и коровы, и табуны к себе побрали... Киргизские кыштымы: сагайские и табанские, и белтырские, и урчюки от той войны разбежались»⁵¹. 8 дней спустя, т. е. 9 декабря, прибыл в Томск «киргизский улусный человек» Чокур Деге-посол от киргизских князей, который рассказал воеводе Н. О. Нащокину, что «пришел к ним, в Киргизскую землю, Ирден контайша (Гомбо Эрдени-хунтайджи), а с ним воинских мугальских людей 3000. И киргизские де князцы... послыша его... в свою Киргизскую землю приход, ездили к нему. И он де, Ирден, прошал у киргизских князцев... добрых молодых людей 1000 человек на конех и в збруех и с ружьем. А будет де они (киргизы.— А. А.) ему не дадут людей, и он де, Ирден, будет их... воевать»⁵². На это требование Алтын-хана киргизские князья ответили отказом, надеясь «на государеву прежнюю милость»⁵³. В ответ на это Алтын-хан посадил в тюрьму киргизских князей, а к другим послал своего тайшу Мерген Деге с требованием выдать ему «1000 овец да 400 коров», что и было выполнено беспрекословно.

Красноярский воевода М. Ф. Скрыбин решил проверить полученные сведения и принять меры к ограждению интересов Русского государства, так как Красноярск находился ближе всего к месту пребывания Алтын-хана. Другие воеводы ограничились укреплением своих городов и, усилив охрану, ждали дальнейшего исхода событий.

М. Ф. Скрыбин послал к киргизам С. Коловского⁵⁴. Он, прибыв на «край Киргизской земли, в устье реки Тумны»,

⁴⁹ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636—1654 гг., док. 136.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, док. 134.

⁵² Там же, док. 135.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ДАИ, т. III, 1848, стр. 379—384.

встретился с киргизами, выяснил обстановку и отправил Скрябину доклад, в котором подтверждал указанные выше факты. С. Коловский сообщил, что Алтын-хан посадил в тюрьму многих киргизских и тубинских князей, что его люди грабят местных жителей и угоняют людей и скот. Спасаясь от грабежа, киргизы, тубинцы, алтырцы, керельцы, и др. «прибежали со всеми своими улусы под Красноярской острог на Кизильскую землю, на речку Еник»⁵⁵. Получив такое донесение, М. Скрябин приказал С. Коловскому идти к Алтын-хану, напомнить ему о его присяге царю и потребовать возвращения в пределы своего владения. Но киргизские князья не пустили Коловского к Алтын-хану, опасаясь, чтобы тот не убил его⁵⁶. Как раз в это время, 29 ноября, к Коловскому прибыл послом от Алтын-хана Мерген-Деге, которому Коловский передал указания воеводы Скрябина, предупредив его, что в случае невыполнения требований русских властей против Алтын-хана будут направлены русские ратные люди. К этому времени Гомбо Эрдени-хуртайджи, как выяснилось, уже помирился со своим племянником.

Вскоре выяснилось, что Алтын-хан выполнил предъявленные ему требования, оставил Киргизскую землю и вернулся в свои владения. Опасаясь русских ратных людей, он вынужден был отступить несмотря на то, что еще в 1644 г. угрожал русским, заявляя, что «на Красном Яру не даст пашен крестьянам пахати, из Енисей реки воды пить»⁵⁷. Но страх перед «огненным» вооружением русских ратных людей заставил Алтын-хана смириться.

Алтын-хан оправдывал свое вторжение в Киргизскую землю тем, что он шел не против киргизов, а против своего мятежника племянника, а также для того, чтобы объявить киргизам о своем решении ввиду своей старости передать власть сыну Лоджану. Конечно, эти «причины» не соответствовали действительности. Причиной вторжения Алтын-хана на Киргизскую землю было, как уже отмечалось, намерение подчинить киргизов силой оружия. Масштаб грабежей, учиненных людьми Алтын-хана, был настолько значителен, что киргизы сами говорили Коловскому: «Как де они на тех своих землях и зачались, и на тех де их землях» никто, ни монголы, ни калмыки, ни кто-либо другой «войною не бывали» и так сильно их не грабили⁵⁸. Они говорили так же, что

⁵⁵ ДАИ, т. III, 1848, стр. 380.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636—1654 гг., док. 63.

⁵⁸ ДАИ, т. III, 1848, стр. 383.

Алтын-хан «хочет на них (киргизов.—А. А.) вперед посылать войною сына своего Лоджана за то, что они все учинились под государевою рукою»⁵⁹. Приведенные факты подтверждают точку зрения Л. П. Потапова, который писал об этом вторжении: «Алтын-хан, оправившийся от поражений и не опасющийся теперь джунгаров, воевавших в Средней Азии, решил восстановить свои владельческие права на енисейских киргизов»⁶⁰.

Действия русских властей в защиту киргизских князей объясняются, по-видимому, не заботой о последних, а исключительно интересами России. Царская казна собирала ясак с жителей Минусинского края, и воеводы, желая отстоять свое право и в дальнейшем беспрепятственно собирать ясак, выступили против домогательств Алтын-хана. Вторжение крупных сил Алтын-хана на Киргизскую землю не могло не ударить по интересам России в этом районе, где находились важные для нее города и селения, безопасности которых эти силы серьезно угрожали. Русские власти вступили в переговоры с киргизскими князьями с целью совместных военных действий против Алтын-хана. Русские ратные люди из трех городов (Томск, Красноярск, Кузнецк) изъявили желание вместе с киргизами идти против Алтын-хана⁶¹. Таким образом, угроза со стороны Алтын-ханов и интересы как киргизских князей, так и русских властей заставили их объединенно выступить против Алтын-хана, что предотвратило дальнейший разгром Минусинского края его войсками.

Так закончился поход Алтын-хана против киргизов в 1652 г. Но он и не думал ограничиться этим походом, готовясь к новому вторжению в Минусинский край. Вскоре после возвращения в свои владения Гомбо Эрдени-хунтайджи передал власть сыну Лоджану, который продолжал политику отца по отношению к енисейским киргизам и совершил ряд опустошительных походов на Киргизскую землю.

В 1653 г. русские власти получили сведения от тубинских князей, что Лоджан идет на них. Об этом красноярский воевода М. Скрябин передавал енисейскому воеводе А. Пашкову: «...идут в Красноярский уезд Мунгальской земли Алтын-царь с воинскими людьми; и по тем вестям прислали ныне в Красноярский острог Тубинские земли князьцы и все государевы ясашные люди челобитчиков», которые просили защищать их. Также они просили «в Тубинской земле на му-

⁵⁹ ДАИ, т. III, 1848, стр. 384.

⁶⁰ Л. П. П о т а п о в. Указ. работа, стр. 40.

⁶¹ ДАИ, т. III, 1848, стр. 381.

гальских и на колмацких сакмах и на переходах поставить острог»⁶².

К сожалению, нам не удалось в источниках найти подробностей об этом походе. Можно думать, что набег Лоджана по какой-то причине не состоялся. Известно, однако, что в 1656 г. он действительно вторгся в Киргизскую землю с крупным отрядом, что было большой неожиданностью для жителей Минусинского края. Об этом походе Красноярский воевода М. Скрябин писал в Сибирский приказ: «В нынешнем, государь, во 1656 г. в сентябре месяце пришел на твою государеву Киргизскую и Тубинскую землю Мугальские земли Алтына-царя сын Луджан с воинскими людьми с семью тысячами человек без весно и стал... серед Киргизские и Тубинские земли на речке Ербе»⁶³. Внезапность появления Лоджана привела к тому, что большая часть киргизов, тубинцев и других племен не успела, как бывало раньше, бежать и была застигнута на месте их кочевания. Немногие, успевшие скрыться, подались к русским владениям. Лоджан и на этот раз захватил и посадил под стражу тех киргизских и тубинских князей, которые не успели откочевать.

По сведениям Скрябина, данное вторжение было для енисейских киргизов еще более тяжелым, чем предыдущие. Скрябин писал, что Лоджан «пограбил лошади и рогатый скот и животы и куяки и шишаки и всякую збрую пограбил у всех без остатку»⁶⁴. Лоджан пробыл на Киргизской земле со своим войском с осени 1656 г. до июля 1657 г., основательно разорив и ограбив население киргизских улусов.

Источники говорят, что киргизы не покорились безропотно Лоджану, а оказали ему вооруженное сопротивление. Конный казак З. Мутимц, посланный из Томска в горные пограничные волости «для проводывания вестей», доложил томским воеводам, что в Ачинской волости он слышал о том, что «Лоджан приходил на киргизских людей войною, а с ним де было ево люди 500 человек и он де теми людьми киргизских людей взять не мог. И к нему де пришло мугальских людей 4000, и был де у них бой с киргизы, и киргизы де им, мугальским людям, здались»⁶⁵. Это же подтверждают отписки М. Скрябина из Красноярска и Ф. Павлова из Кузнецка томскому воеводе И. П. Примкову⁶⁶. Но русские архивные

⁶² Г. Ф. Миллер, т. II, док. № 475, стр. 536.

⁶³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 513, л. 19.

⁶⁴ Там же, л. 19—20.

⁶⁵ Там же, л. 135.

⁶⁶ Там же, л. 129.

документы не передают подробностей этого боя. Поэтому трудно сказать что-либо по этому поводу.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что с приходом Лоджана на Киргизскую землю его борьба была направлена против русских властей в Сибири. Он, очевидно, понимал, что для обеспечения своего господства над енисейскими киргизами необходимо добиться дипломатической или военной победы над русскими, которые тоже претендовали на господство над жителями Минусинского края. Для подтверждения этого постараемся подробно остановиться на дальнейшем разворачивании событий.

Вскоре после вступления монгольских войск на Киргизскую землю Лоджан отправил в Томск в качестве посла Мерген-Деге, который 18 октября 1656 г. прибыл в Томск⁶⁷. Из переговоров Мерген-Деге с томским воеводой И. Н. Приемковым видно, что целью посольства Мерген-Деге было помешать выступлению русских войск против Лоджана. Посол говорил воеводе, что он направлен в Томск, чтобы «спросить о государевом здоровье» и выяснить, почему после В. Старкова прекратились посольские связи русского царя с Алтын-ханами. Также он просил разрешения отправить послов Лоджана в Москву. Но ему было в том отказано. В ходе переговоров киргизский вопрос и причина прихода Лоджана на Киргизскую землю не были затронуты. Мерген-Деге ничего об этом не сказал, а когда воевода напомнил ему об этом, он не дал определенного ответа, сославшись на то, что ничего об этом не знает и не уполномочен говорить. Создается впечатление, что данное посольство являлось дипломатической уловкой, рассчитанной на то, чтобы прощупать силы русских властей, выяснить их намерения и не допустить решительных действий с их стороны.

Томский воевода Приемков в свою очередь послал О. Протопопова к Лоджану, поручив ему разведать планы и подлинные намерения Лоджана в связи с его вторжением на Киргизскую землю. При встрече Протопопова с Лоджаном последний, отвечая на прямо поставленный вопрос, сказал: «Приехал де он, Лобчан, в Киргискую землю для ясаку, а не войною» и добавил, что пусть воевода не беспокоится, он не намерен нападать на русские ясачные волости⁶⁸.

Однако в дальнейшем из сообщений служилых людей, посланных к киргизам «для проведывания вестей», и от приезжавших в Томск, Кузнецк и Красноярск киргизских и

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 513, л. 127.

⁶⁸ Там же, л. 128.

других ясачных людей выяснилось, что Лоджан готовится к открытому выступлению против русских уездов.

Остановимся вкратце на этих источниках.

Томский воевода И. Н. Приимков докладывал в Сибирский приказ, что по сведениям, полученным от Красноярского воеводы М. Скрябина, к последнему «генваря де, государь, в 7 день (1657 г.— А. А.) приехали из Алтырские земли 4 человека алтырских князцов для товарные покупки, чем от Алтынова сына откупатца» и они тайно сказали, что «однолишно Алтынов сын Лоджан шерьь отца своего нарушить и под Красноярский острог войною будет»⁶⁹. Скрябин также сообщил ему, что красноярские подгородные татары Кубайка и Акбрунко, приехавшие в Красноярск 25 января, доложили, что их послали киргизские князья Иженей и Медечин передать ему, М. Скрябину, что Лоджан живет от Красноярского «за 4 дни и на уме де у него доброво ничего нет» и красноярцы «ждуть его подъему беспрестанно под Красноярской острог войною», что киргизские князья предупреждают М. Скрябина, чтобы он готовился «к воинскому приходу» со стороны Лоджана. А сами киргизы «против Алтынова сына Лоджана ни в чем противитца не смеют, что де с ним людей много»⁷⁰. Аналогичные сведения передал М. Скрябину и Тенирко Серков, прибывший от киргизских князей в Красноярск 8 февраля 1657 г.⁷¹

Кузнецкий воевода Ф. Павлов в своей отписке И. Н. Приимкову от 23 марта 1657 г. сообщал, что к нему 5 и 6 февраля приехали из Кондомских и Мрасских волостей князцы Кока Казанакон и Кочедей, которые передали, что к ним Лоджан прислал людей, чтобы они приготовили 2000 куяков, угрожая в случае невыполнения суровыми карами⁷². К сказанному следует добавить сообщение, сделанное упоминавшимся выше З. Мутимцем о том, что Лоджан «хвалитца» разорять Мелесский и Ачинский острог, «а для городского взятья изготовлено у него, Лоджановых..., ратных людей на всякова человека зажигальных по 4 стрелы»⁷³.

О серьезности намерений Лоджана говорят и его переговоры с правителем белых калмыков Кокой Абаковым об одновременном и совместном с ним нападении на Томск, а

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 513, л. 131.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, л. 132.

⁷² Там же, л. 133—134.

⁷³ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1655—1689 гг. док. 11. Рукопись хранится в библиотеке института народов Азии АН СССР в Москве.

если Кока не согласится принять участие в таком нападении, то пусть он даст Лоджану 1000 лошадей. По сведениям источников, Кока согласился дать лошадей, но отказался от совместного нападения на Томск⁷⁴. Доставил ли Кока 1000 лошадей Лоджану, неизвестно, но тот факт, что Лоджан пытался втянуть Коку в борьбу против России, не подлежит сомнению.

Многочисленные русские архивные материалы, хранящиеся в ЦГАДА, в частности, в фонде Сибирского приказа, в стб. 513, убедительно раскрывают план Лоджана, направленный к тому, чтобы путем угроз и дипломатии добиться от русских признания его власти над жителями Минусинского края и безраздельно господствовать над ними как и раньше, до прихода русских.

Действия Лоджана и его планы вызвали опасения со стороны воевод русских городов Сибири. Они переписывались друг с другом и письменно обращались в Сибирский приказ за помощью. Наибольшая опасность угрожала Красноярску, находившемуся в непосредственной близости от места пребывания Лоджана. Именно поэтому Красноярский воевода М. Скрябин, как и раньше, во время вторжения Алтын-хана в 1652 г., развернул наиболее активную подготовку к отражению возможного нападения Лоджана. В самом Красноярске было мало людей — всего «с пол третья ста человек да подгородных татар человек с полтара ста»⁷⁵. Туда были присланы подкрепления из Енисейска (40 человек) во главе с сыном боярским В. Кольчугиным⁷⁶. Томск помощи не прислал, так как сам ожидал нападения Лоджана⁷⁷. Проводились работы по усилению крепости города.

Киргизские князья не могли открыто выступать вместе с русскими против Алтын-хана, люди которого контролировали все их действия. Они, однако, не присоединились и к Лоджану в его борьбе против русских и решили придерживаться нейтралитета. На вопрос Лоджана, к кому они «пристанут», киргизские князья ответили, что они ни к кому «не пристанут»⁷⁸.

Красноярский воевода М. Скрябин, чтобы устранить опасность дипломатическим путем⁷⁹, послал 24 марта 1657 г. к

⁷⁴ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1655—1689 гг., док. 11.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 513, л. 21.

⁷⁶ Там же, л. 20—21.

⁷⁷ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1655—1689 гг., док. 11.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 513, л. 132.

⁷⁹ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 206.

Лоджану пятидесятника Родиона Кольцова. Последний должен был напомнить Лоджану, чтобы он не нарушал слово, данное его отцом, не собирал ясак с киргизских, тубинских и иных ясачных волостей, и потребовать, чтобы тот уехал обратно к себе. В ходе этих переговоров вновь ярко проявились отношения между Россией и государством Алтын-ханов и связи с вопросом о киргизах.

В ответ на предложения М. Скрябина, изложенные Кольцовым, Лоджан сказал: «Отец мой хотя шертовал — он де стар. А Лаба и Дурал-табун умерли. А я де не шертовал. А то де пишет, что учинился отец мой в подданстве. Когда де царь царю бывает в подданстве? Когда де царь возьмет войною, тогда де бывает в подданстве, и тем меня воевода ваш бранит, что пишет о подданстве, а что де пришел на государеву Киргискую землю и государевых ясачных людей разгоняешь и разоряешь. Какая де земля вашего государя? Земля де из веку наша. А киргизы де и тубинцы и алтырцы и корелцы и с кыштымами вечные наши кыштымы, а не вашего государя. Или де сойди с земли! Выживают де так из избы выживают собаку: вон де! Вон! А я де пришел собою на свою землю и сойду собою. А то де, что збираешь подати большие и запросы и ясак, и то де мне вольно у своих кыштымов, хотя все взять, хотя их пощадить». На угрозы русского воеводы в случае невыполнения его требований пойти войной на Лоджана последний ответил: «Я де миритца рад и на бой готов, вы де люди, а мы де не жонки, и вы де скажите на котором месте быть бою»⁸⁰. Лоджан со своей стороны потребовал от русских выдать ему бежавших от него тубинцев, но Р. Кольцов от имени Красноярского воеводы отвел это требование, сославшись на то, что тубинцы государевы подданные и что «по государеву указу выдавать не велено и тебе до них дела нет». Тогда Лоджан вызывающе заявил, что если русские власти не хотят «сыскивать» его людей, то он сам пойдет их «сыскивать», пусть только государь на это не «гневадается»⁸¹.

Дипломатические переговоры М. Скрябина с Лоджаном не привели к желаемому результату. Тогда Скрябин, собрав войско из красноярских и енисейских служилых людей, подгородных татар и прикочевавших к городу тубинцев, выступил против монголов. Когда войска отошли от Красноярского на «пол днища», к Скрябину «прибежали» тубинские князцы Базырбай да Точи и сказали ему, что Лоджан, услышав о выступлении русских войск, ушел к себе⁸². Так закончилось

⁸⁰ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 513, л. 42.

⁸¹ Там же, л. 43—44.

⁸² Там же, л. 21—22.

почти годичное пребывание Лоджана на Киргизской земле, сопровождавшееся разорением населения Минусинского края.

Из всего сказанного ясно, что Лоджан стремился восстановить прежнюю власть Алтын-ханов над енисейскими киргизами, но этому помешала Россия, также претендовавшая на господство над народами Южной Сибири.

Киргизские князья, не имея сил и средств отстоять свою независимость, заняли нейтральную позицию и выжидали исхода этой борьбы. От набегов монголов, как и прежде, больше всего страдали трудящиеся Минусинского края.

После событий 1656—1657 гг. Лоджан вплоть до 1663 г. не совершил против киргизов ни одного набега. Но каждый год он присылал к ним своих людей для сбора ясака. Так, русский посланник С. Греченин, ездивший к Лоджану в конце 1659 г., встретил у киргизов сборщиков ясака от Алтын-хана, которые Греченина сопровождали до ставки Лоджана⁸³.

Осенью 1663 г. Лоджан опять появился на Киргизской земле. Но на этот раз он пришел с целью «кормитца» у киргизов и просить помощи у России. Он уже не думал о завоеваниях и о приобретениях. Ему была необходима помощь против недругов, которых русские называли — «семикочевное государство»⁸⁴ (т. е. Халга-Монголия, состоявшая из семи княжеств — «долон хошун»). Этими недругами были халхаские ханы и князья, в борьбу с которыми Лоджан вступил из-за наследства Дзасакту-хана Норбо, умершего в 1662 г., а также правители Джунгарии. Затруднительное положение Лоджана начало выясняться еще в 1660 г. в ходе его беседы с С. Гречениным, состоявшейся 21 января. Греченин предлагал Лоджану принять Российское подданство, на что тот ответил: «Мне де, Лобзяну, учинитца в холопстве — холопье надобе и делать, а написатца мне в подданстве — надобе погодно великому государю ясак платить. А меня де, Лобзяна, с такое дело не будет: великому государю не хочю солгать. За холопство де и за подданство великий государь меня пожалует златом и серебром, и каменнем драгим, и всякими диковинами — и то де мне будет не прочно; все изтлеет, только одно имянишко мое останетца. А есть ли будет великий государь меня пожалует своею царскою силою на неприятелей моих — и в те поры именишко мое означитца. А я де зато ему, праведному государю, готов служить и прямить неподвижно и во всем добра хотеть и правду». Далее Лоджан, говоря, что принятие подданства «в нашей земле то бесчестье большое», предлагал:

⁸³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 614, л. 19—20.

⁸⁴ Там же, стб. 1469, л. 24.

«...буди великий государь мне большой брат, а я, Лобзян, емь великому государю, меньшей брат»⁸⁵. Этими словами Лоджан чистосердечно признал, что никогда не примет подданства России. Но, с другой стороны, он очень нуждался в помощи России для борьбы с недругами, препятствовавшими реализации его экспансионистских планов. Для этого он просил построить ему крепость в устье р. Упсы, в которую он мог бы перебраться в любое время. Поэтому его приход в 1663 г. на Киргизскую землю преследовал цель получить помощь от России и «кормитца» у киргизов.

И на этот раз приход Лоджана был бедствием для местного населения. Дело в том, что он прибыл на Киргизскую землю не только с войском, но и «со всем своим кочевьем, со всеми людьми». Еще в июле 1663 г. ехавший к Лоджану из Томска казачий голова З. Литосов (после С. Греченина) встретил его «со всем кочевьем» по пути к киргизам «на речке Уше»⁸⁶.

Лоджан прежде всего потребовал от киргизских и тубинских князей 300 коров и 1000 овец. Это было выполнено. Но он, приняв у них скот и не удовлетворившись, «сплоша на киргизский степи пришел на них со всеми людьми и их, киргиз и тубинцев и алтырцев и иных... иноземцев, взял в полон з женами и детьми и со всеми животы и с лошедьми и с рогатым скотом»⁸⁷. Спасаясь от плена и разорения, многие жители разбежались по горам и лесам. Некоторые киргизские и тубинские князья, например, «Шанды Сенчикенов да Итпала, Медечин (сыновья Ишея. — А. А.) да Арыпкой Тюленев с товарищи 139 человек от него, Саин-контайши (титул Лоджана. — А. А.) пришли под Красноярской острог»⁸⁸. Рядовых киргизских кочевников Лоджан роздал своим людям. Он не щадил никого, не исключая и русских. Четверо русских, посланных из Красноярска для сбора ясака, были захвачены, причем двое были убиты, а двое спаслись бегством. Последние так рассказывали о грабеже местных жителей людьми Лоджана: «...от того де грабежу половина ясашных людей з голоду померли и много де ясашных людей на дороге от голоду мертвых наезжали, а иных... мугалы побили до смерти, а иных... Саин Контайша роздал... своим людям в холопи»⁸⁹. Такие же сведения сообщил красноярскому воеводе Г. Ники-

⁸⁵ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 614, л. 30—33.

⁸⁶ Там же, стб. 610, л. 25.

⁸⁷ Там же, стб. 380, л. 71.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, стб. 380, л. 75.

тину и «ясашной татарин Чюкурак», что Лоджан собрал от ясачных людей «сарану и всякие зимние запасы и с осени де им есть стало нечево. От голоду зимою померло больши 100 человек а з женами де и з детьми померло человек с 300 и та де, государь, Киргизская и Тубинская земля запустела вся и твои де великого государя ясашные люди разорены безостатку»⁹⁰. И в этот раз Лоджан вернулся в свои кочевья.

Пребывание Лоджана на Киргизской земле с осени 1663 г. до весны следующего года принесло и на этот раз страшные разорения и бедствия населению. По свидетельству русских служилых людей, население Минусинского края заметно уменьшилось. Если добавить к этому сообщение о том, что Лоджан, уходя в свою землю, увел много киргизов и ясачных людей, то, по сведению русских источников, можно ясно представить бедственное состояние разграбленного края. Об уводе киргизов Лоджаном Г. Никитин писал: «...а киргиз, государь, переграбя отпущал на свою землю только старых да малых робят, а то де, государь, всех с женами и з детьми погнал с собою на свою землю»⁹¹.

Однако нельзя принять сообщения источников о том, что все жители Минусинского края были уведены Лоджаном за абсолютную истину. Дальнейшая борьба киргизских князей за независимость показывает несостоятельность этих сообщений, так же как позднейший увод киргизов джунгарами в 1703 г. не означает, как предполагали некоторые исследователи, что с Верховьев Енисея были уведены абсолютно все енисейские киргизы. Вероятнее всего, что основная масса киргизов осталась на месте.

Русские власти в Сибири на этот раз не оказали никакого противодействия Лоджану. Они не вмешивались в его действия на Киргизской земле, не мешали ему грабить и разорять киргизские улусы и других жителей Минусинского края. Объясняется это, видимо, малочисленностью русских войск в распоряжении воевод, опасавшихся неудачного похода на Лоджана. Очевидно, поэтому русские власти заняли выжидательную позицию.

После 1663 г. соотношение сил в Центральной Азии серьезно изменилось. На политической арене появилась новая грозная сила в лице Джунгарского ханства. Преемник Батурахунтайджи Сенге после ряда междоусобных конфликтов упрочил свою власть в ханстве и свое положение фактически единоличного правителя ханства. После этого, примерно в

⁹⁰ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 380, л. 75—76.

⁹¹ Там же, л. 79.

середине 60-х годов XVII в., он стал проводить активную внешнюю политику, столкнувшись в первую очередь с Алтын-ханами. Соперничество, существовавшее с давних времен между джунгарами и государством Алтын-ханов из-за сбора ясака с жителей Южной Сибири, в частности енисейских киргизов, приобрело характер открытого вооруженного конфликта.

Чувствуя возросшую силу Джунгарского ханства, Лоджан вновь стал искать помощи со стороны России. Об этом он со всей ясностью говорил русскому послу Р. Старкову, приехавшему к нему из Томска в 1665 г.⁹² Лоджан, забыв свою былую заносчивость, покорнейшим образом просил построить хотя бы острог в устье р. Упсы (ныне Туба). Лоджан соглашался даже дать аманатов (заложников) в Томск, говоря: «...а сверх де тово и голова моя будет у великого государя в новом городе». Он обещал также платить ясак России от «саянцев и с орчаков и с киргизов». Лоджан готов был уступить России Минусинский край и обещал, если только «великий государь укажет, и я де ево, вора Еренака (киргизский князь. — А. А.), тот час великому государю головою отдам»⁹³. Остро нуждаясь в помощи против Джунгарского ханства, он, в случае помощи со стороны России, соглашался на все требования русских властей.

Русские власти, руководствуясь собственными интересами, решили построить острог на р. Упсе. С этой целью Р. Старков после возвращения от Лоджана в начале 1666 г. был послан на р. Упсу для осмотра возможного места строительства острога, что и выполнил⁹⁴. Но этому плану не суждено было осуществиться. В то время Лоджан, теснимый джунгарским ханом Сенге, снова откочевал в сторону Киргизской земли, надеясь на помощь России. Киргизские князья внимательно следили за развитием событий. От них Красноярский воевода Г. Никитин получил сведения о том, что «халка желтых мугал с воинскими людьми хочет воевать Мугальского царевича за многие ево задоры и неправду». А Лоджан перекочевал из своей земли и «стоит в Соянском камению, вверх реки Енисей и готовит для побегу стручи, чтоб от войны желтых мугал уйти под Красноярской острог или в Канскую землю водою»⁹⁵. Вскоре после этого, 3 октября 1666 г., Г. Никитиным было

⁹² ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 646, л. 61—74; ф. Монгольские дела, 1665, д. 2, л. 3—11.

⁹³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 646, л. 73.

⁹⁴ Там же, стб. 643, л. 146—148.

⁹⁵ Там же, ф. Монгольские дела, 1666, д. 3, л. 2.

получено новое известие о том, что «пришел в Красноярский уезд, на Упсы реку, мугальский царевич Саин-контайша»⁹⁶, т.е. Лоджан. Напуганные неоднократными набегами Лоджана, местные жители опять разбежались «в камень и черные леса». Но Лоджан не мог теперь поступать, как раньше с киргизами, тубинцами и иными мелкими народностями.

Внутреннее и внешнее положение енисейских киргизов в связи с этим стало укрепляться. Теснимые Алтын-ханами и лишенные поддержки России, киргизы начали спланиваться, образуя вместе с некоторыми другими племенами единую силу. Во главе киргизов становится энергичный князь Еренак, сын Ишея. Еренак проводил политику, направленную на завоевание и сохранение независимости енисейских киргизов, исходя из интересов их правителей. Киргизские князья во главе с Еренаком определенно стали ориентироваться на Джунгарское ханство, которое не прочь было заигрывать с ними, рассчитывая получать от них ясак и использовать их в борьбе против России. Лоджан, зная намерения киргизских князей перейти в подданство к джунгарам, не пошел на обострение конфликта. Он явно терял свою былую власть и находился на грани гибели.

Забываясь о своей безопасности, Лоджан, как пишет Л. П. Потапов, «начал строить укрепление близ устья р. Сизой [правый приток Енисея] в 10 км выше деревни Означенной»⁹⁷. Русские власти заняли выжидательную позицию, отвечая Лоджану, что от царя еще нет ответа на его просьбы о помощи⁹⁸.

Укрываясь от врагов, Лоджан жил в Киргизской земле до лета 1667 г., когда там появился Сенга с войском⁹⁹. Армия Лоджана была разбита, сам он попал в плен. Государство Алтын-ханов перестало существовать с этого времени. Енисейские киргизы начинают ориентироваться на джунгарского хана.

Приведенные нами материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. В конце XVI — начале XVII вв. над енисейскими киргизами безраздельно господствовали Алтын-ханы. Их господство сводилось в основном к сбору ясака. Во всем остальном киргизские князья были вполне свободны и являлись полными хозяевами своих улусов. Однако ясак в пользу Алтын-ханов

⁹⁶ ДАИ, т. V, 1853, стр. 93.

⁹⁷ Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 44.

⁹⁸ ДАИ, т. V 1853, стр. 94—96.

⁹⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 802, ч. 1, л. 84.

ущемлял интересы киргизских князей, вследствие чего они стремились освободиться от зависимости Алтын-ханов с тем чтобы самим единолично эксплуатировать трудящихся своих улусов и кыштымов. Поэтому с появлением русских служилых людей в Минусинском крае у киргизских князей появилась надежда освободиться от Алтын-ханов при помощи России. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

2. Царское правительство России тоже стремилось к господству над народами, населяющими Минусинский край. С этой целью местные сибирские власти, выполняя указы Московского правительства, проводили поначалу политику мирного подчинения енисейских киргизов. Такая политика давала некоторые положительные результаты, и отдельные знатные киргизские князья стали добровольно принимать подданство России. Но дальнейшие действия русских воевод и служилых людей оттолкнули правителей енисейских киргизов от России. В этой обстановке, оказавшись между двумя сильными государствами (Российским и Алтын-ханов), а позже между тремя государствами (Российским, Алтын-ханов и Джунгарским ханством), интересы которых в Минусинском крае сталкивались, киргизские князья перешли к политике маневрирования, иногда уплачивая ясак всем трем. Эта политика лавирования спасала киргизских князей от полной и окончательной зависимости, давая им возможность опираться на одну из указанных трех сил против двух, ориентироваться, как правило, на ту из них, которая в данное время превосходила других, выигрывая главное — свободу беспрепятственно эксплуатировать трудящиеся массы и кыштымы.

3. Появление на исторической арене сильного Джунгарского ханства нарушило сложившееся в этом районе соотношение сил. Киргизские князья начинают переходить на сторону джунгаров, признавая их своими покровителями. Однако, как будет показано в следующих главах, Джунгария, установив над енисейскими киргизами безраздельное политическое господство, привела их княжество к гибели.

Взаимоотношения енисейских киргизов с Россией

Первое упоминание о киргизах в русских архивных документах относится к 1604 г. В этом году приехал в Москву еуштинский князь Тоян, согласившийся принять подданство России. Он попросил русские власти поставить острог в его владениях на р. Томи, обещая платить ясак. Рассказывая о местных племенах, которые можно было бы подчинить и обложить данью, он назвал среди них и киргизов. О послед-

них он говорил: «...а до киргизского князька до Номчи семь дней, а людей у него 1000 человек»¹. Документы, относящиеся к осени того же года, также сообщают, что «киргиссы преж сего ясак давали в Кетской острог» (Кунгонский острог, построенный в 1596 г. на р. Кеть)².

В одном из приведенных нами сообщений говорится, что русские власти впервые сведения о киргизах получили в 1604 г. и непосредственно встретились с ними, возможно, в том же году, после постройки Томского острога. Но другое сообщение дает основание полагать, что русские были связаны с киргизами еще с 1596 г., но несомненно лишь то, что после постройки Томского острога, когда киргизы стали платить ясак в Томск, между томскими и кетскими воеводами произошла ссора из-за того, кому из них собирать ясак с киргизов³. Действительно ли киргизы платили ясак в Кетский острог или то были жители р. Чулым, «чулымские татары», которых русские ошибочно называли киргизами,— неизвестно⁴. Ибо в приведенных нами источниках чулымцы и киргизы упоминаются рядом. Можно, однако, предположить, что енисейские киргизы в той или иной мере были связаны с русскими, со времени построения Кетского острога.

Что касается дальнейших связей русских с киргизами, то данные о первых годах XVII в. очень скудны. Известно лишь, что при томских воеводах Гавриле Писемском и Василии Тыркове (1604—1605 гг.) имел место упомянутый нами конфликт между воеводами Кетского и Томского острогов. А о сборе ясака с киргизов при следующих томских воеводах, Матвее Ржевском и Семене Бартенева (1606—1607 гг.), архивные документы не говорят ничего определенного. Но есть сообщение, что именно М. Ржевский и С. Бартенева отобрали соболью шубу у жены князя Номчи. Новый томский воевода В. Волинский (1608—1611 гг.) докладывал в Москву, что «в Томской город приходила из киргиз Номчина жена бити челом тебе государю... чтоб им, киргизским людям, быть под твоею царскою высокою рукою; и Матвей де и Семен с Номчины жены сняли грабежом шубу соболью»⁵. Далее В. Волинский писал, что М. Ржевский и С. Бартенева, ехавшие в Томск, по пути грабили ясачных людей, требуя «посулы и

¹ Русская историческая библиотека, т. II. СПб., 1875, стр. 159—160.

² Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, док. № 56, стр. 412—413.

³ Там же, док. № 56, 57, стр. 412—414.

⁴ Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 12—13.

⁵ Русская историческая библиотека, т. II. СПб., 1875, док. № 83, стр. 182—183.

поминки великие... и от того де в ясашных людях стала измена великая и в Томской город не приходят».

Из приведенных нами отрывочных сообщений можно сделать вывод о том, что русские власти раньше всего пришли в соприкосновение с киргизским Алтысарским улусом (в источниках их называют то «киргизами», то «алтысарцами») и его князьями — Номча, Кочебай, Ноян и Кашка. Можно также предположить, что именно алтысарцы были связаны с Кетским острогом, так как они по сравнению с другими киргизскими улусами находились ближе к владениям России. Позже, с построением Томского острога, они передавались в ведение томских воевод.

Недружественное поведение воевод М. Ржевского и С. Бартечева оттолкнуло киргизских князей от русских властей и привело к тому, что они совершили свои первые вооруженные набеги на чулымских людей, подвластных России. Но эти набеги не имели серьезных последствий.

Когда воеводы М. Ржевский и С. Бартечев были заменены В. Волынским и М. Новосильцовым, алтысарцы снова стали платить ясак царской казне, а Номча и Кочебай давали клятву в Томске на верность России. Они оставили заложников в Томске «Номчину жену да Кочебаева сына». Этим князьям воеводами даже было поручено «приводить под... царскую руку киргизских князей Нояна да Кашку да Обрая»⁶. Здесь впервые встречается имя алтырского улусного князя Абрая, а это значит, что русские власти об Алтырском улусе узнали от алтысарских князей. К этому же времени относится неудачное посольство И. Белоголова, которое обещали провести до государства Алтын-ханов киргизские князья Номча и Кочебай⁷.

Казалось, что отношения русских с киргизами успешно налаживались и развивались. Но в 1609 г. они были нарушены. Как видно из рассказа казака Б. Никонова, который был послан в январе 1609 г. из Томска к киргизам за ясаком, «князек Номча ясак с себя и с людей своих дал и прислал за ясаком жену свою, а в достальном ясаку просил срока и хотел сам быти; а Кочебай и Ноян и Кошкой ясаку от себя и с людей своих не дали, а их (русских сборщиков.—А. А.) били плетями и голодом морили»⁸. Такое поведение некото-

⁶ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 31.

⁷ Там же.

⁸ Г. Ф. Миллер, т. I, док. № 69, стр. 428.

рых киргизских князей объяснялось тем, что, как сказала жена Номчи томскому воеводе, «Кочербай с товарищи государю не премят и мужа ее, Номчи, не слушают»⁹.

Показания источников свидетельствуют о том, что среди киргизских князей не было единодушия по вопросу об отношении к России. В то время как Номча был готов служить русскому царю, другие отказывались быть данниками России.

25 июня 1609 г. томские воеводы в ответ на враждебные действия киргизских князей послали против них 300 ратников. О результатах этого похода говорится в донесении его участников: «В киргисы пришли на киргизских людей ночью, и они от них побежали за Енисею, а живот свой весь пометали; а которые остались, и они [русские] их побили, и жены их, и дети, и весь живот поимали, и стада всякие животны отогнали тысячи с 3. И как оне с полоном и с животом из киргис пошли, а киргизские люди, собрався на дороге, пришли на них из лесу безвестно многие, и оне [русские] от них побежали, а киргизские люди на погоне томских служилых людей и татар побили и переранили человек з 20 и больше и живот свой поимали»¹⁰.

Карательная экспедиция русских властей вызвала ответные действия со стороны киргизских князей, которые стали часто нападать на поселения ясачных волостей России по р. Чулым. Кроме того, они пытались преградить русским казакам путь к тубинцам, маторцам, есерцам и на Кузнецкие земли, где собирался ясак в пользу царской казны. Неудивительно, что Московское правительство решило направить против киргизов крупные воинские силы. С этой целью были посланы в 1610 г. грамоты к тобольскому и томскому воеводам, обязывающие их совместными усилиями покорить киргизов. Правда, намеченный тогда поход не состоялся по той причине, что русских служилых людей в Томском остроге было мало, а из Тобольска никто не был прислан, о чем и доносил томский воевода царю¹¹.

В 1609 г. впервые были посланы русские служилые люди из Тобольска к тубинцам, маторцам и есерцам (в документах последние называются «десары») для взятия с них клятвы на верность России и сбора с них ясака. По этому поводу томские воеводы писали: «...в прошлом, государь, во 117-м году приведены были под твою царскую высокую руку новые волости десары, да маторцы, да туба», от которых, однако,

⁹ Г. Ф. Миллер, т. I, док. № 69, стр. 428.

¹⁰ Там же, стр. 428—429.

¹¹ Там же, док. № 76, стр. 434.

ясак за 1610 г. не был собран по той причине, что они, по словам томских воевод, «живут позади киргис, а мимо, государь, киргиз в те волости проходу нет»¹². В это время, как уже отмечалось, киргизские князья, в частности алтысарские, враждовали с русскими. В том же 1609 г. были приведены под «царскую высокую руку» новые волости: Матцкая и Кимская, и Алтерские (т. е. Алтырская)¹³. Таким образом, в 1609 г. русско-киргизские отношения расширились за счет сближения с двумя новыми киргизскими улусами — Есерским и Алтырским, а также с тубинцами, маторцами и др., которые, как писал томский воевода В. Волынский, «сложились с киргизы заодно»¹⁴ и выступали вместе с Алтырским улусом против русских властей в Сибири. С этого времени в русских источниках получает гражданство термин «Киргизская земля», обозначавший не только три киргизских улуса, но и все племена, обитавшие в верховьях Енисея в XVII в.

Осенью 1610 г. киргизский князь Ишей, сын Номчи, совершил очередной набег на Чулымские волости¹⁵, правители которых обратились к томскому воеводе с просьбой направить против киргизов вооруженные силы. Томские власти и сами не хотели мириться с частыми киргизскими набегами на волости, подвластные России. Поэтому из Томска был послан отряд во главе с сотником И. Пушиным, который разгромил ряд киргизских аилов и вернулся с захваченными пленными и скотом¹⁶.

Карательная экспедиция И. Пушина вызвала со стороны киргизских князей новые, еще более активные действия против русских властей. Они теперь не только совершали набеги с целью захвата скота и другого богатства у русского населения, но и принимали меры к тому, чтобы их бывшие кыштымы не платили ясак русским властям. Так, томские служилые люди, посланные в Кузнецкую волость, не смогли там собрать ясак, потому что киргизские князья предупредили жителей волости, чтобы они не платили его русским, а в случае прихода последних давали о том знать им¹⁷.

После указанных событий в русско-киргизских отношениях наступило кратковременное затишье, и военные действия не предпринимались ни с той, ни с другой стороны. Во

¹² Г. Ф. Миллер, т. I, док. № 71, стр. 430.

¹³ Там же, док. № 72, стр. 431.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, док. № 77, стр. 434.

¹⁶ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 6, л. 76-об.

¹⁷ Г. Ф. Миллер, т. I, док. № 78, стр. 434—436.

всяком случае в источниках о них нет никаких сообщений.

Однако в 1614 г. киргизские князья совместно с некоторыми другими племенами стали совершать набеги на поселения, расположенные возле самого Томска. Об этом мы читаем в челобитной томского казака Якима Захарова: «В прошлом, государь, во 122-м году приходили, государь, под Томской город твои государевы изменники киргиские и иных орд многие люди войною, и об острог, государь, ударились, и служилых, государь, людей и пашенных крестьян многих побили»¹⁸. Как видно, киргизы нападали не только на поселения Томского уезда, но даже на самый город. По свидетельству участников этого боя, киргизы 8 июля появились около города и стали его осаждать. Конечно, город им взять не удалось, и русские ратные люди, выходя на «выласку», рассеивали их. В бою, как писал Я. Захаров, был убит из влиятельных киргизских князей Ноян.

В ответ на это нападение томские воеводы Г. Ю. Хрипунов и И. Б. Секерин в 1615 г. послали служилых людей во главе с сотником И. Пушиным на кузнецких людей (они были кыштымами киргизских князей), чтобы, «развоевав» их, заставить платить ясак. Этот поход увенчался успехом. Они, «развоевав» некоторые волости Кузнецкой земли, в частности Абинскую и Сарачерскую, взяли в плен их правителей. В то время, когда русский отряд находился в этих волостях, на них напали совместно с белыми и черными калмыками киргизы общей численностью 5000 человек, как об этом доносили томские казаки Падомолвин и Кызылов¹⁹. Русский отряд в течение 10 недель осаждался киргизами и их союзниками, но вышел победителем и вернулся в Томск с большим количеством пленных и богатыми трофеями.

Осенью того же года из Томска был послан новый отряд, состоявший из 220 человек, во главе с десятниками И. Тихоновым и Л. Алпатовым для борьбы с киргизами, кызылами и басагарами²⁰. Судя по грамоте, присланной из Москвы томским воеводам, можно предположить, что этот отряд нанес серьезное поражение киргизам, у которых «взяли три городка». Учитывая, что в каждом киргизском улусе всегда было по одному городку и что захвачены были все «три городка», очевидно, были разгромлены все три улуса киргизов. В грамоте отмечалось также, что русские служилые люди вернулись, взяв много пленных, а также лошадей и коров.

¹⁸ Г. Ф. Миллер, т. I, док. № 85, 88, стр. 441, 442, 444.

¹⁹ Там же, док. № 86, стр. 442—443.

²⁰ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1667, л. 1—2.

Итак, во время присоединения Минусинского края Россия вошла в соприкосновение с енисейскими киргизами раньше, чем с Алтын-ханами. Киргизские князья, бывшие хозяевами этого края, не хотели добровольно отказаться от своих привилегий. Подтверждается также и то, что киргизские князья на первых порах, принимая подданство России, рассчитывали на ее поддержку в борьбе против Алтын-ханов, оказывавших давление на правителей киргизских улусов. Но у правительства России были собственные планы в отношении Минусинского края, в которых, конечно, мало учитывались интересы киргизских князей. Таким образом, сложилась почва для вооруженных конфликтов, немалый повод для которых давали алчность и хищничество местных сибирских властей и служилых людей. Набеги киргизских князей в пределы русских владений и ответные карательные экспедиции сибирских воевод, становясь все более частыми и разорительными, постепенно привели к взаимной вражде и борьбе, продолжавшейся почти целое столетие.

После всех этих событий, которые показали, что одним ударом овладеть Минусинским краем невозможно, Россия стала переходить к новой тактике — тактике постепенного продвижения в глубь этого края, опираясь на цепь острогов, строившихся сначала на земле киргизских кыштымов, а затем и на земле самих киргизов. Красноярский, Кузнецкий, Ачинский и Мелесский остроги были построены на землях, на которых в свое время несомненно располагались кыштымы киргизских князей. Кроме того, русские власти предпринимали ряд попыток построить остроги непосредственно на Киргизской земле, но эти попытки из-за сопротивления киргизов вначале ни к чему не привели.

В 1617 г. тобольский воевода князь И. С. Куракин получил грамоту от царя, обязывающую его приступить к постройке острога в устье р. Кондомы при ее впадении в р. Томь «или где пригож» на Кузнецкой земле «силами служилых людей Тобольского, Томского, Верхотурского и Туринского городов²¹. Собранные И. С. Куракиным служилые люди из этих городов под руководством боярского сына О. Харламова к лету 1618 г. построили новый острог, названный Кузнецким, и жители близлежащих районов стали платить туда ясак. Это не могло не задеть интересов киргизских князей, предпринявших ряд нападений на Кузнецкий уезд²². Но они не могли вер-

²¹ Г. Ф. Миллер, т. I, док. № 94, 95, 96, 97, 98, стр. 451—455.

²² Там же, т. II, док. № 186, стр. 286—287.

нуть своих бывших кыштымов, русские власти ревностно охраняли вновь присоединенные земли.

После постройки Кузнецкого острога наступила очередь земель по р. Чулым, где было решено в первую очередь построить острог в верхнем течении р. Июса, среди кызыльских и басагарских земель²³, непосредственно прилегавших к землям самих киргизов, в частности алтысарцев и кызылов. Но осуществить этот план тогда не удалось. Решено было перенести строительство с р. Июс на р. Чулым. Томские воеводы писали тобольскому воеводе: «Чулымский острог государю будет Кузнецкого острогу прибыльнее, потому что пришли по Чулыму многие земли и к Енисею к реке будет ближе; а по Енисее же, господине, зверь бывает добрый»²⁴. Для строительства острога, «где пригоже», на Чулым был послан в 1621 г. из Томска атаман Б. Никонов с 30 человеками²⁵. Когда Б. Никонов прибыл на Мелесскую землю, то местный князь Туталко сообщил ему, что киргизы не хотят, чтобы русские власти построили острог в Мелесской земле и будут этому сопротивляться силой оружия. Б. Никонов передал полученную им информацию в Томск, и оттуда был направлен к нему отряд из 220 человек во главе с казачьим головой М. Лавровым. Между этим отрядом и киргизами (во главе с князем Кары) завязался бой. Киргизы потерпели поражение, и Кара попал в плен. Русские ратные люди, преследуя бежавших киргизов, разгромили улус Кары и захватили в плен много людей, в основном женщин и детей, в числе которых оказались жена и дети князя Кары²⁶.

Таким образом, в 1621 г. был построен Мелесский острог. С его постройкой чулымские татары попали в руки русских властей. Правда, киргизские князья не хотели примириться с потерей этих кыштымов и время от времени совершали на них набеги.

В 1624 г. киргизские князья с большим отрядом напали на Томский уезд, разгромили ряд русских поселений, захватили много лошадей и коров²⁷. Служилые люди, высланные из Томска, догнав их в трех верстах от города, «учинили бой», но не смогли отбить стада. Есть основания полагать, что томские воеводы намерены были снарядить против киргизов карательную экспедицию. О предполагаемом походе знали и киргизы. Томские воеводы в своей отписке в Москву в 1624 г.

²³ Г. Ф. Миллер, т. II, док. № 186, стр. 260—261.

²⁴ Там же, док. № 159, стр. 260—261.

²⁵ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 6, л. 73.

²⁶ Там же, л. 74—75.

²⁷ Там же, л. 65—66.

писали, что 21 декабря они послали к киргизам ясачного тарина Исечко для «проведывания», где кочуют киргизы и можно ли над ними «чинить промыслы». Исечко, вернувшись, сообщил, что киргизы кочуют на р. Белый Июс, на расстоянии 10 дней езды от Томска, «а живут устарожилово» и знают, что из Томска должны прийти воинские люди²⁸.

Но предполагавшийся поход по каким-то причинам не состоялся. Тем не менее слух о походе произвел, видимо, впечатление на киргизов, ибо вместе с Исечко в Томск прибыли бухарские купцы Шаиглан и Азеик, которые передали воеводе жалобу киргизских князей. В жалобе, в частности, говорилось о том, что прежние томские воеводы И. Шеховской и М. Радилов всячески притесняли киргизов; когда в 1620 г. киргизы просили помощи против Алтын-хана, томские воеводы послали на них войной ратных людей, а их посла Женжа посадили в тюрьму; в 1621 г. русские служилые люди вторично вторглись на их, Киргизскую, землю и начали строить Мелесский острог, разгромив при этом киргизов; уведя много пленных и скота; когда киргизы стали выкупать своих «полоненников», воеводы выкуп взяли, но пленных не отдали. Киргизские князья вновь просили вернуть им жен и детей, захваченных в плен, обещая за это быть послушными и платить ясак.

Томские воеводы передали содержание киргизских жалоб-просьб в Москву. Оттуда в начале 1625 г. была прислана грамота тобольским воеводам, предписывавшая вступить с киргизскими князьями в переговоры и выяснить причины нападений киргизов на русские ясачные волости. Если окажется, что виноваты русские воеводы, то надо заявить киргизам, что виновные будут наказаны. Но если киргизы не поддадутся уговорам, не примут царского подданства и по-прежнему будут нападать на ясачные волости, то их «войною смирить»²⁹.

Согласно этой грамоте, в 1625 г. из Tobольска было отправлено к киргизам посольство во главе с боярским сыном Петром Сабанским. Документы, относящиеся к этому посольству, имеют важное значение, поскольку они раскрывают всю сложность отношений между енисейскими киргизами и Россией в период до 1625 г. Вот почему желательно более подробно остановиться на материалах этого посольства³⁰.

Послу, как видно из его статейного списка, был дан наказ: выяснить подлинные причины возмущения киргизов, убедить

²⁸ Г. Ф. Миллер, т. II, док. № 222, стр. 316—317.

²⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 6, л. 82—87-об.

³⁰ Там же, стб. 886, л. 5—72.

их и их союзников принять российское подданство, гарантируя им в этом случае «оберегание» от «недругов» силами России; потребовать от киргизов прекращения набегов на ясачные волости и обязательства платить ясак с себя и кыштымов по 10 соболей с каждого взрослого человека; добиться возвращения киргизами угнанных лошадей, имущества и перебежавших к ним русских ясачных людей; присылки киргизами заложников из числа «лутчих» князей, причем Россия гарантировала их безопасность; убедить киргизов безбоязненно приходить торговать в русские города; сообщить киргизам, что правительство России разрешает им послать посольство в Москву. Наряду с этими вопросами Сабанскому было поручено разведать подлинные намерения киргизских князей и Алтын-хана по отношению к Русскому государству.

П. Сабанский застал киргизов как раз в сборе на р. Енисее, где располагались кочевья Есерского улуса. Они «хотели итти под Томской город на скоп»³¹. Киргизы встретили посла и прибывших с ними людей недружелюбно и даже, приняв их за представителей г. Томска, чуть не убили. Когда же выяснилось, что русские прибыли из Тобольска с царской грамотой, местные киргизские князья сообщили об этом главному своему князю Ишею. По просьбе П. Сабанского ко всем киргизским князьям были посланы гонцы с предложением прибыть к князю Ишею для участия в переговорах с представителями России. На переговоры прибыло около 700 киргизов, их союзников (тубинцев и маторцев) и кыштымов (в частности, буклинцев). От имени всех киргизских, тубинских, маторских и других князей выступал князь Ишей.

Ишей подробно остановился на истории взаимоотношений енисейских киргизов с воеводами г. Томска и на существующих конфликтах. Он жаловался на действия воевод И. Шеховского и М. Радилова, которые вместо помощи киргизам в их борьбе против Алтын-хана посадили киргизских послов в тюрьму и направили против киргизов вооруженный отряд, а когда киргизы стали выкупать своих пленных, то воеводы, взяв выкуп, пленных не возвратили. Ишей привел в качестве примера случай с выкупом князя Кары, за которого киргизы послали воеводам И. Шеховскому и М. Радилову «40 бобров, да 70 соболей, да 2 ферези камчатые, да шубу соболюю, да 2 рыси, да 2 шубы волчьи»³². Воеводы этот выкуп взяли, но Кары не освободили, сославшись на то, что выкуп мал. То

³¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886. л. 32.

³² Там же, л. 39—41.

же самое случилось во второй раз, когда киргизы в обмен за Кары послали еще 100 соболей. Так было и в третий раз, когда киргизы прислали им еще 200 соболей и 2 шубы, и в четвертый раз, когда прислали еще «40 соболей, да 20 бобров, да шубу соболя..., да 3 портища камки». Томские воеводы получали большие выкупы и от других киргизов за родственников, захваченных русскими служилыми людьми в плен, но из плена их не выпускали, а продавали их другим служилым людям или увозили в Москву³³.

В результате переговоров с Сабанским князья одобрили предложения тобольского посла, обещали жить в мире с русскими при условии, что воеводы и служилые люди не будут «чинить» в отношении их «ни каково дурна». В отношении русских ясачных людей, перебежавших к киргизам, князья дали слово развести их по прежним улусам, а их было «больши дву сот семей»³⁴.

Переговоры с Сабанским были успешно завершены. Киргизские князья отправили в Тобольск вместе с русским послом трех представителей — Алтычака, Енека и Шибача, которые должны были передать жалобы киргизов тобольскому воеводе. Тобольский воевода Ю. А. Сулешев, выслушав этих представителей, обещал не допускать впредь никаких насилий со стороны русских людей. В свою очередь он просил киргизских послов передать всем князьям, чтобы те не нападали на русские поселения, не трогали русских ясачных людей, чтобы сами они аккуратно платили ясак, предупредив их, что в случае нарушения принятых на себя обязательств им «будет худо»³⁵.

Следует считать установленным, что одной из главных причин враждебного отношения енисейских киргизов к русским властям в Сибири были случаи насилия, грабежа и т. п. со стороны последних.

И в самом деле, самоуправству русских воевод не было предела. Они насильно крестили киргизов и других «инородцев», попавших в плен, оставляли их у себя в качестве работников или увозили с собой в Россию. Такие действия возмущали не только киргизов, но и другие народности, обитавшие в Южной Сибири. Рядовые русские служилые люди сами не раз писали царю о случаях насильственного крещения, увоза детей, захвата имущества и т. п., что вызывало недовольство «иноземцев» и толкало их на ответные действия, вплоть до

³³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 83—84.

³⁴ Там же, л. 50—64.

³⁵ Там же, л. 83—84.

прихода «под государевы города войною»³⁶. В 1625 г. царь вынужден был послать специальную грамоту тобольскому воеводе Ю. А. Сулешеву, обращая его внимание на то, что часто служилые люди, захватив в плен детей, отдают их воеводам «в почест и воеводы их вскоре ж сильно крестят». Если же «полонных тех людей учнут прощать на откуп и воеводы тех полонных людей на откуп не отдают... и держати у себя в холопех». Грамота предписывала, чтоб впредь пленных «велели отдавать им на откуп... насильством не купили и насильно не крестили»³⁷. Но, несмотря на запрет, воеводы продолжали чинить самоуправство. В одном из источников, в обозрении Тарской таможенной приходной книги, говорится, что «того же числа [30 ноября 1654 г.] явили продать привозную свою женку Булутайку, родом земли Киргизская, лет 23-х, конной казак Лукаша Попков да пешей казак Петр Потаков, цена ей 15 рублей. Пошлин с них взято полтора рубли»³⁸. Продажа пленных «инородцев» русскими служилыми людьми практиковалась не только в начале и середине XVII в., но и в начале XVIII в. Так, в «Томской записной книге печатным пошлинным деньгам» говорится, что в 1702 г. в январе [число не указано] «томский казачий сын Федя Абрасимов... продал в Томском полонную свою женку киргизские породы именем Елданака томскому сыну боярскому Петру Яковееву» за 5 руб.³⁹

Материалы посольства Сабанского и его переговоров с киргизскими князьями убедительно свидетельствуют о том, что жалобы киргизов на томских воевод, особенно на И. Шевцовского и М. Радилова, были справедливы, что эти воеводы своими действиями, вопреки указаниям из Москвы, провоцировали киргизских князей, толкая их на путь борьбы против Русского государства. Правда, когда их вызвали в Москву, они там стремились обелить себя и возложить всю ответственность за напряженность русско-киргизских отношений на киргизов. Но факты говорят, что немалая доля вины лежала на местных представителях русской власти⁴⁰.

После посольства П. Сабанского отношения между енисейскими киргизами и Россией улучшились. Начался оживленный обмен послами. В 1627 г. новые тобольские воеводы А. А. Хаванский и М. А. Веляминов послали к киргизам бояр-

³⁶ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 6, л. 67—68.

³⁷ Там же, л. 98—99.

³⁸ Там же, кн. 313, л. 388.

³⁹ Там же, кн. 1294, л. 7.

⁴⁰ Там же, кн. 6, л. 70-об.—77.

ского сына Д. Черкасова ⁴¹. Киргизы встретили этого посла дружелюбно и даже выслали своих представителей ему на встречу. В переговорах участвовали, как и при П. Сабанском, все киргизские князья и «лутчие люди». Они подтвердили свое намерение верно служить русскому царю, в казну которого они тут же внесли ясак — 100 соболей. Но за прошедшие 1625 и 1626 гг. они не стали платить, ссылаясь на то, что за эти годы ясак внесен Алтын-хану и черным калмыкам. Настойчивые требования Черкасова погасить задолженность по ясаку и послать аманатов в Томск были безуспешны. Киргизские князья категорически отклонили эти требования. Они вновь стали жаловаться на бесчинства томских воевод и служилых людей, которые сами добровольно продавали свое оружие киргизам, а потом жаловались на то, что их оружие якобы отняли киргизы насильно; томские же воеводы прежних киргизских заложников доводили до смерти. Киргизские князья заявили Черкасову, что они не верят томским воеводам и согласны платить ясак только в Тобольск, а заложников не дадут ни в какие русские города. В ходе переговоров с Черкасовым выявилась интересная новая черта. Киргизские князья просили его о том, чтобы их «государь... пожаловал, велел бы нам свою государеву службу служить, также что и чатским татарам» ⁴².

Желание быть равными с местными татарами отражает, по нашему мнению, стремление киргизских князей путем принятия подданства России выйти из подчинения местным воеводам, стать «государевыми служилыми людьми» с тем, чтобы, опираясь на Россию, освободиться от уплаты ясака Алтын-хану и джунгарским тайши и, как прежде, господствовать над своими людьми и кыштымами.

Переговоры Д. Черкасова с киргизскими князьями, несмотря на разногласия, закончились в общем успешно. Отношения между киргизскими князьями и русскими властями в течение некоторого времени оставались относительно мирными. Но вскоре все изменилось. Постройка русскими властями нового острога на Красном Яре по р. Енисей вызвала бурный протест киргизских князей.

По указу царя Михаила Федоровича тобольские воеводы А. А. Хаванский и И. В. Волинский летом 1627 г. послали А. Дубенского с отрядом в 300 человек на Качинскую землю для постройки нового острога ⁴³. Дубенской для строитель-

⁴¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 163—193.

⁴² Там же, л. 188.

⁴³ Г. Ф. Миллер, т. II, док. № 237, стр. 330—333.

ства острога Красноярска выбрал Красный Яр в устье р. Качи.

Местные жители выступили против постройки здесь острога. Из отписки Дубенского, адресованной тобольским воеводам, явствует, что 26 июля 1628 г. качинцы и аринцы вместе с киргизами совершили налет на Красный Яр, где шла работа по строительству острога⁴⁴. В этом бою с обеих сторон были большие потери. Но захватить Красный Яр нападающим не удалось, и они вынуждены были отступить.

Желая наказать качинцев и аринцев, а заодно и киргизов за помощь, оказанную ими качинцам и аринцам, Дубенский 16 августа того же года отправил против них отряд во главе с атаманом И. Кольцовым. Отряд разгромил киргизов и привел в Красноярск много пленных, а также скот. Дубенский послал к киргизам представителей с предложением выкупить «своих полоненников». Но киргизские князья прибыть в Красноярск отказались, говоря, что «ехать де мы не смеем к вам для того, каких людей в острог возьмете, тех и уморите», как это уже делалось в прошлом, когда «многих наших людей поморили в Томском городе»⁴⁵.

Показания Дубенского говорят о том, что местные жители, обитавшие в окрестностях Красноярска, качинцы и аринцы, не хотели мириться с существованием на их земле русского острога, но, не имея сил воспрепятствовать этому, перекочевали к своим бывшим властителям, к киргизским князьям, кыштымами которых они были раньше. Киргизские князья тоже не были заинтересованы в том, чтобы русские власти построили острог на границах Киргизской земли и тем более на земле их кыштымов. Киргизы приняли качинцев и аринцев. Правда, через некоторое время часть их вернулась в район Красноярска, но большинство, видимо, оставалось на Киргизской земле, в составе Есерского улуса (об этом уже говорилось в первой главе).

После основания красноярского острога воеводы начали претендовать на сбор ясака у киргизов. Так, А. Дубенский 20 декабря 1628 г. послал служилых людей к киргизам за ясаком, получив который (100 соболей), они благополучно вернулись⁴⁶. В марте следующего года из Красноярска был послан казак Никита Хохряков с поручением собрать ясак за текущий год и договориться с князьями, чтобы впредь они сами привозили ясак в Красноярск. Для верности Н. Хохря-

⁴⁴ Г. Ф. Миллер, т. II, док. № 237, стр. 340.

⁴⁵ Там же, док. № 245, стр. 340.

⁴⁶ Там же, стр. 347.

ков должен был предложить киргизам послать в Красноярск заложников. Киргизские князья, однако, и на этот раз категорически отказались послать людей в Красноярск, ссылаясь на то, что не доверяют воеводам: «А сами де мы к вам в Красный острог не едем для того, что де вы засадите в тюрьму без государева указу, а до государя де далеко, воеводы де нас не допустят, уморят в тюрьме»⁴⁷. В то же время киргизские князья вновь заявили: «А только де нас государь пожалует и ясаку с нас имать не велит, а велит нам служить, как полным городом татаровя служат, и мы де государю прибыль учиним великую». Не доверяя воеводам и их представителям, они просили прислать к ним царских послов для «подлинного переговора». «А с вами де мы не шертуем, потому что де вы люди невольные: куда вас воевода пошлет, туда и едете, а увидим де мык себе государскую милость и воеводскую правду, и я де Ишей или Табун и сами будем в город, а от государской де мы милости не отбегаем, куда де нас государь пошлет на службу, мы готовы хотя сейчас, и в заклады не посадим лутчих людей, и казаков де коньми ссудим»⁴⁸.

На этом переговоры Красноярска с киргизскими князьями прервались. Возможно, что местные сибирские воеводы надеялись силой заставить киргизов платить им ясак. В пользу этого предположения говорит статейный список Д. Копылова, ездившего к киргизам осенью 1629 г. из Томска⁴⁹. Он докладывал воеводам, что киргизы ясак «государю давать рады по-прежнему» и хотели послать своих челобитчиков в Томск во главе «лутчего князьца Кочебая», но не послали из страха перед красноярскими служилыми людьми. Д. Копылов приводил следующие слова киргизских князей: «Будет они, киргизы... ясак дадут в Томский город, а не на Красный Яр, и они их, киргиз, учнут воевать». Киргизы обещали прислать в Томск своих представителей и ясак, если из Красноярска до весны 1630 г. не будет нападений. Действительно, 7 марта 1630 г. они прислали в Томск людей с просьбой послать к ним Д. Копылова для «подлинного переговора». Копылов был вторично командирован к киргизам. Но его миссия на этот раз окончилась безуспешно вследствие нового обострения отношений киргизов с Красноярским воеводой А. Акинфовым, который приказал повесить двух тубинских заложников, находившихся в Красноярске, за попытку

⁴⁷ Г. Ф. Миллер, т. II, док. № 259, стр. 351—352.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, док. № 283, стр. 373—374.

к бегству. В ответ на это возмущенные киргизы вместе с тубинцами совершили ряд набегов на Красноярский уезд.

Таким образом, выясняется, что между Томском и Красноярском возникла своего рода конкуренция за привилегию сбора ясака с киргизов. Но Красноярск был ближе от их кочевий, красноярские воеводы были к тому же более решительными, чем их томские коллеги; они, не колеблясь, прибегали к силе оружия и посылали в киргизские улусы ратных людей в наказание за какую-либо «провинность» или для сбора ясака. Так случилось, например, когда к киргизам был послан отряд во главе с И. Кольцовым и другими служилыми людьми с требованием платить ясак и послать заложников в Красноярск. Из показаний Д. Копылова также выясняется, что красноярский воевода заставлял киргизов платить ясак не в Томск, а в Красноярск, угрожая в противном случае войной.

Но и томские воеводы не намеревались отказываться от киргизского ясака. К киргизам одновременно приезжали за ясаком и из Томска и из Красноярска. Это томско-красноярское соперничество вызывало протест со стороны киргизов. Оно особенно тяжело отражалось на жителях пограничных волостей, которые платили ясак и Томску, и Красноярску, и киргизским князьям. В силу указанных причин киргизские князья недружелюбно относились к красноярским воеводам и часто нападали на Красноярский уезд. Русские власти наносили ответные удары по улусам киргизских князей.

В 1633 г. 14 сентября совершил набег на Кузнецкий уезд алтысарский князь Бектен «со многими людьми и отогнали де у них лошади все и не оставили ни одной лошади, и по гумнам де у них хлеб весь пожгли»⁵⁰. Источник свидетельствует, что князь Бектен причинил большой урон хозяйству ясачных людей, проживавших под Кузнецком. Как бы в ответ на этот набег томский воевода послал на киргизов отряд ратных людей во главе с А. Прособецким⁵¹. Отряд выступил из Томска 10 февраля 1634 г. и напал на киргизские улусы в районе Белого озера. Узнав об этом, киргизы, «собрався» вместе с монгольским отрядом из 400 человек, напали на русский отряд. Бой продолжался 4 суток, и на 5 сутки русские отступили.

Вскоре киргизские князья предприняли очередной набег на Красноярский острог. Красноярские служилые люди в че-

⁵⁰ Г. Ф. Миллер, т. II, док. № 315, стр. 406—407.

⁵¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 46, л. 232—237; стб. 53, л. 362—365.

лобитной царю писали, что «в прошлом... во 142-м году августа, 10 дня приходили под... Красноярский острог... киргизские люди, собрався со многими немирными землицами: с мугалами, и с тубинцы, и маторцы, и с точигасами и с иными многими землицами»⁵². Осенью того же года набег на Красноярск был повторен.

От этих двух набегов сильно пострадали красноярские служилые люди и пашенные крестьяне, среди которых было много убитых, раненых и угнанных в плен, поля были выжжены и вытоптаны. О последствиях этих набегов красноярские служилые люди в челобитной царю писали, что «от тех... киргизских приходов стали наги и босы и в конец погибли». Следует отметить, что в то время как одна группа киргизских князей разоряла поселения под Красноярском, другая группа грабила Верхнюю Мелесскую волость, причиняя большой урон русским ясачным людям⁵³. В ответ на эти набег на красноярский воевода Н. Карамышев осенью 1635 г. послал атамана Д. Злобина с отрядом в Кизильскую землю, где они разорили ряд улусов, после чего вернулись в Красноярск⁵⁴.

В сентябре 1635 г. киргизский князь Ишей напал на Кузнецкий острог⁵⁵, угнав оттуда скот, уничтожив посевы и убив нескольких служилых людей и пашенных крестьян.

Правительство России, будучи хорошо информировано о набеге киргизских князей и карательных экспедициях сибирских воевод, пришло к выводу, что обстановка требует более радикальных мер, могущих принудить киргизских князей сложить оружие. Было решено организовать поход против киргизов крупными силами для окончательного их «смирения».

Руководство походом было возложено на Якова Тухачевского, ездившего к Алтын-хану через кочевья енисейских киргизов и считавшегося знатоком местных условий. Он был лично опрошен в Сибирском приказе, где сообщил все, что знал о киргизах, и изложил свой план похода, предложив сформировать большой, хорошо вооруженный отряд и двинуть его на Киргизскую землю зимой. Его план был одобрен, Тухачевский был назначен воеводой в г. Тару, ему же было поручено возглавить всю военную экспедицию. Соответству-

⁵² Г. Ф. Миллер, т. II, док. № 330, стр. 415—416.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, док. № 329, стр. 414—415.

⁵⁵ Там же, док. № 366, стр. 441—442.

ющие грамоты были посланы воеводам ряда сибирских городов⁵⁶.

По прибытии в Тару Тухачевский начал подготовку к походу. Он создал из тарских служилых людей 5 «копейных» рот, чтобы противостоять киргизским копейщикам, которые в бою имели цель «смешивать» копьями наступающего противника. Он старался также увеличить число литаврщиков, трубачей и знаменосцев для психологического воздействия на киргизских воинов.

1 сентября 1640 г. Тухачевский выехал из Тары и направился в Томск, где должны были собраться 900 русских воинов из других сибирских городов. В Томске выяснилось, что у них нет зимнего обмундирования, недостаточно продовольствия и плохой конский состав. По этим причинам было решено отложить поход до весны следующего года. Тухачевский считал воевод сибирских городов виновными в обнаруженных недостатках. Он писал царю: «... а ныне де в Сибири воеводы не о государеве деле радеют, а промышляют о своих пожитках»⁵⁷.

13 июня 1641 г. Тухачевский с войском, насчитывавшим 870 человек, выступил из Томска и через 3 недели прибыл на р. Уйбат (левый приток р. Абакан), где ему предстояло основать новый острог⁵⁸. Киргизы, осведомленные об этом походе, сосредотачивались в нижнем течении р. Абакан, по обеим ее берегам. В устье р. Уйбат стояли князья Ишей и Иженей Мерген, на р. Аксысе — князья Кочебай и Бектен, «а тубинцы и маторцы стояли взборе ж за рекою Абакан». Первое сражение произошло 11 июля. Киргизы оказали упорное сопротивление, но потерпели поражение. Они отступили, потеряв 70 человек убитыми, имея много раненых. У русских ратных людей было 13 убитых, 15 раненых. Одержав победу, русский отряд вступил в улусы Ишей и Иженей Мергена, где захватил 130 человек, в основном женщин и детей, а также «верблюдов 150 да лошадей с 300», много «мяхкой рухляди» и другое имущество⁵⁹.

Однако на следующий день, т. е. 12 июля, киргизские князья, оправившись от поражения, перешли сами в наступление. Произошло новое сражение, о котором Тухачевский писал: «... собрався он, Ишей, со всеми киргизскими улусы, и с тубинцы, и с маторцы, приходили на меня з боем, с жес-

⁵⁶ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 84.

⁵⁷ Там же, л. 5.

⁵⁸ Там же, л. 297—306.

⁵⁹ Там же, л. 297—298.

токими напуски, а с них было человек с 700»⁶⁰. Русский отряд отступил, захватив всех пленных, которых по распоряжению Я. Тухачевского посадили на верблюдов и «устроили... обозом по обе стороны» войск в качестве живого заслона от киргизских стрел и пуль. Но киргизы не отставали от русских и в течение двух дней непрерывно нападали на отходящий отряд, стараясь отбить своих пленников, однако успеха не имели. Тогда киргизские князья прислали парламентаров к Тухачевскому с просьбой, чтобы русские не продавали и не крестили захваченных киргизских жен и детей, чтобы прислали к ним надежных людей для «подлинных» переговоров. Парламентары также передавали, что киргизские князья согласны быть верными русскому царю. Тухачевский не ответил на эти предложения.

В это время внутри его отряда начались распри. Служилые люди, собранные из разных городов, отказались повиноваться Тухачевскому. 15 июля они подняли бунт, захватили взятые у киргизов трофеи, ограбили самого Тухачевского и, грозя его убить, почти все ушли в сторону Кузнецка.

Я. Тухачевскому было наказано после «смирения» киргизов поставить острог на р. Абакан. Но этого, как видно из изложенного, он не смог осуществить. С небольшой группой оставшихся верными ему людей он прибыл на Кизильскую землю, рассчитывая там поставить острог. Однако ему и это не удалось из-за нехватки людей и угроз со стороны киргизов. Тогда он направился в Мелесский острог и там, получив продовольствие и немного людей, с 40 человеками поплыл по р. Чулым, надеясь, что ему все же удастся соорудить острог на Кизильской земле. Но и на этот раз он не добился успеха, не осмелившись с такими малыми силами начать строительство нового острога. Вместо этого осенью 1641 г. он поставил маленький «острожок зимовой» в Ачинской волости, названный Ачинским острогом.

Поход Я. Тухачевского имел печальные последствия для енисейских киргизов, понесших большой материальный ущерб и людские потери. И России, если не считать сооружения Ачинского острога, он также ничего не принес. Задачи, которые ставились правительством царской России перед Тухачевским, остались неосуществленными вследствие сопротивления, оказанного киргизами. Что касается Ачинского острога, то, опираясь на него, русские воеводы получили возмож-

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 84, л. 297—298.

ность более глубоко проникнуть в Южную Сибирь, в первую очередь на земли енисейских киргизов. Понимая грозившую им с этой стороны опасность, киргизские князья не раз совершали набеги на Ачинский острог, пытались уничтожить эту крепость. С точки зрения экономической, Ачинская крепость также играла заметную роль. Опираясь на нее, русские воеводы собирали с ясачных волостей по р. Чулым большой ясак, дававший казне значительный доход. Но набеги киргизских князей срывали регулярное поступление ясака в казну. Постройка и укрепление Ачинского острога, одной из задач которого была охрана ясачных волостей от набегов киргизских князей, создавали условия для «нормального» сбора ясака.

Через год после похода Я. Тухачевского, т. е. в 1642 г., был предпринят новый поход во главе с И. Кобыльским⁶¹. Он принял от Тухачевского Ачинский острог и с отрядом двинулся на киргизов. Князь Ишей во главе своего войска, собранного из киргизских улусов, их кыштымов и союзных племен, встретил И. Кобыльского «перешед Белой Июс, в горах, не допустя до своих улусов до Абакану реку за три дни». По словам служилых людей, участвовавших в сражении, этот бой продолжался «с третяго часу дни и до вечера». Киргизы потерпели поражение, после чего они согласились принять подданство России и платить ей ясак. В ходе переговоров между киргизскими князьями и Кобыльским был затронут вопрос о киргизских кыштымах. Киргизские князья настаивали на том, чтобы кыштымы по-прежнему после сбора ясака русскими властями платили ясак и киргизским князьям. В результате переговоров было установлено, что в качестве ясака будет взиматься по 10 соболей с киргизов и их кыштымов в пользу России. Что касается кыштымов, то они должны будут, кроме того, платить ясак и киргизским князьям «по 15 соболей с человека на год или вместо соболей по 3 бобра»⁶².

Таким образом, царская Россия силой оружия заставила в конце концов енисейских киргизов платить ей ясак. Набеги киргизских князей на русские ясачные волости надолго прекратились. Отношения между енисейскими киргизами и русскими властями в Сибири стали относительно мирными. Однако киргизские князья не могли примириться с тем, что их доходы уменьшились в связи с обязательством платить ясак в пользу русской казны и сокращением поступлений от

⁶¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 252, л. 176—177.

⁶² Там же, стб. 623, ч. I, л. 28.

кыштымов. Положение усугублялось еще и тем, что им приходилось время от времени платить ясак Алтын-ханам и джунгарским тайшам. Все это отрицательно сказывалось на экономике енисейских киргизов, особенно на хозяйстве трудового населения, на плечи которого ложились все тяготы походов и выплата ясака.

В этот период киргизские князья обменялись рядом посольств с русскими властями Сибири.

В 1646 г. П. Копылов был послан из Томска к киргизам с целью получить от князей подтверждение их клятвы на верность России и замены заложников⁶³. Выехав из Томска 26 июня, Копылов прибыл 6 июля к киргизам, которым он должен был передать распоряжение прислать в Томск от каждого киргизского улуса своих «лутчих» князей для приведения к присяге и новых заложников. Если бы князья почему-либо отказались прислать людей в Томск, П. Копылов имел поручение привести их к присяге на месте. Он должен был также передать киргизам приглашение приезжать «без опасно» в русские города с торгом, «им [киргизам] от государевых людей обид и налог никаких не будет».

Переговоры происходили в Алтысарском улусе. В них участвовали не все киргизские князья. Из наиболее влиятельных здесь были Табун, Бехтен, Иженей Мерген, Талай, Кенжебай, а также правители их союзников и кыштымов. На предложение ехать в Томск они ответили Копылову: «Мы, князья, ожидаем на себя с часу на час воинских братцких людей»⁶⁴. Действительно, перед приездом П. Копылова среди киргизов распространился слух, что «братцкие люди», т. е. буряты, готовятся выступить в поход против киргизов и тубинцев⁶⁵. П. Копылову пришлось принять от киргизских князей клятву на месте. От Алтысарского улуса присягали Табун, Кенжебай (брат Ишея), Сенчикей, от Есерского — Иженей Мерген. Князь Алтысарского улуса Талай и тубинский князь Коян заявили, что уже давали присягу: Талай — в Кузнецком остроге, а Коян — в Красноярске, поэтому они считают излишним принесение клятвы. Также поступил и князь Бехтен, который заявил, что он присягал раньше и не намерен данное им слово нарушить. Князья согласились приезжать для торговли в русские города.

Так закончилась миссия П. Копылова. Томские воеводы остались недовольны тем, что некоторые князья не участво-

⁶³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 252, л. 144—164.

⁶⁴ Там же, л. 148.

⁶⁵ Там же, л. 40—49.

вали в переговорах, а часть из присутствовавших уклонилась от принесения присяги. Поэтому их новому послу С. Греченину, ездившему к киргизам в 1648 г., было дано специальное поручение привести их к присяге. Греченин был, по-видимому, неплохим дипломатом. Хорошо зная характер и обычаи енисейских киргизов, он поехал не к тем князьям, которые не присягали, а к самому старшему и наиболее влиятельному князю Кочебаю, рассчитывая таким путем скорее добиться цели⁶⁶. Он не ошибся. Кочебай, кочевавший в то время на р. Оя (правый приток Енисея), по просьбе русского посла отправил людей за Бектеном и Сенжей. Как и предполагал С. Греченин, Бектен и Сенжа вначале отказались присягать, но затем, очевидно, по совету Кочебая, согласились. Греченин, успешно выполнив возложенную на него миссию, вернулся в Томск.

Ход этих переговоров свидетельствует о том, что киргизские князья в то время старались не доводить дело до конфликтов с Россией. Испытывая давление с трех сторон,—России, Алтын-ханов и Джунгарии—киргизские правители усматривали единственное средство для сохранения хотя бы видимой самостоятельности в уплате ясака всем трем могущественным соседям.

Как уже отмечалось, в этот период усилился нажим на енисейских киргизов со стороны Алтын-ханов. Их отряды с начала 50-х годов до 1667 г. не раз нападали на енисейских киргизов, требуя уплаты ясака. Эти набеги тяжело отражались на хозяйстве последних. Новая активизация Алтын-ханов в Южной Сибири была, очевидно, связана с событиями, развертывавшимися в Западной Монголии в середине XVII в. Как уже говорилось, Алтын-ханы, теснимые своими противниками, искали в Минусинском крае спасения от окончательного разгрома джунгарскими тайши. Но Россия, позиции которой в Южной Сибири еще не были достаточно укреплены, воздерживалась от активного вмешательства в борьбу соперничавших групп, опасаясь обострить свои отношения с ними. Впоследствии она по этим же причинам не оказала поддержки Алтын-ханам в их борьбе против джунгаров. Такая политика России понималась киргизскими князьями по-своему и вызывала у них недоверие к русским властям. Можно предполагать, что именно поэтому киргизские князья сразу же после победы джунгарского тайши Сенге над Алтын-ханом Лоджаном так легко перешли на сторону победителей.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 252, л. 162—163.

Возможно, что если бы Россия оказала активную помощь киргизам против Алтын-ханов, киргизские князья остались бы подданными России, а джунгары, после победы над Алтын-ханами, не стали бы претендовать на енисейских киргизов. Нам представляется, что такое решение киргизского вопроса было бы в этом случае вполне вероятным. В описываемое время внутреннее положение и внешнеполитическая обстановка киргизских улусов требовали от их феодализовавшейся верхушки новой политики. Хозяйство улусов было подорвано военными действиями русских воевод и Алтын-ханов. Кыштымы, приносившие доход киргизским князьям, теперь в своем большинстве были подчинены России и перестали служить источником обогащения киргизских правителей.

Таким образом, внутреннее и внешнее положение енисейских киргизов в середине XVII в. было весьма тяжёлым; стояло под угрозой самое существование их княжества. И вот в это трудное для киргизских князей время выдвинулся на политическую арену князь Еренак, сын алтысарского князя Ишея, внук Номчи. Деятельность этого князя оттянула на несколько десятилетий окончательную гибель княжеств енисейских киргизов. Его политика по-разному определялась исследователями. Одни положительно расценивали роль Еренака, тогда как другие видели в его борьбе против царской России только стремление к грабежу и набегам.

Изучение многочисленных русских архивных документов, подробно освещающих деятельность Еренака, дает возможность внести определенную ясность в этот спорный вопрос.

Необходимо отметить, что князь Еренак, временно объединивший енисейских киргизов под своей властью, сыграл заметную роль в их истории. Однако оценка его роли не может не быть двойственной. Вся его деятельность показывает, что он служил верой и правдой интересам своего класса—феодализирующейся верхушке киргизского общества. Он искал защиты у сильнейшего из противников в целях сохранения возможно большей свободы действий киргизских князей в деле эксплуатации ими «своих» трудящихся и кыштымов—обитателей Минусинского края. В его стремлении создать единое киргизское княжество нельзя не видеть факта объективно прогрессивного значения, соответствовавшего интересам не только князей, но и трудящихся киргизов. Ориентация на сильнейшего из соседей в конкретных условиях того времени была в интересах как киргизских князей, так и рядовых киргизов.

Можно предполагать, что созданное Еренаком объединенное киргизское княжество, сохранив самостоятельность, мог-

до бы существовать до полного присоединения к России, как это было с другими народами Сибири. Но Джунгарское ханство его уничтожило. Усилия Еренака не увенчались успехом. Хотя он временно и сплотил киргизов в единый политический организм, он ничего не сделал для ликвидации старых, восходящих к родовому строю отношений и, борясь только за интересы князей, по существу стоял за консервацию старых общественно-экономических и политических отношений в киргизских улусах. С этой точки зрения деятельность Еренака не является прогрессивной.

Впервые имя Еренака упоминается в донесении томского воеводы И. В. Бутурлина в 1665 г. царю, описывающего посольство Р. Старкова к Лоджану. О Еренаке здесь говорится как о киргизском князе, который не дал корма и подвод Старкову и совершил несколько набегов на русских ясачных людей по р. Чулым⁶⁷. С этого времени и вплоть до его смерти (1687 г.) имя Еренака (в источниках: Иренак, Ерянак, Еренак и т. д.) не сходит со страниц архивных документов.

Следует отметить, что, за исключением этой отписки Бутурлина, мы не нашли документов, в которых бы говорилось о нападениях Еренака на русские ясачные волости до 1665 г. Нам известны его набеги на русские города и села, начиная с 1666 г., когда он напал на Канскую землю и Удинский уезд⁶⁸. На Канской земле он разгромил откочевавших от него к русским властям тубинских князей, бывших, вероятно, в ссоре с киргизскими князьями. Отослав на Киргизскую землю 20 тубинцев, захваченных в плен, и их скот, Еренак напал на русских ясачных людей в Удинском уезде и занял Удинский острог, где захватил много военного снаряжения (порох, свинец, пушечные ядра, куяки и др.), взял в плен 10 человек и угнал 300 лошадей. Узнав об этом, Красноярский воевода Г. Никитин послал «на переем вверх по Енисею атамана Тюменцева» с отрядом в 100 человек. Тюменцев встретился с Еренаком на р. Иштиюле, вступил с ним в бой, в результате которого ему удалось отбить пленных людей и угнанных лошадей, а также военное снаряжение.

Лоджан, находившийся в это время на Киргизской земле, ничем не мог помочь Еренаку, так как сам был на грани гибели. Но он поручил Чинку, посланному им в Томск, выяснить, почему Красноярские служилые люди воюют против киргизов, являющихся его кыштымами⁶⁹. Томский воево-

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 646, л. 61—74.

⁶⁸ Там же, ф. Монгольские дела, 1666, д. 3, л. 5—6.

⁶⁹ ДАИ, т. V, 1853, стр. 94—96.

да И. Л. Салтыков ответил Лоджану, что виновником событий является Еренак, напавший на Удинский острог.

В 1667 г. последний Алтын-хан Лоджан был окончательно разгромлен джунгарским тайши Сенге. Киргизские князья сразу же после этого перешли на сторону последнего, признав над собой его власть. Сенге стал добиваться признания за собой прав сюзерена и над другими народами Минусинского края. Еще находясь на Киргизской земле, он послал татарина Мерген Мохаева и бухарца Баке Бакарева в Красноярск с требованием, «чтоб ему, Сенге, с киргиз и тубинских князев и с улусных их людей да с дву калмыков, которые живут под Красноярским, сбират ясак»⁷⁰. Воевода Г. Никитин отклонил домогательства Сенге и от себя послал к киргизским князьям представителя выяснить обстановку. Приехав к киргизскому князю Акану Ишееву (брат Еренака), русский посланник убедился в разгроме Лоджана, победе Сенге и в серьезности претензий последнего. При этом Акан в присутствии Еренака добавил: «...только де великого государя под городные качинские и яринские ясачные татаровья калмыцкому Сенже-тайше ясаку не дадут и калмыки де будут на них войною»⁷¹. Из этого можно сделать вывод, что новый сюзерен енисейских киргизов, джунгарский тайша Сенге, окрыленный победой над Лоджаном, намеревался начать собирать ясак со всех жителей Минусинского края и в этих целях хотел использовать киргизских князей как проводников своей политики.

При изучении истории енисейских киргизов неизбежно возникает вопрос о том, почему же все-таки киргизские князья, ведшие борьбу и с Алтын-ханами и с Россией, так легко, не оказав сопротивления, перекинулись на сторону Джунгарии и признали свою зависимость от джунгарских ханов и князей. Мы полагаем, что это произошло по ряду причин. Во-первых, киргизские князья, ослабленные неудачными операциями против русских воевод и Алтын-ханов, не в силах были бороться против джунгаров и искали у них поддержки против своих врагов. Во-вторых, енисейские киргизы имели много общего с джунгарами в хозяйственном строе и образе жизни. Нельзя недооценивать и значения существовавших между ними брачных союзов. В-третьих, Джунгария, сделав киргизских князей своими вассалами, сохраняла их самостоятельность в области внутреннего управления,

⁷⁰ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1666, д. 3, л. 3. (Здесь Сенге под «дву калмыками», вероятно, имеет в виду качинцев и аринцев).

⁷¹ Там же.

ограждая их права и привилегии. В-четвертых, киргизские князья теперь могли господствовать над другими племенами, обитавшими в Минусинском крае, опираясь на Джунгарию, от которой надеялись получить в необходимых случаях военную помощь.

Из соседей енисейских киргизов, оказавших на них давление и соперничавших между собой за господство на Киргизской земле, держава Алтын-ханов представляла собой наиболее отсталое государство, в котором наряду с феодальными отношениями были сильны пережитки родовых общественных институтов. Феодальное Джунгарское государство по своему экономическому и культурному развитию мало чем отличалось от державы Алтын-ханов. Россия же по сравнению с ними была более передовым государством с развитой экономикой и культурой. В этих условиях для енисейских киргизов присоединение к России являлось наилучшим средством приобщения к передовым формам хозяйства и культуры, сохранявшим в то же время их как самостоятельную народность. Присоединение енисейских киргизов к России давало киргизским трудящимся и некоторые непосредственные материальные выгоды, связанные с обязательством платить дань только одному сюзерену (русскому царю), а не трем. Нельзя отрицать и того, что более передовое хозяйство русских крестьян оказало бы несомненное влияние на хозяйство и быт трудящихся-кочевников, направляя его развитие по пути интенсификации и прогресса. Но киргизские правители во главе с Еренаком, исходя из своих узко классовых интересов, избрали иной путь — переход на сторону Джунгарского ханства, что, как мы увидим ниже, лишь усилило эксплуатацию трудящихся киргизов, ухудшило их положение, сыграв немаловажную роль в разорении и окончательном уничтожении киргизских улусов на Енисее.

В такой внешнеполитической обстановке киргизскому князю Еренаку, в руках которого сосредотачивалась вся власть над енисейскими киргизами, предстояло довести до конца борьбу за укрепление собственной власти и за обеспечение интересов всех киргизских князей как складывавшегося класса феодалов.

Летом 1667 г., после того как Красноярский воевода запретил русским ясачным людям платить ясак джунгарам, предтедле вместе с киргизами напали на Красноярский уезд⁷². Двигаясь к Красноярску по обоим берегам р. Енисея,

⁷² ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 802, ч. I, л. 79—88; ДАИ, т. VIII, 1862, д. 15, стр. 34.

они грабили русские поселения и ясачных людей, а подойдя к городу, осадили его. В Красноярске в это время находились 4 киргизских заложника, в их числе были братья Еренака — Итпала и Медечин⁷³. Осаждавшие пообещали осажденным снять осаду, если те освободят заложников. Но Красноярский воевода Г. Никитин отказался принять эти условия. В последовавших боях обе стороны несли потери. Во время одной из вылазок, предпринятой русскими служилыми людьми, в плен к киргизам попал и Дмитрий Тюменцов и атаман Родион Кольцов⁷⁴. В источнике сообщается, что «под Красноярским острогом на приступе и на выласке служилых людей... киргизы... побили 125 человек; да енисейских служилых людей, которые были присланы в Красноярский острог, побили 9 человек»⁷⁵. Из крестьян, посадских и «гулящих людей» было убито 43 человека и из подгородных татар — 17. Много было раненых и попавших в плен. Но, несмотря на это, киргизам и джунгарам не удалось взять город. Сняв осаду, они отступили, забрав с собой пленных и добычу.

Воевода Никитин отправил к Еренаку переводчика И. Акина для переговоров о возвращении пленных. Миссия Акина окончилась успешно. Пленные, в том числе Д. Тюменцов и Р. Кольцов, были освобождены⁷⁶. Мы не знаем, на каких условиях киргизские князья возвратили пленных русских, возможно, что в обмен на заложников-киргизов, находившихся в Красноярске.

Нападения киргизских князей на Красноярский уезд показали русским властям в Сибири, к чему может привести помощь джунгаров киргизским князьям.

Томский воевода Н. А. Вельяминов послал к Сенге боярского сына В. Былина с поручением выяснить причины прихода джунгаров в Киргизскую землю и их совместного с киргизами нападения на Красноярский уезд, так как раньше джунгарские правители обязывались не нападать на русские уезды⁷⁷. При встрече с русским послом Сенге заявил, что к киргизам и под Красноярск он послал своих людей для того, чтобы собирать ясак, так как тамошнее население является джунгарскими кыштымами, платившими ясак еще его деду. Он даже пригрозил, что если русские власти не отдадут ему теленгутов, то он, Сенге, пойдет войною под Томский и Куз-

⁷³ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1666, д. 3, л. 6.

⁷⁴ ДАИ, т. VIII, 1862, д. 15, стр. 34.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 802, ч. I, л. 84—85.

⁷⁶ ДАИ, т. VIII, 1862, д. 15, стр. 34.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 623, ч. I, л. 179—194.

нецкий остроги. Как видим, Сенге был настроен весьма агрессивно и полон решимости получить ясак с населения Минусинского края.

С политикой джунгарских правителей в указанном районе были связаны и действия князя Еренака. Он, заручившись поддержкой Сенге, продолжал совершать набеги на русские ясачные волости. Иногда Еренак посылал своих людей в ясачные волости со стрелами, что означало предупреждение о предстоящем нападении в случае их отказа платить ясак. Он открыто говорил ясачным людям, что это не его приказ, а приказ Сенге, решительно требовавшего, чтобы они платили ясак ему, а не царской казне. В результате действий Еренака многие ясачные волости стали отказываться от платы ясака русским властям, опасаясь быть разоренными Еренаком и джунгарами ⁷⁸.

В 1671 г. в Джунгарском ханстве был совершен дворцовый переворот, Сенге был убит ⁷⁹, и к власти пришел Галдан, впоследствии получивший титул Бошохту-хана. Получив известие о перевороте в Урге, Еренак и тубинский князь Талай поехали к Галдану для принесения ему присяги на верность.

Надо сказать, что в первое время приход к власти Галдана по существу не изменил отношений джунгаров к России в Минусинском крае, хотя Галдан, в отличие от Сенге, придерживался мирного курса политики по отношению к России. Правитель Джунгарии по-прежнему поддерживал набеги киргизских князей на русские ясачные волости. Доказательством этому служит то, что Еренак при первой же поездке к Галдану получил от него 500 воинов ⁸⁰, которые должны были помогать киргизам. Кроме того, Галдан распорядился послать на помощь Еренаку джунгарские войска, стоявшие «на мунгальской Лоджанове земле» со времени разгрома Лоджана ⁸¹. По этому распоряжению в 1672 г. джунгарский тайши Донжин Кожеочи прибыл с войсками в Киргизскую землю и послал в Красноярск послов с требованием отдать Галдану ясак с подгородных татар. Красноярский воевода отказался сделать это, ссылаясь на то, что качинцы и аринцы (иногда документы именуют их красноярскими подгородными татарами) всегда платили ясак России ⁸².

⁷⁸ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 623, ч. II, л. 345—347; ДАИ, т. V, 1855, л. 92, стр. 418—421.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ стб. 623, ч. II, л. 357—362.

⁸⁰ Там же, л. 348—350.

⁸¹ Там же, л. 381—383.

⁸² Там же, л. 400—402, 451—453.

Вскоре после этого, как и следовало ожидать, джунгары и киргизы стали совместно нападать на русские уезды. Еренак с Данжином в сентябре 1673 г. напал на Кузнецкий уезд; захватил много пленных и добычи. Однако русский отряд во главе с атаманом И. Бедаром, посланный из Кузнецка, догнав их и завязав бой с ними, отбил пленных и скот⁸³.

Вскоре отряд из 300 человек, во главе с киргизским князем Шанды, направился к Енисейску, вероятно, по заданию Еренака и Данжина; учинив погром в ряде поселений Енисейского уезда, отряд вернулся назад. На обратном пути отряд подошел к Ачинскому острогу и держал его в осаде 3 дня⁸⁴, требуя от осажденных выдать пушки и пушечные ядра, обещая в этом случае оставить их в покое. Получив отказ, отряд ночью 11 октября предпринял штурм острога, но, не сумев взять острог приступом, поджег его. Осажденные выбежали в поле с другого конца острога и, как показывали участники, успели вынести только «Божие Милосердие, Спасов образ и Государеву казну».

После похода Шанды случаи неповиновения ясачных волостей русским властям еще более участились. Ясачные люди избивали русских сборщиков, изгоняли их из своих поселений и откочевывали к киргизам. Такое поведение ясачных людей, действовавших под влиянием киргизских князей, серьезно встревожило Московское правительство. В грамоте царя от 12 апреля 1674 г. было приказано томскому воеводе Д. Борятинскому совместно с томскими, кузнецкими, енисейскими и красноярскими служилыми людьми «смирить» киргизов и поставить острог на Тубинской земле. Но Д. Борятинский ответил правительству, что с наличными людьми в этих городах невозможно идти на киргизов, так как последние получают помощь от джунгаров⁸⁵.

Для защиты городов от возможных нападений объединенных сил киргизов и джунгаров русские воеводы всячески укрепляли остроги: выкапывали новые рвы, насыпали валы и т. п. Красноярский воевода А. Сумароков задумал смелый план — поставить на территории киргизов караульные посты, которые могли бы своевременно передавать сведения о перемещениях киргизов. Для постройки такого поста был выбран остров на р. Енисей, ниже устья р. Абакан. Судя по рассказам служилых людей, этот остров представлял собой выгодный пункт для караула. «Завут де тот остров та-

⁸³ ДАИ, т. VI, 1857, стр. 314—315.

⁸⁴ Там же, стр. 318—319.

⁸⁵ Там же, стр. 319—320.

тарским языком Карагас, а по русски Сосновый острог»⁸⁶. В сентябре 1675 г. «пришли из Красноярского острога по Енисею реке.... служилые люди в дву дощениках» и начали для постройки поста «ронять лес» и копать ров. Это не ускользнуло от внимания киргизов, и Еренак дважды нападал на указанный пост, однако не смог его взять. Но все же, опасаясь новых нападений киргизов, русские власти вынуждены были оставить острог, построив вместо него новый пост в другом месте, на берегу Енисея, на расстоянии четырех дней езды от Красноярска и до устья р. Абакан⁸⁷. Впоследствии этот пост приобрел большое значение в борьбе с киргизами.

После нападения Еренака на Караульный пост в военных действиях наступила некоторая передышка, в течение которой возобновились переговоры между сторонами.

9 августа 1677 г. томский воевода П. Львов послал толмача К. Капустина⁸⁸ в сопровождении десяти человек к Еренаку с тем, чтобы убедить его не собирать ясак с русских ясачных волостей и не «побивать» русских сборщиков ясака. К. Капустин, не застав Еренака, так как тот уехал к Галдану, вернулся в Томск. Но зато 20 октября того же года киргизы сами прислали в Томск послов с предложением жить в мире, а для закрепления договоренности обменяться заложниками. Киргизские послы предложили, чтобы к ним прислали по одному заложнику от каждого города (Томска, Красноярска, Кузнецка) и они, в свою очередь, дадут каждому городу также по одному заложнику. П. Львов согласился с этими предложениями и послал к киргизам того же Капустина с конным казаком И. Рыбниковым в качестве заложника от Томска и получил заложников от киргизов.

17 декабря 1677 г. Еренак направил своего брата Айкана в Красноярск с поручением передать воеводе просьбу о том, чтобы он простил его и послал к нему для переговоров «доброего человека»⁸⁹. В ответ красноярский воевода Д. Г. Загряжский направил к Еренаку атамана Р. Кольцова, а к тубинцам — пятидесятника П. Муруева. Еренак задержал Р. Кольцова у себя и заявил ему, что будет вести переговоры и присягать только тогда, когда будут освобождены тубинские князья, посаженные в тюрьму в Красноярске. Р. Кольцов об этом сообщил Д. Г. Загряжскому, и тот 20

⁸⁶ ДАИ, т. VII, 1859, стр. 332—338.

⁸⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 217—218.

⁸⁸ Там же, стб. 702, л. 21—22.

⁸⁹ Там же, л. 2—36.

декабря освободил этих тубинских князей. После освобождения тубинских князей начались переговоры между Р. Кольцовым и Еренакком. Еренак согласился на все требования воеводы, переданные Кольцовым, а именно: не нападать на русские уезды, не собирать ясак с русских ясачных волостей, вернуть угнанный скот и перебежавших людей, не чинить препятствий постройке острогов на реках Кое или Ое (правые притоки Енисея), а также и самим платить ясак русским властям. Со своей стороны русские обещали Еренакку не нападать на киргизов, не допускать насилия по отношению к ним и их кыштымам, возвращать киргизам перебежавших от них людей.

Из документов видно, что данные переговоры носили равноправный характер. С. В. Бахрушин по поводу этих переговоров писал: «По существу Еренак предлагал союз Московскому государю, соглашаясь в лучшем случае стать на положение его вассала»⁹⁰. Еренак в письме на имя Красноярского воеводы указывал, что тот, кому «в правдах не устоять», тому «грех будет»⁹¹. Очевидно, Еренак хотел ослабления существовавшей напряженности в отношениях с русскими властями без ущерба для себя и добивался с их стороны уважения его независимости. Об этом говорит главный итог переговоров — своего рода соглашение о взаимном ненападении. Результаты переговоров правильно были оценены С. В. Бахрушиным, который писал: «Надо признать договор 1678 г. крупной дипломатической победой киргизского князька. Ему удалось, благодаря военной поддержке джунгар, добиться осуществления условий, на которых настаивали его отец и дядя еще в 1627 г., признания союзнических отношений вместо ясачных»⁹². Действительно, в результате переговоров киргизские князья добились именно того, к чему они издавна стремились — признания Россией их самостоятельности. Что же касается зависимости от джунгаров, то киргизские князья, видимо, мало от нее страдали, сохраняя свою фактическую самостоятельность.

Однако джунгарские ханы, помогавшие киргизам военной силой, продолжали собирать ясак с населения Минусинской котловины через киргизских князей, в результате чего в этом районе возникла и развернулась борьба между Россией и Джунгарией, нашедшая свое отражение в событиях, последо-

⁹⁰ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 213.

⁹¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 702, л. 7—8.

⁹² С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 213.

вавших за заключением указанного выше договора между русскими и енисейскими киргизами.

Летом 1678 г. этот договор был нарушен по вине джунгарских тайшей. 26 июня 1678 г. красноярский воевода Д. Г. Загряжский сообщил в Сибирский приказ о готовящемся совместном нападении джунгаров и киргизов на Красноярск, Енисейск и другие остроги⁹³.

Кузнецкому воеводе еще раньше стало известно о намерении джунгаров совершить нападение на русские уезды⁹⁴. 25 февраля 1678 г. к нему явился из Тугульской волости Чемот Сазыгулин и сообщил ему, что к ним, в Тугульскую волость, 20 февраля приехал «от Галдана Контайши Кегеня алманной его сборщик Юрюктукой собирать... на Кегеня алман». Чемот от Юрюктукая слышал, что «послал де из Черных колмаков Кеген Галдан Контайша в Киргизскую землю посланника своего Келей Дурара Изана, а приказал де ему Келей Дурару от себя из Киргизские землицы посылать в Томской и в Красноярской и в Кузнецкой посланцов киргизских людей», чтобы русские власти не препятствовали сбору ясака с русских ясачных волостей. Дурару было приказано в случае отказа платить ясак пойти на эти волости войною. Для этого в помощь Дурару Галдан выслал 2000 человек во главе с Чещеня Тайчина. В составе этого отряда было 100 пищальных стрелков, 60 панцырников и 20 куяшников. Галдан приказал «тысяче быть в киргизах, в Алтырском улусе, а тысячю... в иные киргизы, в Алтысарской улус, к князю Ереначку».

Как видно из этого сообщения, для осуществления своих целей джунгарские тайши прислали «в киргизы» довольно значительные по тому времени военные силы. В этих условиях киргизские князья могли только выполнять волю джунгарского хана. Прибытие такого количества войск на Киргизскую землю по сути дела было ее оккупацией. Малейшее неповиновение Галдану могло привести к полному уничтожению киргизских улусов.

Летом следующего, 1679 г., объединенные силы джунгаров и киргизов произвели набеги на Красноярск, Енисейск и другие города и уезды.

15 июля 1679 г. Еренак во главе значительных сил появился около Красноярска⁹⁵. Он учинил погром среди ясач-

⁹³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 709, ч. I, л. 25.

⁹⁴ ДАИ, т. VIII, 1862, стр. 42—43.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 702, л. 118; стб. 709, ч. II, л. 346—347.

ных подгородных татар-качинцев, аринцев, ястинцев и др., а также в русских поселениях. Были сожжены некоторые деревни, захвачено много пленных и скота. Еренак предпринял осаду Красноярска, но не смог взять его и ушел к себе. Осенью того же года он предпринял еще один поход, нанеся русским городам и уездам еще большие разорения, чем в первый раз. 31 августа красноярский воевода получил сведения о том, что Еренак, разбив свои войска на два отряда, двинулся к русским городам. Один отряд во главе с князем Шанды направился к Томску, а другой, возглавляемый самим Еренакком, — к Красноярску⁹⁶. Еренак наступал на Красноярск по обоим берегам р. Енисея, а часть его отряда плыла по реке на лодках⁹⁷. Отряд русских служилых людей во главе с Р. Кольцовым, заранее посланный красноярским воеводой по реке навстречу киргизскому отряду, разбил киргизов выше Караульного острога. Но сухопутный отряд киргизов предпринял осаду Красноярского острога и пошел на штурм крепости. Когда осажденные сделали вылазку, чтобы рассеять нападавших, в поле у острога произошла настоящая битва. Несмотря на то, что русские служилые люди стреляли из пушек и другого огнестрельного оружия, киргизы упорно наседали на них и часто завязывали рукопашные схватки. Во время одной из таких схваток сам Еренак был сбит с коня пешим казаком П. Шошиным, но подоспевшие воины спасли своего предводителя. Он вынужден был отступить, не выдержав «огненного» боя. С обеих сторон были большие потери людей.

Другой отряд во главе с Шанды (сын Сенчи, внук Кашка), направлявшийся в Томский уезд, 3 сентября появился под Сосновским острогом и начал грабить русские поселения⁹⁸. Но отряд служилых людей из 417 человек во главе с Р. Старковым столкнулся с отрядом Шанды на расстоянии «в трех днищах» пути от Томска и завязал с ним бой. В этом бою киргизы были разбиты. Рассеявшийся киргизский отряд собрался вновь и на обратном пути приступом взял Ачинский острог, который был вновь восстановлен после того, как его сожгли киргизы в 1673 г. На этот раз Ачинский острог был сожжен вторично. Об этом событии сообщил в Томск 22 сентября пеший казак Г. Цинбалов, спасшийся бегством⁹⁹.

⁹⁶ ДАИ, т. VIII, 1862, стр. 48.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1317, ч. II, л. 368.

⁹⁸ ДАИ, т. VIII, 1862, стр. 44.

⁹⁹ Там же, стр. 45.

Таким образом, нападения киргизских князей на русские уезды в целом закончились для них неудачно и принесли большой ущерб как русским поселениям в Южной Сибири, так и самим киргизам. Московское правительство, обеспокоенное набегами киргизских князей, решило направить против киргизских улусов карательный отряд, в котором бы объединились силы городов Томского разряда. Получив соответствующее указание от правительства, томские воеводы П. Л. Львов и Ф. Левонтиев назначили поход на январь 1680 г. и поставили в известность об этом других воевод¹⁰⁰.

Было решено возложить командование объединенными силами на боярских детей Р. Старкова и И. Греченина. Р. Старков и И. Греченин 11 января 1680 г. выступили из Томска с отрядом в количестве 1018 человек, собранных из двух городов — Томска и Кузнецка. Они должны были соединиться у устья р. Тереклы-Юл, там, где эта речка впадает в р. Серж, с объединенным отрядом из Енисейска и Красноярска, который насчитывал в своих рядах 580 человек¹⁰¹. Но когда 2 февраля И. Греченин прибыл в назначенное место, оставив позади Р. Старкова с обозом и пушками, красноярцев и енисейцев на условленном месте не оказалось. Местные жители сообщили И. Греченину, что Еренак кочует между двух Июсов. Тогда Греченин решил, не дожидаясь обоза, напасть на Еренака. Но Еренак, узнав о движении отряда из Красноярска, покинул занимаемый им район. И. Греченин вернулся к обозу. Утром 4 февраля у русского лагеря появилось около 200 киргизов, но они быстро ушли. Р. Старков и И. Греченин, решив, что киргизы что-то против них замышляют, двинулись в направлении рек Белый и Черный Июсы в надежде соединиться с красноярским отрядом, от которого было получено сообщение, что он находится на Киргизской земле. Но 5 февраля киргизы внезапно атаковали их и так же быстро разбежались «по горам и ущельям». То же самое повторилось и 7 февраля. Русские ратники преследовали их. Наконец, рано утром 8 февраля Еренак со своим полком дал бой русскому отряду.

Очевидно, Еренак понимал, что своими силами ему не одолеть русских, вооруженных огнестрельным оружием. Вероятно, поэтому после первой же схватки он прислал в русский лагерь своих парламентаров и стал добиваться прекращения военных действий. Два отряда стали друг против дру-

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 1—31; Сб. князя Хилкова. СПб., 1879, стр. 308—320.

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 18—35.

га. И. Греченин с несколькими товарищами и брат Еренака Мунзе с семью товарищами встретились посередине. Мунзе передал от имени Еренака предложение прекратить бой и принять от киргизов присягу на верность государю, а на упрек И. Греченина насчет нападений киргизов на русские уезды отвечал: «...ведаем де мы и сами, что виноваты перед великим государем и ныне... воевятся не хотим». Надо еще сказать, что Мунзе на этих переговорах не утаил даже данные своей разведки: он сообщил, что красноярцы «стоят на Белом Июсе». Однако И. Греченин не дал определенного ответа на предложение киргизов. На этом переговоры закончились. В обоих лагерях начались совещания. Спустя некоторое время киргизы снова начали «кликать», чтобы русские приняли клятву от киргизских князей. Но те и на этот раз не ответили. Они решили прежде всего соединиться с красноярским отрядом, и русский отряд, снявшись с места, пошел навстречу красноярцам. 9 февраля Еренак снова прислал в стан русского полка в качестве посредника джунгара Барчека с несколькими товарищами с той же просьбой прекратить военные действия и принять клятву от киргизских князей. Однако русские начальники вновь ответили, что подумают и ответ дадут утром следующего дня.

Ночью произошел инцидент, который чуть совсем не сорвал возможность примирения. Один из красноярцев убил безоружного киргиза, оставшегося в русском стане по соглашению сторон, из тех людей, которые прибыли вместе с Барчекаем. Утром Еренак, возмущенный этим происшествием, снялся с лагеря. Русский отряд выступил против Еренака. Но сражение не состоялось. Еренак снова запросил мира. На этот раз лично встретились Еренак и И. Греченин в сопровождении своих людей.

Интересно отметить, что Еренак, согласно традиции, начал переговоры с того, что справился о здоровье царя, но тут же выругался по адресу томского воеводы П. Л. Львова. Оскорбленный И. Греченин прервал переговоры и ушел к своему отряду. Но киргизы настолько были заинтересованы в заключении мира, что снова направили упомянутого выше Барчека, который передал русским военачальникам извинения Еренака и его готовность присягнуть царю, после чего переговоры возобновились.

Киргизские князья присягали на верность русскому государю и обязались не нападать на русские города. Еренак обещал русским даже «битца» с противниками государя и предупреждать о возможных опасностях, но тут же сделал оговорку, что про Галдана никаких вестей давать не будет. Он согласился

также прислать «добрых аманатов» в Томск, обменяться пленными, не собирать ясак с кыштымов раньше, чем ясак будет собран для царской казны, и брать лишь то, что кыштымы сами дадут. Относительно пленных из числа красноярских подгородных татар Еренак заявил, что их приказал взять к киргизам Галдан и поэтому он, Еренак, не может сам ничего решить.

Так закончились переговоры. Но в дальнейшем Еренак всячески уклонялся от выполнения условий договора. На этой почве произошел еще ряд мелких стычек между русскими и киргизскими ратными людьми¹⁰². Таким образом, мы видим, что цель похода Старкова и Греченина — покарать киргизов и окончательно подчинить их России — не была достигнута.

Князь Еренак, понимавший, что ему не одолеть русских в открытой битве, прибег к дипломатическим переговорам как к средству спастись от разгрома и добиться своей цели. Надо отметить, что даже оказываясь перед лицом превосходящих сил русских, Еренак пользовался любой возможностью подчеркнуть равноправие сторон, вступивших в переговоры, и независимость киргизов от России.

Московское правительство, недовольное результатом похода Р. Старкова и И. Греченина, дало новое распоряжение тобольскому и томскому воеводам снарядить еще одну военную экспедицию против киргизов. Для этой цели тобольскому воеводе было приказано откомандировать в Томск из Тобольска и Тары 630 человек во главе с тобольским письменным головою И. Суворовым, назначенным командовать русским отрядом¹⁰³. По прибытии в Томск И. Суворов должен был усилить отряд томскими и кузнецкими служилыми людьми и выступить против киргизских князей. Он должен был также соединиться с отрядом из Красноярска и Енисейска на территории киргизов. И. Суворов выступил в поход весной, 9 мая 1682 г., с отрядом в 1430 человек. Результаты этого похода, как писал С. В. Бахрушин, «были еще плачевнее, чем в предыдущем году»¹⁰⁴. Еренак наголову разбил отряд И. Суворова. Киргизы захватили знамя, пушки, оружие и много трофеев. С остатками отряда И. Суворов, который и сам был ранен, вернулся в Томск.

Следует отметить, что в этом походе не участвовали красноярские и енисейские ратные люди из-за несогласованных действий русских воевод. Вообще необходимо заметить, что воеводы сибирских городов во многих случаях в своих дейст-

¹⁰² ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 1—31.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 68, 102, 128, 154—161; Памятники сибирской истории XVIII в., кн. I. СПб., 1882, стр. 12—13.

¹⁰⁴ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 219.

виях не придерживались указаний Московского правительства и, тем более, указаний воевод разрядных городов, что вело к разнобою и, как уже отмечалось, только обостряло русско-киргизские отношения.

После неудачного похода И. Суворова русские власти были вынуждены проявить инициативу в ведении переговоров с киргизами. Начались оживленные посольские связи между киргизами и русскими, в ходе которых выявился истинный характер отношений между обеими сторонами.

До возвращения И. Суворова томский воевода И. Кольцов-Мосальский отправил к киргизам томского служилого татарина Кучека Сайтуганова и бухарского муллу¹⁰⁵. Они должны были от имени воеводы передать Еренаку, чтобы тот помнил свою присягу, которую давал Р. Старкову, не нападал на русских ясачных людей и не собирал с них ясак. Еренак, приняв их, послал вместе с ними своего посланца с письмом, в котором указывал, что он, Еренак, помнит данную им присягу и не нарушал ее, а нарушили договор, заключенный с Р. Старковым, сами русские власти, посылая отряды завоевывать Киргизскую землю. Еренак подчеркивал, что киргизы бились с русским отрядом из-за того, что русские воеводы хотели поставить острог на Киргизской земле, и предупреждал их, чтобы последние «в их землю за Июс войною не ходили, а им де под государевы город и остроги, также за Июс не ходить»¹⁰⁶. По вопросу о постройке острога на Киргизской земле Еренак твердо заявил, что «острогу де в своей земле ставить не дадут и за то де будет война».

Еренак в этом письме, как видим, еще раз подчеркивал свою политику, направленную на сохранение политической независимости от России. Он четко отделял Киргизскую землю от владений России, всякий раз подтверждая свое мнение, высказанное еще раньше русскому послу И. Греченину, который ездил к киргизам после окончания похода, возглавлявшегося самими И. Гречениным и Р. Старковым в 1680 г. По этому поводу С. В. Бахрушин писал: «Принцип суверенной равноправности киргизского князца и московского государя, против чего так протестовали в Москве, был, таким образом, вновь подтвержден»¹⁰⁷.

В ответ на данное письмо томский воевода отправил к Еренаку своих представителей И. Петрова и А. Поспелова¹⁰⁸. Это

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 129—132.

¹⁰⁶ Там же, л. 130.

¹⁰⁷ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 219.

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 118—124.

посольство явилось последним официальным посольством к киргизам. Поэтому следует остановиться на нем несколько подробнее.

14 апреля 1683 г. И. Петров и А. Песпелов прибыли в Киргизскую землю на р. Абакан. Услышав об их приезде, джунгарский представитель Батыр Эйзан, находившийся у киргизов в качестве наместника джунгарского хана, велел послам приехать к нему в ставку. Послы подчинились и прибыли к Эйзану. Когда они сообщили Эйзану о цели своего приезда и «вычитали» ему наказ, данный томским воеводой, Эйзан послал людей к Еренaku, чтобы тот приехал к нему, и только 19 апреля, по прибытии Еренака, начались переговоры.

Цель посольства, как видно из документов, заключалась в следующем:

1) добиться от Еренака верности русскому царю согласно своей присяге и обязательства «под городу государевы и под остроги войною не ходить и государевых людей нигде не побивать», а также посылать заложников;

2) чтобы он не собирал ясак с русских ясачных людей, не грабил их и не совершал набегов;

3) чтобы Еренак обязался собирать для царской казны ясак с «горных порубежных волостей» и отправлял его целиком в Томск;

4) чтобы он согласился на постройку острога на Киргизской земле;

5) чтобы Еренак вернул русским властям угнанных лошадей, ушедших к ним ясачных людей, а также захваченные орудия и знамя, которые были взяты в бою с отрядом И. Суворова.

Выслушав наказ томского воеводы, Еренак согласился с 1, 2 и 3-м пунктами, но категорически отказался дать согласие на постройку острога на Киргизской земле, ссылаясь на Галдана, который якобы должен был решать этот вопрос. Еренак также отказался вернуть захваченных лошадей и оружие. Он мотивировал свой отказ тем, что требуемое с него имущество является военными трофеями, говоря, что «...ружье и пансыри и отгонные кони того де не отдам, потому что де взято войною за боем».

В заключение переговоров Еренак еще раз дал клятву на верность царю и подкрепил это тем, что выпил вино, «положа туда золото».

Итоги этих переговоров представляли собой значительный дипломатический успех Еренака. Он не только сохранил равное положение с Россией, но и получил уступку со стороны русских властей в виде предложения собирать ясак с горных

волостей для русской казны. Русские воеводы взамен хотели добиться согласия на постройку острога на Киргизской земле. Но этой цели они не добились.

Таким образом, итоги переговоров красноречиво говорят о том, что во второй половине XVII в. енисейские киргизы во главе с Еренакон, благодаря помощи со стороны джунгаров, представляли значительную силу, с которой вынуждены были считаться русские власти в Сибири.

Вместе с И. Петровым и А. Поспеловым 14 мая в Томск приехал посол от киргизских правителей — сын князя Кашка Кубага, который должен был следовать в Москву с письмом к царю¹⁰⁹. Письмо было написано на монгольском языке от имени Еренакон, который представлял киргизских правителей. Оно, несомненно, интересно по своему содержанию, и ниже прилагается его текст и проверенный нами перевод на русский язык, сделанный в свое время томским подьячим А. Поспеловым (подлинник хранится в ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 135. Перевод нами сверен с оригиналом и дан в современной редакции).

Еренак писал: «Великий Белый царь Великия и Малыя, Белья Руси, ведает Москву. Великое царство многолетно здрав будь. Белому царю Еренак поклонима, шерть пил; Еренак своего сына да Маймакова сына в аманаты дал. Да будет мир от рода в род. Великого Белого царя людем ныне делать худа киргизы не будут. К Великому Белому царю Емандин родной брат Кубага Кашка и другой человек Буйдай посланы де. Еренак послал их в Тобольский город и просил де пропустить их к Белому царю, едут де бить челом; ясаку 9 бобров, 51 недособолей, 1 красная лисица, 1 россамака. Ясак тот киргизской; добрые ясачные в войне были, потому доброво ясаку нет. Прошу нынешней осени сына боярского прислать, ясак весь доброй взять; опять добрых аманатов пошлем. Великий Белой царь! Таганая нам пожалуй. Еще у послов у самих на языке есть (что сказать)».

Это письмо Еренакон, как видим, было по своему тону гораздо более сдержанным, чем отправленное им же к томскому воеводе в 1682 г. Здесь, «поклоняясь» государю, Еренак обещает, что больше с его стороны русским служилым людем в Сибири «худа не будет». Однако он не обещает стать подданным царю или, как тогда выражались, холопом государя. Говоря «от рода в род мир буде», он подчеркивает свое равноправное положение и независимость киргизов от России, он только желает, чтобы между енисейскими киргизами и

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 123, 133—136.

Россией установился мир и согласие как между самостоятельными суверенными государствами. Сообщая об отправке аманатов и уплате ясака, Еренак ясно дает понять, что не видит в этом выражения своего подданства по отношению к России, а только подтверждение верности данному им слову не нападать впредь на русские уезды.

Осенью 1683 г. посол Кубага в сопровождении И. Петрова прибыл в Москву и 26 ноября был принят в Сибирском приказе князем Иваном Борисовичем Репниным¹¹⁰. В ходе беседы И. Б. Репнин предъявил киргизскому послу претензии в том, что киргизы продолжают совершать набеги на русские уезды и угоняют скот, что Еренак не вернул русским властям пушек и знамен, захваченных киргизами. Посол возражал, говоря, что киргизы в набегах не виноваты, ибо русские воеводы первыми нарушили договор и послали на киргизов ратных людей (имеется в виду поход И. Суворова 1682 г.), а лошади, знамя, пушки и другое оружие взяты в боях, и потому Еренак их обратно не отдает. В заключение посол заверил князя, что киргизы хотят жить в мире с русскими, ибо им Бошохту-хан «ходить и битца с государевыми людьми не велел». Этим посол еще раз подчеркнул зависимость енисейских киргизов от джунгарского хана и тем самым их самостоятельность по отношению к России.

28 ноября киргизские послы были приняты русским царем. Они вручили ему подарки Еренака и еще раз повторили его обещание служить государю¹¹¹. Закончив свою миссию, Кубага выехал из Москвы 5 января 1684 г. в сопровождении тех же И. Петрова и А. Поспелова¹¹².

Московское правительство, ведя переговоры с енисейскими киргизами и принимая их послов, не могло мириться с тем, что власть киргизских правителей вновь распространяется на жителей Минусинского края и что они отказываются принять подданство России и платить ясак. Однако правительство России и местные сибирские воеводы соблюдали осторожность и воздерживались от поспешных карательных экспедиций. Поэтому воеводам было приказано произвести тщательную разведку и выяснить обстановку у киргизов. В своих ответах воеводы излагали подробные планы, когда и каким образом, по их мнению, можно совершить поход против киргизов, где выгоднее построить острог на Киргизской земле. Они были единодушны в выборе места постройки нового острога — в районе

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 715, л. 140.

¹¹¹ Там же, л. 148.

¹¹² Там же, л. 152, 169.

впадения р. Абакан в Енисей¹¹³. Полученные сведения об участии киргизов в военных действиях Джунгарского хана Галдана в Халхе также заставляли ускорить выступление русских войск против киргизов. Но предполагавшийся поход русских ратных людей не состоялся в силу ряда причин.

Галдан, как известно из архивных материалов, действительно втянул енисейских киргизов в борьбу с монгольскими ханами. Киргизские князья, будучи подданными Джунгарии, не посмели отказаться от участия в этой борьбе. Сам Еренак с отрядом воевал на стороне джунгарского хана. Участие киргизов в этой борьбе было для них весьма тягостным, так как вело к сокращению поголовья скота (их основного богатства) и к уменьшению численности населения. Русские служилые люди, ездившие в это время к киргизам, сообщали, что последние, участвуя в войне, погибают и «ныне де в киргизах великое малолюдство». Архивные материалы, относящиеся ко второй половине 80-х и 90-х годов XVII в., подтверждают правильность этих сообщений и указывают на то, что от войны киргизы сильно пострадали¹¹⁴.

В одном из боев в Монголии погиб и сам Еренак. О его смерти подробно сообщил 1 марта 1688 г. кузнецкому воеводе киргизский заложник Мойнак Елеев. Он рассказал воеводе, что «князь Еренак со всеми своими улусными людьми... пошли на помочь к Бошту-хану... и сентября де (1687 г. — А. А.) в последних числах на Октябре реке в верховьях Чюлушмана был бой, близко кочевья Тоукара-тайши, и на том бою киргизский князь Еренак с сыном убит, а с ним побито человек с 300»¹¹⁵.

Интерес русских властей к судьбе Еренака был настолько велик, что они приняли срочные меры для проверки и уточнения сообщения Мойнака. Сведения о смерти Еренака и обстоятельства его гибели подтвердились полностью¹¹⁶.

Так погиб князь Еренак, с именем которого была связана длительная борьба киргизских князей за свою политическую независимость от Русского государства.

Дальнейшие отношения енисейских киргизов с Россией определялись ситуацией, сложившейся между Россией и Джунгарией из-за киргизов, положение которых — внутреннее и внешнее — в конечном счете зависело от джунгарских правителей.

¹¹³ Там же, л. 216, 227, 269.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1071, ч. I, л. 1—202.

¹¹⁵ Там же, л. 70.

¹¹⁶ Там же, л. 5, 21—22, 126.

Резюмируя сказанное о взаимоотношениях енисейских киргизов с Россией, необходимо отметить, что главная цель киргизских князей заключалась в том, чтобы во что бы то ни стало сохранить за собой право вести независимую от России политику в своих улусах, монопольно эксплуатировать подвластное трудящееся население. Россия же, продвигаясь в глубь Южной Сибири, старалась подчинить себе все население, обитавшее в верховьях р. Енисея, с тем, чтобы собирать с него ясак в виде ценной пушнины.

В Минусинской котловине еще до появления русских служилых людей господствовали князья енисейских киргизов, собиравшие в свою пользу дань с местного населения. Как было показано в первой главе, местное население, являясь кыштымами киргизских князей, отдавало им в виде ясака часть продуктов своего труда. В дальнейшем, став вассалами Алтын-ханов, киргизские князья оказались вынужденными делиться с ними частью собираемой здесь дани. Однако они мирились с Алтын-ханами, так как последние не вмешивались в их внутренние дела, ограничиваясь сбором ясака. Кроме того, держава Алтын-ханов в то время представляла силу, во много раз превышавшую силы киргизских правителей.

Появление русских служилых людей давало киргизским князьям возможность противостоять Алтын-ханам, опираясь на их помощь и поддержку. Но последние не оказали киргизам ни того, ни другого. Наоборот, хищнические действия русских воевод, насилия, чинимые служилыми людьми, шедшие часто вразрез с указаниями Московского правительства, отталкивали киргизов от России и заставляли их колебаться между нею и Алтын-ханами, место которых во второй половине XVII в. заняло Джунгарское ханство.

Московское правительство не ставило перед собой задачи подчинить народы Южной Сибири только «лаской». В царских грамотах не раз предписывалось принимать местное население в царское подданство и заставлять его платить ясак в случае сопротивления даже силой. Военные походы против киргизов служат подтверждением сказанного. Когда киргизские князья стали добиваться у России уравнивания их в правах с пригородными татарами, русские власти отказали им в этом, не желая терять такой источник дохода, как ясак. Московское правительство было заинтересовано в полном подчинении киргизов и других обитателей Минусинского края.

В такой сложной и трудной обстановке киргизским князьям пришлось лавировать между Алтын-ханами и Россией, переходя от одного к другому, в то же время уплачивая ясак обоим.

Появление феодального государства — Джунгарского ханства — изменило их положение. Киргизские правители перешли на сторону джунгаров, казавшихся им наиболее выгодными покровителями. Получая помощь со стороны джунгарских правителей, киргизские князья временно превращаются в силу, с которой не могли не считаться русские власти.

Енисейские киргизы и Джунгарское ханство

История енисейских киргизов с начала второй половины XVII в. тесно связана с историей Джунгарского ханства, сложившегося в 30-х годах XVII в.¹ Географическое положение киргизской земли, вклинившейся между владениями монгольских феодалов Джунгарии и Русским государством, играло в значительной мере определяющую роль в истории енисейских киргизов до начала XVIII в. Вопрос о господстве над енисейскими киргизами и сборе ясака с них являлся одним из главных спорных вопросов в отношениях между сильными соседями киргизов. Этот спор особенно обострился во второй половине XVII в., когда сошли со сцены Алтын-ханы, которые длительное время считали киргизов своими данниками и не хотели их уступить ни России, ни Джунгарии. После разгрома джунгарами государства Алтын-ханов енисейские киргизы по-прежнему оставались двоеданцами: они принуждены были вносить ясак и Джунгарии и России. Первый правитель Джунгарии Батур-хунтайджи был инициатором этой системы; он выдвинул идею, чтобы киргизы платили дань и той и другой стороне. Россия, чтобы не обострять своих отношений с Джунгарией, согласилась с этим предложением. Как уже говорилось, сбор ясака с енисейских киргизов в XVII в. был очень сложной проблемой и регулировался волей того из трех соседей, кто оказывался в данное время сильнейшим.

В русских архивных материалах, относящихся к периоду до 30-х годов XVII в., встречаются сообщения о том, что иногда енисейские киргизы платили дань одновременно и России, и Алтын-ханам, и джунгарским тайшам. Правда, имеющиеся источники не отмечают, когда именно начали киргизы платить дань джунгарским правителям и как развивались их

¹ В задачу данной работы не входит рассмотрение истории Джунгарского ханства. Мы касаемся этой истории лишь в той мере, в какой это необходимо для правильного понимания взаимоотношений этого ханства с енисейскими киргизами. Более подробно история Джунгарского ханства описана в работе И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства. (1635—1758 гг.)», М., 1964.

взаимоотношения. В источниках встречаются время от времени указания на то, что киргизские князья сами заявляли: «... даем де ясак один государю, другой ясак Алтын-царю, третий ясак черным калмакам Каракуле-тайше»². Подробности же того, как собирался ясак джунгарами с киргизов, остаются невыясненными. Можно предположить, что сборщики ясака джунгарских тайши в определенные сроки приезжали к киргизам и собирали с них ясак. Размеры этого ясака, видимо, не были точно фиксированы. Джунгарские сборщики брали у киргизов изделия их производства, скот, пушнину и т. д.

До образования Джунгарского ханства енисейские киргизы, по-видимому, не так уж сильно были зависимы от них. Джунгары в это время сами терпели поражения от Алтын-ханов, не раз попадали к ним в зависимость и платили им дань. Так, русские служилые люди Т. Петров и И. Куницын, ездившие к Далай-тайши в 1616 г., сообщали, что Алтын-хан «сильнее, чем калмыки. Емлют с калмаков Алтын-царь ясак по 200 верблюдов да по 100 лошадей и овец на год со всякого тайши»³. Стесненное положение джунгаров заставляло их в то время не выступать с категорическими претензиями на жителей Минусинского края и ограничиваться периодически наездами туда для сбора ясака.

С образованием Джунгарского ханства джунгарские феодалы стали открыто претендовать на господство над енисейскими киргизами, тем более, что сами киргизы склонялись к переходу на сторону джунгаров. Как видно из статейного списка С. Греченина, ездившего к Алтын-хану в 1636 г., в случае нападения Алтын-хана на киргизов последние намеревались перейти к джунгарам⁴. А через два года, т. е. в 1638 г., В. Старков, тоже ездивший к Алтын-хану, встретил у киргизов «черных калмаков человек со 100 с тайши сыном», которые собирали ясак с киргизов⁵. Киргизские князья откровенно заявляли В. Старкову, что они не боятся ни русского царя, ни Алтын-хана, что они перешли на сторону джунгаров⁶. Как видно из этих сообщений, Джунгария в этот период уже начала открыто соперничать с Алтын-ханами и Россией в деле сбора ясака у киргизов. С этого времени вопрос о том, кому собирать ясак с киргизов, стал постоянным предметом

² ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 886, л. 186.

³ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М., 1959, стр. 53.

⁴ ЦГАДА, ф. Монгольские дела, 1636, д. 2, л. 37—42.

⁵ Там же, 1638, д. 1, л. 17—19.

⁶ Там же, л. 106—108.

обсуждения при переговорах между Россией и Джунгарией. Надо отметить, что переговоры по этому вопросу Россия вела в свое время и с Алтын-ханами. Но по сравнению с ними правитель Джунгарии Батур-хунтайджи проводил более гибкую политику по отношению к России, предложив, чтобы ясак в Минусинском крае собирали обе стороны, тогда как Алтын-ханы, как указывалось выше, стремились к безраздельному господству над енисейскими киргизами.

Летом 1640 г. для переговоров с Эрдени Батуром-хунтайджи из Тобольска был послан М. Ремезов. Его задача заключалась в том, чтобы убедить Батур-хунтайджи не нападать на русские уезды, поощрять свободную торговлю с обеих сторон, передавать взаимно перебежчиков, беспрепятственно допускать к озеру Ямышеву русских людей за солью и т. д. Наряду с этим на переговорах обсуждался и киргизский вопрос⁷. Батур-хунтайджи заявил М. Ремезову, что ему его люди сообщили, что «государевы ратные люди шли через Барабу в Томский город, а идут де воевать киргизс (имеется в виду поход Я. Тухачевского.—А. А.), а киргизы де ево, Контайшины, ясачные люди. И ты де, Меньшой [Ремезов], пришел ко мне з государевым жалованием, с подарками, а з другою де сторону ево, Контайшинных, людей государевы, люди идут воевать»⁸. Батур-хунтайджи, стремясь подчеркнуть свою власть над енисейскими киргизами, сказал послу, что если киргизы сделали что-либо плохого русским служилым людям, то пусть сообщат об этом ему и он «велит унять» киргизов, если же они не послушают его, то он сам пойдет на них войною. В результате переговоров было достигнуто компромиссное соглашение, согласно которому киргизы должны были платить ясак обеим сторонам. Так два могущественных соседа енисейских киргизов за их спиной договорились о подавках с киргизов. Батур-хунтайджи, отстаивая свое преимущественное право на господство над киргизами, но не желая обострять отношения с Россией, согласился с тем, чтобы и Русское государство собирало с них ясак в свою пользу. С другой стороны, и Россия, также не желавшая обострять отношения с Джунгарией, согласилась на то, чтобы и джунгары собирали ясак с киргизов.

Но это соглашение, будучи вынужденным и компромиссным, не могло быть прочным. Фактически и Россия и Джунгария добивались безраздельного господства над киргизами. Обе стороны создавали друг другу различные препятствия

⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 115, л. 18—40.

⁸ Там же, л. 34.

при сборе ясака с киргизов. Так, томские служилые люди весной 1640 г. задержали сборщиков Батура-хунтайджи, когда те с ясаком возвращались от киргизов⁹. В ходе переговоров по этому случаю противоречия между Россией и Джунгарией выявились еще более рельефно. Дело в том, что среди задержанных оказался сын киргизского князя Бектена — Исен. Когда киргизы обратились к русским властям с просьбой отпустить Исена, они получили отказ и вынуждены были обратиться к Батур-хунтайджи за заступничеством и помощью в деле освобождения Исена. Но послы Батура-хунтайджи, приехавшие вместе с М. Ремезовым в Тобольск, также ничего не добились от русских властей. Когда же киргизы хотели заменить Исена его же сыном Поятаном, то томский воевода писал по этому поводу: «... а сына ево Исенева оставити немочно, что тово Исенева сына Поятана взял маленького Батур-контайша и вспоил и вскормил у себя и ныне служить ему, Батур-контайше, ... взяти и верити ему немочно¹⁰».

Надо отметить, что брачные союзы киргизских князей с джунгарскими правителями, как уже отмечалось, в какой-то мере усиливали их тяготение к джунгарам и толкали к сближению с Джунгарией. Как видно из приведенного документа, Поятан, сын Исена, находился в близких отношениях с джунгарскими князьями, даже воспитывался у Батур-хунтайджи. Это обстоятельство, отражая сближение киргизских князей с джунгарским правителем, в то же время усиливало недоверие русских властей по отношению к джунгарам.

Но каковы бы ни были брачные связи киргизских князей с джунгарскими тайшами, не они в конечном счете оказывали решающее влияние на взаимоотношения киргизов с Джунгарией. Киргизские князья не хотели подчиняться ни одному из своих соседей. Они хотели сами, ни с кем не делаясь, эксплуатировать рядовых киргизских людей и кыштымов. Поэтому киргизские князья иногда оказывали открытое сопротивление как Алтынханам и России, так и джунгарам. Например, за отказ от уплаты ясака Батур-хунтайджи весной 1644 г. послал вооруженный отряд против киргизов, и последние были вынуждены просить у русских властей защиты. В выписке из доклада царю, составленной в Сибирском приказе¹¹, по этому поводу отмечено, что киргизские князья прислали в Томск своих людей, которые сказали: «Прислал де Контайша [своих людей]

⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 455, л. 257.

¹⁰ Там же, стб. 109, л. 158.

¹¹ ЦГАДА, ф. Зюнгорские дела, 1645, д. 1, л. 34—39.

в Киргизские улусы, а велел просить у киргиз на себя ясаку и лошадей, потому что у него лошади на боях побиты, а и прежде того Контайша с них, с киргизских людей, ясак на себя имали ж. И киргизские де люди, 2 князца, отказали, что де им ясаку Контайше не добывать, потому что они под государвою высокою рукою. И после де того прислали к ним, в Киргизские улусы, Контайша людей своих с 2000 человек и велел их за непослушание воевать. И те де 2 князца с своим улусными людьми, убоявся, из своих улусов ушли за камень, на Абакан, а достальные де киргизские люди, убоявся калмацких людей, им повинились»¹². Далее киргизские посланники обратились к русским властям с просьбой: «Государь бы их... пожаловал, велел от калмытских людей их оборонить»¹³. Приведенный документ показывает, что часть киргизов, не выдержав тяжести гнета со стороны джунгарского правителя, восстала против последнего и, вспомнив о своем подданстве России, обратилась за защитой к русским властям. Но помощи от русских они не получали ни разу и поэтому им оставалось только подчиниться той силе, которая в данный момент казалась особенно грозной.

Нужно отметить, что предложение, сделанное Батуром-хунтайджи М. Ремезову о том, чтобы ясак собирался обеими сторонами, касалось не только енисейских киргизов, но и всего населения пограничной зоны между Россией и Джунгарией. Сбор ясака с населения этой зоны часто приводил к осложнениям, от которых выигрывал тот, кто обладал наибольшей силой в данное время. Противоречия в сборе ясака иногда приводили к вооруженным конфликтам, которые, однако, не выходили за рамки инцидентов местного значения и так или иначе заканчивались мирно. Объясняется это тем, что в данный период ни Батур-хунтайджи, ни Россия не были заинтересованы в развязывании войны. Поэтому обе стороны вынуждены были терпеть друг друга. Так сложилось некоторое неустойчивое равновесие, от которого больше всего страдало местное население, рядовые земледельцы и кочевники. Так продолжалось до 60-х годов XVII в., пока Джунгарское ханство, сдерживаемое противоречиями интересов с Россией и державой Алтын-ханов, а также военными действиями с казахскими и среднеазиатскими феодалами, не могло активно вмешиваться в дела енисейских киргизов.

Батур-хунтайджи умер в 1653 г. Его преемник Сенге также не мог сразу же взяться за окончательное решение киргиз-

¹² ЦГАДА, ф. Зюнгорские дела, 1645, д. 1, л. 37—38.

¹³ Там же, л. 39.

ской проблемы, так как его власть внутри ханства еще не была достаточно упрочена. Но когда укрепилась власть Сенге, когда были разгромлены его соперники внутри Джунгарии, он предпринял энергичные действия против Алтын-ханов и в 1667 г. на Киргизской земле разгромил последнего Алтын-хана — Лоджана. С этого времени господство над енисейскими киргизами стало предметом споров не между тремя, а между двумя соседями киргизов — Россией и Джунгарией.

Уже рассказывалось о том, как складывались и развивались отношения киргизов с Джунгарией и Россией в период от разгрома Лоджана до смерти киргизского князя Еренака, т. е. до 1687 г. Поэтому нет необходимости вновь останавливаться на событиях указанного периода. Необходимо лишь отметить, что в эти годы Джунгария постепенно стала превращаться из номинального сеньора енисейских киргизов в их полного хозяина, правомочного решать все вопросы внешних отношений. Для управления енисейскими киргизами джунгарские ханы из своей ставки присылали наместников, которые назначались из числа джунгарских зайсанов и наделялись правами верховных правителей киргизских князей, уполномоченных вести переговоры с русскими властями, организовывать набеги на русские ясачные волости и собирать ясак в пользу джунгарских правителей со всех жителей Минусинского края при помощи киргизских князей. Они постоянно жили на Киргизской земле и управляли ею, следуя указаниям ханской урги.

После смерти Еренака исчезло временное политическое единство енисейских киргизов. Теперь, как и в первой половине XVII в., киргизские улусы имели своих отдельных князей, которые управляли своими улусами вполне самостоятельно. Общее руководство их делами было в руках наместников джунгарского хана. Во главе Алтысарского улуса стоял сын Еренака — Корчун, в Есерском улусе сын Иженей Мергена — Шорло Мерген, в Алтысарском улусе сын Талая — Даин Ирке. Стесненные со всех сторон, киргизские князья не могли оказать своим врагам никакого сопротивления. В данный момент они зависели от джунгарских правителей. Россия же, уступив Джунгарии в вопросе о двоеданстве, не прекращала борьбу за полное присоединение енисейских киргизов к своим владениям. Того же добивались и джунгарские ханы. Поэтому дальнейшую историю енисейских киргизов нужно рассматривать в тесной связи с борьбой, происходившей между Джунгарией и Россией за полное и окончательное овладение енисейскими киргизами.

Положение киргизов сильно ухудшилось в период войны

джунгарского хана Галдана Бушохту-хана (1676—1697 гг.) против халхасских ханов и Цинского Китая. Киргизы в эти годы рассматривались Галданом как резерв для пополнения своих войск и как источник материальных средств, необходимых для ведения войны. В счет дани они снабжали джунгаров всеми продуктами, которые они производили. Однако Галдану этого было мало, и джунгары по его указанию стали открыто грабить киргизов, насильно отбирая у них скот и людей. Судя по русским архивным материалам, эти грабежи привели к сильному сокращению материальных и людских ресурсов енисейских киргизов.

Как уже отмечалось, русским властям в Сибири было известно о бедственном положении киргизов. Из данных, которые получали в этот период русские, было ясно, что киргизы участвовали в войне между Галданом и монгольскими ханами на стороне первого, что джунгары забирали не только скот, но и людей, вконец разоряя киргизские улусы. Это обстоятельство усиливало интерес к положению киргизов, и русские стали более внимательно следить за обстановкой, складывавшейся в Минусинском крае. Красноярский воевода Игнат Васильевич Башковский в 1688 г. неоднократно посылал к киргизам служилых людей для «проведывания». Вот образцы тех сведений, которые поступали к И. Башковскому в разных месяцах 1688 г. (даты в источнике не указаны).

Конный казак Роман Павлов сообщил ему, что был на р. Абакан, где кочевали есерский князь Шорло Мерген и тубинский князь Шанды¹⁴. Во время его пребывания там к киргизам приехали люди от Галдана «и хотели де их киргис, забирает, и кыштымов их, к калмыцкому тайше Бушохту-хану на помощь воеватца с мугалами. А велено де им, киргизам, с собою гнат 1000 лошадей, а на Киргиской де земле велено оставить малых людей, чтобы им можно уберечь Киргизскую землю от приходу воинских томских и красноярских служилых людей»¹⁵.

При этом Р. Павлов установил, что киргизы соглашались удовлетворить эти требования джунгарского правителя. Павлов уехал из земли киргизов, так и не выяснив окончательно, пойдут ли киргизы туда, куда их вызвал Галдан.

Другой разведчик, качинский татарин Торошко Татаров, в съезжей избе в Красноярске рассказал И. Башковскому: «При нем де приехал из Калмаков на Киргизскую землю калмацкий мужик Сургал и тубинских и есерских мужиков

¹⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1071, ч. 1, л. 123—125.

¹⁵ Там же, л. 126.

выбивает с их Киргизской земли всех выше Абакану реки з женами и детьми и со скотом. А на Киргизской де земле оставили не больших людей для оберегания от русских, а между де мугал и калмаков стоят бой великие, а велено де взять в калмаки из киргиз 2000 на помоч и хотят де они, киргизы, забирать к себе кыштымов с Маны и с Сисим и из иных посторонних рек»¹⁶.

Аринец Тайдын, который был в плену у киргизов с 1679 г., по возвращении в Красноярск сообщил воеводе: «... а киргиз де и есерцев и тубинцев и алтырцев и кыштымов их гонять калмыки в Калмыцкую землю, к калмыцкому тайше Бушухтухану з женами и с детьми и со скотом»¹⁷.

Другой пленник — Уруско, бывший у киргизов с 1679 г., сообщил то же, что и Т. Татаров, добавив, что Сургал переписывает на Киргизской земле «женской де пол девок и вдов», так как жен и детей у калмыков «забрала Казачья орда». По словам Уруско, Сургал заявил киргизам о том, что «калмыцкой их Тайша Бушухтухан ездит на быках, а они де, киргизы, ездят на лошадях». Он угрожал убить киргизских влиятельных князей в случае их отказа выполнить требования Галдана¹⁸.

Приведенные сообщения дают возможность ясно представить сложившееся положение в киргизских улусах к 1688 г. Джунгарские правители в этот период увели у киргизов не только мужчин и коней для войск Галдана, но даже девушек и вдов для различного рода работ в Джунгарии.

Надо отметить, что джунгары чинили насилия не только в киргизских улусах, но и среди племен Минусинской котловины, которые, судя по русским архивным материалам, в 1688 г. были ими в значительной степени разорены. Между тем, русские воеводы и служилые люди, называвшие киргизами все население котловины, писали царю, что «киргизских людей многих мугальские люди побили в киргизах де великое малолюдство»¹⁹.

В данных условиях Россия также стала переходить к более решительным мерам. Разорение и ослабление киргизов, произведенное джунгарами, облегчало ей задачу полного подчинения киргизских улусов и их кыштымов.

В 1687 г. из Москвы в Сибирь местным воеводам были отправлены соответствующие директивы. В царской грамоте

¹⁶ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1071, ч. 1, л. 126—127.

¹⁷ Там же, л. 127—128.

¹⁸ Там же, л. 128—129.

¹⁹ Там же, л. 5.

от 20 сентября 1687 г., адресованной томскому воеводе С. П. Вяземскому, предписывалось произвести разведку на Киргизской земле и выяснить, «если «они [т. е. киргизы] подлинно разорены и ныне их в Киргизской земле нет и впредь в скором в свои кочевья повороту не чают и буде мочно до их приходу острог поставить», т. е. послать служилых людей для строительства острога на р. Абакан²⁰.

Но русские воеводы, хорошо знакомые с событиями, происходившими на Киргизской земле, действовали осторожно. Они хорошо понимали, что будут иметь дело не с киргизскими князьями, а с Джунгарским ханством. Кузнецкий воевода П. Дубровский в отписке на имя царя в 1688 г. писал, что одними кузнецкими служилыми людьми невозможно покорить киргизов, хотя, по его же словам, в Кузнецке тогда можно было собрать отряд человек в 500. По его мнению, если соединить красноярских, томских и кузнецких служилых людей, то можно собрать ратных людей около 2000 человек, с которыми и выступить в поход против киргизов; выступив с меньшим числом воинов, трудно было бы одержать победу, имея в виду, что Джунгарский хан Галдан непременно прислал бы подкрепление киргизам²¹.

Несмотря на сведения, подтверждавшие трудное положение киргизов после 1687 г., и на предписания Московского правительства, местные сибирские воеводы не переходили к активным действиям против киргизов. Они опасались того, что в случае их активных действий против киргизов на помощь последним выступят правители Джунгарии, с войсками которых активно сотрудничали киргизские князья²².

Русские воеводы продолжали внимательно следить за тем, что происходило на Киргизской земле, посылая иногда к отдельным влиятельным киргизским князьям в качестве послов служилых людей. Так, из Кузнецка 19 июня 1688 г. был послан десятник Ф. Михонов в Алтырский улус, к князю Даин-Ирку. Ф. Михонову было приказано «призывать Даин-Ирку и улусных его людей под государеву руку» и добиться взимания с киргиз ясака «по соболью с лука»²³. Если вспомнить, что раньше русские власти требовали по 10 соболей с человека, то теперь эти нормы несколько снизились. Мы объясняем это тем, что русские власти решили попытаться склонить киргизов на свою сторону более «мягкими» мерами. Но Михонов

²⁰ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1071, ч. I, л. 25—26.

²¹ Там же, л. 75.

²² Там же, ч. II, л. 27—28.

²³ Там же, ч. I, л. 74.

вернулся ни с чем. Он не застал на месте Даин-Ирку, который вместе с Корчун Еренаковым и Шорло Мергеном уехал к джунгарскому хану Галдану, а брат Даин-Ирка Когар не стал обсуждать интересовавшие русских властей вопросы, сославшись на то, что их может решить только сам Даин-Ирка.

Между тем джунгарские правители, смотревшие на киргизов как на источник пополнения материальных и людских ресурсов для ведения войн со своими противниками, не только продолжали «выкачивать» средства с них, но по-прежнему продолжали взимать ясак с русских ясачных людей, опираясь на помощь киргизских князей. На случай возможных столкновений с русскими ратными людьми они присылали киргизским князьям свои вооруженные отряды.

Так, в 1689 г. летом на Киргизскую землю прибыл джунгарский отряд. По этому случаю служилый человек Сава Шуплов из Верхнего Караульного поста сообщил в Красноярск, что «пришли де на Киргизскую землю шестеро калмыцких тайшей со многими калмацкими людьми»²⁴. Через некоторое время, а именно 8 июня 1689 г., пришли уже в Красноярск калмыцкие и киргизские послы с требованием, чтобы русские власти разрешили им собирать ясак с качинцев и аринцев²⁵. Красноярский воевода И. Башковский отказался признать за ними право на сбор ясака и послал своих людей на Киргизскую землю, чтобы узнать о положении дел, а джунгарских и киргизских послов задержал в Красноярске. Когда его послы прибыли «до крайних киргизских людей», последние не пропустили их дальше, сказав, что там, у верхних киргизов, готовится поход под Красноярск и что там могут их убить²⁶.

В это время русские власти получали много новых известий о появлении джунгаров на территории енисейских киргизов. Так, красноярские служилые люди И. Злобин и Ф. Иванов доносили Иркутскому воеводе, что на Киргизскую землю пришли от Галдана «300 человек пеших, а седла де несли на себе, и емлют де с тех киргиз ясак от скота пятую скотину, а у скотных мужиков отгоняют табунами, и записывали де женок и девок хороших»²⁷. Конечно, все эти сообщения тревожили русские власти и вызывали у них опасения, как бы

²⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1052, ч. 1, л. 96.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, ф. Иркутская Приказная изба, оп. 1, д. 163, л. 3.

снова, как во времена Еренака, не начались совместные набеги джунгаров с киргизами на русские уезды.

В это напряженное время к Башковскому «прибежал» ясаул из улуса Еренака, т. е. из Алтысарского улуса, Кенженак, от которого стало известно, что киргизы стоят в своих урочищах, а Галдан находится на р. Кемчик²⁸. По словам Кенженака, у киргизов были тайши из Джунгарии, которые забрали у населения много скота и продуктов. После их ухода на Киргизскую землю приехали еще трое тайшей с отрядами, которые тоже увели большое количество скота. Кроме того, он сообщил, что к киргизам направляются 2000 пеших калмыков с тем, чтобы киргизы обеспечили их всем необходимым; от них, как говорил Кенженак, нечего было ждать добра.

Вскоре после этого И. Башковский получил письмо от Хандыка, брата хана Джунгарии Галдана, в котором красноярцам предлагалось жить в мире с киргизами. В письме отмечалось, что в прошлом был случай, когда киргизы не подчинились Галдану и не пришли ему на помощь, ссылаясь на то, что в их отсутствие на киргизские улусы могли напасть красноярские люди. За отказ в помощи, как писал автор письма, Галдан у киргизов «весь скот и живот обрал» и хочет «землю их сделать пусто»²⁹.

Киргизы действительно, как показывают источники, однажды не выполнили приказа Галдана о посылке подкреплений. Еще весной 1688 г. качинский татарин Уруса сообщил И. Башковскому, что джунгары киргизов к «своему Башохту-хану на помощь звали и они де, киргизы, им в том отказали для того, что де они [киргизы] хотят воеватца» с красноярцами³⁰. Эти действия киргизских князей, очевидно, вызывали гнев Галдана. Но главной причиной грабительских поборов, наложенных джунгарскими правителями на киргизов, была, как мы уже говорили, корыстная заинтересованность Галдана в материальных и людских ресурсах киргизов, необходимых ему для борьбы против Халхи и Цинской династии. В то же время Галдан был остро заинтересован и в мирных отношениях с Россией. Хотя джунгарские тайши вели себя довольно агрессивно в отношении подданных России, требуя от них ясак, в то же время они не забывали требований Галдана сохранять мирные отношения с Россией. Поэтому наместники Джунгарского хана

²⁸ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1052, ч. I, л. 103.

²⁹ Там же, л. 107.

³⁰ Там же, стб. 1071, ч. I, л. 21.

в Киргизской земле, как нам кажется, стремились к тому, чтобы бесперебойно собирать ясак с русских ясачных волостей при помощи угроз и шантажа, не доводя в то же время дело до вооруженных конфликтов. Это подтверждается инцидентом, происшедшим в Красноярске во время пребывания там джунгарских послов, приехавших к воеводе с указанным выше письмом от брата Галдана Хандыка.

В то же время в Красноярске находились задержанные послы джунгарского наместника у киргизов Эйзана, которые требовали признать за ними право на сбор ясака от качинцев и аринцев. И. Башковский устроил очную ставку послам Эйзана и послам Хандыка, чтобы выяснить, почему первые требовали только ясак, а вторые говорили только о мире. Башковский в своей отписке к царю писал, что послы при нем переговаривали между собой, и посол от Хандыка ответил ему, что Эйзан послал людей за ясаком «по наученью киргизов»³¹.

Ссылка эйзановых послов на киргизов нам представляется в данном случае несостоятельной, ибо в указанное время в киргизских улусах полновластными правителями являлись джунгары, а не киргизские князья. Факт, что киргизы находились в это время во власти джунгаров, подтверждается приведенным выше письмом Хандыка на имя Красноярского воеводы, в котором сообщается об угрозе Галдана сделать их землю пустыней. Еще в 1688 г. киргизские и тубинские князья выражали свое недовольство действиями джунгаров и передавали в Красноярск, «что де стоят на Кемчике реке трое тайш калмыцких своими людьми, а воинских де людей у них, тайш, по 1000 человек, а буде де те тайши на их Киргизскую землю придут и красноярцы бы де добра себе не ждали, буде де им, киргизам, будет не добра и чтоб де русские люди береглись, а к ним бы де ни для каких дел не ездит, покамест они от себя в Красноярской вести не учинят»³².

Как уже указывалось, грабежи, совершенные джунгарами на Киргизской земле в 1688 и 1689 гг., не могли не вызвать протеста со стороны местных жителей. Вся тяжесть поборов и грабежей ложилась на плечи простых людей. Но они были не в силах выступить против джунгаров и своих князей. Не только трудящиеся киргизы, но даже и некоторые князья были недовольны грабежами джунгаров, что находило выражение в форме откочевки в недосыгаемые для последних

³¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1052, ч. I, л. 107.

³² Там же, стб. 1071, ч. I, л. 6—7.

пределы, т. е. во владения России. Так, в 1688 г. около 100 семей перекочевали под стены Красноярска³³. Киргизы заявляли, что в случае дальнейших гонений со стороны Галдана они всеми улусами перекочуют на территорию России.

Джунгарские правители и в последующие годы не переставали грабить киргизов, вследствие чего последние все чаще стали переходить на сторону России. Красноярский воевода П. Мусин-Пушкин в своих отписках в Москву в 1690 г. писал, что от притеснений калмыков многие киргизы прикочевали в Красноярский уезд и «платят ясак с качинскими татарами в ряд». Он докладывал, что люди Галдана приходят к киргизам и отбирают от них «лошади и рогатый скот и от того ево приходу и от побору многие киргизские люди пришли в Красноярской [уезд] в ясачной же платеж и чтоб им быть вечном подданстве»³⁴. По словам Мусина-Пушкина, прикочевавшие киргизы наводнили Красноярский уезд и окружающие его села и деревни.

Правители киргизских улусов и их покровители—джунгарские тайши не могли не проявлять беспокойства в связи с такими откочевками их людей. Они вели переговоры с русскими властями, требуя возвратить перекочевщиков в свои кочевья. 20 июля 1691 г. в Красноярск приехали послы из Джунгарии от калмыцких зайсанов с письмом, в котором, в частности, говорилось, что «с русскими де людьми у них, калмыков, никаких задоров нет, а которые де их беглые люди приходят под Красноярской и чтоб тех людей не слушать. А сошло де с Киргизской земли под Красноярской 212 юрт и чтоб тех всех прихожих людей отдать им, калмыкам»³⁵. Но русские власти отклонили требования джунгаров, ибо сами были заинтересованы в сборе ясака с беглых киргизов.

Правительство России поступало и в дальнейшем в таком же духе. Когда русские власти в Сибири стали запрашивать Москву о том, что им делать с беглецами, то Московское правительство предложило им принимать и расселять беглых и не выдавать их никому. В грамоте от 13 марта 1692 г., адресованной красноярскому воеводе, говорилось: «...а киргиз из Красноярского уезда выслать же и отвест им мест... где пристойна, чтоб им мочно [было] кормица, [чтобы] ясачным государским людем утеснение не было и взят у них [киргиз] аманатов из лутчих людей. А буде о них учнут приезжать посланцы от Бушту-хана, чтоб их отдать им и

³³ ЦГАДА, ф. Иркутская Приказная изба, оп. 1, д. 163, л. 3.

³⁴ Там же, ф. Сибирский приказ, стб. 1124, л. 54—55.

³⁵ Там же, л. 52.

[тогда] посланцам в ответах говорить, что де киргизы пришли в ясачной платеж добровольно, а не по призыву»³⁶.

Русские власти в Сибири упорно добивались прекращения сбора ясака киргизскими князьями с русских ясачных людей. В этих целях они вели переговоры не только с заместителями джунгарского правителя на Киргизской земле, но иногда пытались договориться об этом непосредственно с самим Галданом. Так, томский воевода С. Путятин в своей отписке³⁷ к царю в 1691 г. писал, что киргизский князь Корчун собирает ясак с «горных порубежных волостей», несмотря на присягу, данную им еще в 1689 г. томскому сыну боярскому А. Круглику. На этом основании он, С. Путятин, в сентябре 1691 г. послал из Томска «детей боярских» Семена Лаврова и Илью Цыцури к Галдану с наказом передать тому, чтобы тот «Корчунку с товарищу з горных порубежных волостей ясаку имать не велел» и от «всякого воровства сво, Корчунка, с товарищи унял»³⁸. Однако послы не доехали до Галдана. Вернувшись в Томск, они доложили, что Галдан «пошел на прежнее свое урочище, на реку Кобду», куда «через камень идти невозможно за великими снегами». Вообще надо отметить, что и в дальнейшем многочисленные попытки русских властей добиться прекращения сбора ясака с русских ясачных людей джунгарами при помощи киргизских князей успеха не имели.

Из сообщений С. Лаврова и И. Цыцури, побывавших на Киргизской земле, мы узнаем о продолжавшихся грабительских поборах джунгаров с киргизского населения и о результатах этого грабежа. Показания этих бояр свидетельствуют о том, что киргизы, как и другие народы Южной Сибири, в описываемое время переживали страшные бедствия в результате войн, которые вел Галдан. Послы поведали русским властям о голоде, который, по их словам, явился одной из причин того, почему они не доехали до Галдана. Они сообщили, что идти им до Галдана было невозможно, «что де в киргизах и в саянах и в алтырех и у калмыцких тайшей в улусах голоды великие и от голоду многие люди померли»³⁹.

Это сообщение свидетельствует о том, что не только киргизы, но и другие народы, обитавшие в Южной Сибири и являвшиеся подданными джунгарского хана, будучи так

³⁶ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1124, л. 56.

³⁷ Там же, л. 33—42.

³⁸ Там же, л. 38—39.

³⁹ Там же, л. 40.

или иначе вовлеченными в войны Галдана сначала с монгольскими ханами, а затем против Цинской империи, несли на себе исключительно тяжелое бремя и страшно бедствовали.

Зависимость киргизских князей от Джунгарии подтверждается и тем, что русские власти, не добившись успеха в переговорах с ними и джунгарскими наместниками о прекращении нападения и сбора ясака с русских ясачных людей, еще раз в 1693 г. послали из Тобольска к Галдану сына боярского Матвея Юдина⁴⁰. Галдан, узнав от М. Юдина, что Шорло-Мерген совершает набеги и угоняет скот, послал вместе с Юдиным к Шорло Мергену своего человека Ирки Килюна с приказом вернуть «отгонных» лошадей. Шорло Мерген подчинился приказу Галдана и вернул русским властям часть угнанных им коней.

С начала 1694 г. русские власти стали получать сведения о том, что джунгары большими группами приезжают к киргизам и, вероятно, они совместно с киргизами начнут делать набеги на русские уезды. Атаман М. Попов, посланный 28 января 1694 г. с разведывательной целью кузнецким воеводой А. Синявиным к алтырцам, по возвращении докладывал, что «черные калмыки нынешним зимним временем хотят итти под Красноярской войною»⁴¹. Об этом А. Синявин сообщил томскому воеводе С. Путятину а тот, в свою очередь, красноярскому воеводе. Из Красноярска были посланы к киргизам для сбора сведений служилые люди: сын боярский Тит Саламатов и пятидесятник И. Сиротинин с товарищами⁴².

И. Сиротинин давал красноярскому воеводе сведения, собранные среди киргизов, о том, что якобы Галдан «хочет де перекочевать на житье в Киргизскую землю» и скоро ожидается приезд его к киргизам. «А ныне в Киргизскую землю от нево, Бушту-хана, прикочевали головных калмыков больше 500 человек, кроме, которые преж нынешние зимы прикочевали». Живя у киргизов, эти джунгары, по словам Сиротинина, «их, киргизов, всех оголодили и прикочевывали де они, киргизы, и с ними калмыки к Красноярским урочищам близко от Караульного острогу...верстах в 30, а иные и меньше». И. Сиротинин слышал также и о том, что киргизы вместе с джунгарами готовятся, как во времена Еренака, напасть на Красноярский уезд после того, как к

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1317, ч. 1, л. 21—23.

⁴¹ Там же, л. 42.

⁴² Там же, л. 46—54.

ним придет Галдан. При этом Сиротинин оговаривался, что хотя Галдан запрещает киргизам совершать набеги на русские поселения, но так как «они крепко оголодали, то от скудности воровать будут».

Хотя сведения о приезде Галдана к киргизам и не подтвердились, но сообщение Сиротинина о пребывании больших групп джунгаров на Киргизской земле соответствовало действительности. Известно, что после разгрома Галдана войсками цинского императора Канси джунгары частично рассеялись, причем, некоторая их часть прибыла к киргизам.

Итак, положение енисейских киргизов в конце 80-х годов XVII в., внешняя политика их князей, их взаимоотношения с соседями существенно изменились. Киргизы оказались в полном подчинении у джунгаров. Правительство России считало нецелесообразным и несвоевременным добиваться присоединения Минусинского края ценой значительных военных усилий. Поэтому русские власти отказались от активных операций, направленных к подчинению киргизов.

Енисейские киргизы, втянутые в войну джунгарскими правителями, терпели большой урон. Джунгары ежегодно забирали у киргизов все, что можно было взять. Взрослое мужское население истреблялось на войне. Оставшиеся люди, лишенные скота — основного источника существования — умирали с голоду. Часть людей со своими семьями уходила в пределы России, чтобы спастись от полного разорения.

В результате всех этих бедствий численность населения Минусинского края значительно сократилась. Таким образом, само существование киргизских улусов было под угрозой.

После смерти Галдана (13 марта 1697 г.) киргизские князья перешли в подчинение к новому джунгарскому хану — Цеван-Рабдану (1697—1727 гг.), который, так же как и его предшественник, не хотел терять нужных ему вассалов. В отношении России он в основном проводил ту же политику, что и Галдан. Сначала он запрещал пограничным с Россией племенам, в том числе и енисейским киргизам, совершать набеги на русские уезды. Это, очевидно, объясняется его стремлением в трудные для него первые годы правления сохранить мирные отношения с Россией. Но в дальнейшем киргизские князья время от времени с ведома джунгарских властей производили сбор ясака в ясачных волостях России. Но эти совместные действия джун-

гарских наместников и киргизских князей не выливались в крупные инциденты.

Русские власти в Сибири для улаживания возникавших конфликтов с киргизами, как и раньше, обращались непосредственно к джунгарским правителям, но не предпринимали активных действий против самих киргизов. Только с начала XVIII в. правительство России возобновило активную деятельность с целью присоединения Минусинского края. Оно полагало, что обстановка, сложившаяся в Южной Сибири после смерти Галдана, благоприятствует планам окончательного присоединения к России Минусинского края. К этому времени киргизские улусы были разорены и обескровлены и уже не представляли собой силы, способной сопротивляться русским властям. Джунгария, ослабленная войнами против Халхи и Маньчжурской династии, также была неспособной соперничать с Россией и оказывать серьезную помощь киргизским князьям. В этих условиях русские власти в Сибири предприняли ряд походов против енисейских киргизов и других племен с целью их присоединения к России.

В 1700 г. томский воевода Г. П. Соловов послал отряд численностью в 600 человек во главе с сыном боярским С. Тупольским вверх по р. Томь, а также отряд, состоящий из 300 человек под командованием казачьего головы О. Качанова по р. Яя⁴³. В результате боя русский отряд нанес поражение киргизскому князю Корчуну и с добычей вернулся в Томск.

В следующем году из Томска был отправлен еще один отряд во главе с С. Лавровым и А. Кругликом⁴⁴. Этот отряд учинил погром в ряде киргизских аилов, состоявших в общей сложности из 70 с лишним юрт, и вернулся домой с захваченными пленниками и скотом.

В ответ на активизацию русских властей джунгарский хан Цеван-Рабдан принял меры по урегулированию отношений киргизских князей с русскими воеводами. В 1701 г. от него прибыл к киргизам новый наместник Аба с приказом добиться установления мирных отношений киргизов с русскими властями Томска, Кузнецка и Красноярска⁴⁵. Но Аба не выполнил инструкции своего хана и в 1702 г. был отозван, а на его место был послан Арамжаб с той же задачей.

Арамжаб вскоре отправил своих представителей в Томск

⁴³ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Зюнгорские дела, 1731, д. 2, л. 44.

⁴⁴ Там же, л. 46.

⁴⁵ Там же, л. 36.

с просьбой прислать к нему «годных» людей для переговоров⁴⁶. 2 января 1703 г. томские бояре П. Петров и С. Сеченов были откомандированы к киргизам. Ход их переговоров с Арамжабом описывается в их статейном списке следующим образом: «Арамча де Аба, выслушав у них киргизские вины, розыску не учинил: отгонного скота и мяхкой рухляди и грабленных пожитков не отыскивал, и бойцов, которые побили томских, не смирил, и изменников ясашных людей не отдал, и от мирного договору вовсе отказал, и говорил, чтоб ему в договоре им не уступить и киргизским людям в ясашные чюлымские волости ездит и на Контайшу и на киргизских князцов ясак збират по пяти соболей с человека по-прежнему»⁴⁷. Так же безуспешно закончились переговоры с Арамжабом А. Попова и И. Прокофьева, посланных в том же году из Кузнецка. На этот раз Арамжаб не только отказался разыскать угнанный скот и увезенное имущество, но даже угрожал, что если из «под городных ясашных белых калмыков, с телеут и с ясашных татар на Контайшу ясаку... во вся годы... давать не станут», то он, Арамжаб, по указу Контайши, вместе с киргизами совершит поход на г. Кузнецк⁴⁸.

Как показывают приведенные данные, наместники Джунгарии в Киргизской земле во время переговоров с послами русских воевод действовали, возможно, вопреки указаниям своего хана, который в данной обстановке не был заинтересован в обострении отношений с Россией. Они исходили, по-видимому, только из своих личных интересов и стремились любыми способами, вплоть до шантажа и угроз, обеспечить себе право собирать ясак с русских ясачных волостей. В этом деле наместники опирались на киргизских князей, которые выполняли волю своих покровителей. Для этих переговоров характерно также и то, что в документах уже вовсе не упоминаются имена киргизских князей, роль которых, по всем данным, уже была сведена к нулю.

Русские власти, убедившись в бесплодности переговоров с джунгарскими наместниками, возобновили военные действия. В 1703 г. из Томска был снаряжен отряд в 500 человек во главе с боярином М. Лавровым⁴⁹. Русские в урочищах на р. Базыр разгромили киргизские айлы, состоявшие из 50 с лишним юрт, убили 26 и взяли в плен 147 человек. Но на обратном пути на русских ратных людей напал киргизский

⁴⁶ Там же, л. 34.

⁴⁷ АВПР, ф. Зюнгорские дела, 1731, д. 2, л. 34.

⁴⁸ Там же, л. 37.

⁴⁹ Там же, 1713, д. 2, л. 45.

отряд совместно с шуйскими татарами численностью 50 человек. По данным источников, был «учинен» бой, в результате которого было убито 18 и взято в плен 2 киргиза.

В это время к русским властям начали поступать сведения о том, что джунгарские правители вывели киргизов из Минусинского края на территорию, подвластную Джунгарии.

Первым сообщение такого рода получил красноярский воевода Иван Савич Мусин-Пушкин. Пятидесятник Федор Моисеев из Верхнего Караульного острога 29 октября 1703 г. доносил ему, что «в нынешнем де 1703 г., октябре в 15 день, приходил де в Караульный острог Кызылской ясачной татарин, а в вестях сказывал: приехали де 2500 калмыков в Киргизскую землю и киргиз де к себе загнали всех, и ныне де в Киргизской земле киргиз никого нет»⁵⁰. Перед тем, в марте 1703 г., атаман Ф. Сорокин, посланный из Кузнецка в Кондомскую волость для сбора недонмоков, обнаружил, что там скрываются «беглые от Контайши киргизы з женами и з детьми 25 человек»⁵¹. Последнее сообщение дает нам возможность предположить, что киргизам заранее было известно о намерении джунгарских правителей согнать их с исконных земель.

Русские власти стали посылать своих людей для выяснения подлинного положения дел у киргизов. В 1703 г., 16 ноября, после получения сведения от Ф. Моисеева, был послан из Красноярска конный казак П. Кураев с задачей собрать сведения о киргизах и их кыштымах⁵². Но от Кураева русские власти не получили никаких определенных данных, очевидно, у киргизов он не был, а вернулся от их кыштымов с собранным ясаком.

26 января 1704 г. был отправлен из Красноярска еще один разведчик. На этот раз поехал к киргизам «боярский сын» Иван Злобин с товарищами⁵³. Злобин не нашел никого из киргизских князей в местах их обычных кочевий. В своем донесении красноярскому воеводе И. С. Мусину-Пушкину он подтвердил сообщение Ф. Моисеева о поголовной откочевке киргизов. И. Злобин попутно побывал у киргизских кыштымов, которые прятались от джунгаров, чтобы не быть угнанными вслед за киргизами. Они сообщили И. Злобину о своем

⁵⁰ Памятники Сибирской истории в XVIII в., кн. I, 1700—1713 гг. Пг., 1882, стр. 232.

⁵¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, 1713, д. 2, л. 50—51.

⁵² Памятники Сибирской истории в XVIII в., кн. I, 1700—1713 гг. Пг., 1882, стр. 232.

⁵³ Там же, стр. 233—235.

решении скрываться от джунгаров и просили русских поставить у них острог для защиты от неприятелей.

Слухи об уgone киргизов джунгарами подтвердились. Но всех ли киргизов они увели? Архивные материалы позволяют дать определенный ответ на этот вопрос. Мы считаем установленным, что в Джунгарию была уведена главным образом киргизская родо-племенная знать с частью подчиненных ей людей, тогда как большая часть племен и родов, входящих в состав киргизских улусов, осталась на прежних местах и скрывалась от джунгаров. Об этом свидетельствуют многочисленные данные об операциях русских отрядов, развернувших свои действия по всему Минусинскому краю.

В марте 1704 г. отряд, снаряженный из Томска, на бывшей территории киргизских улусов громил оставшихся киргизов и шуйских татар.

В этом походе русский отряд киргизов и татар «в разных местах побили до смерти 130 человек, в полон взяли мужского полу и женска 237 человек»⁵⁴. В числе пленных был двоюродный брат киргизского князя Улага, Абыштак, который был казнен в Томске.

Отряд из 250 человек во главе с Ф. Сорокиным, отправленный из Кузнецка 11 мая 1704 г., на речке Пузасе (между реками Мрас и Кондом) учинил погром в 38 киргизских юртах⁵⁵. Было убито 78 и взято в плен 95 человек, захвачено 15 пищадей, 84 лука, 150 лошадей и 110 голов рогатого скота.

В этом же году был совершен из Томска на Киргизскую землю еще один поход, возглавляемый О. Качановым. На этот раз русские ратные люди «побили 84 человека да в полон взяли... 165 человек, да киргизского князца Угалачка [Улага] взяли юрту цветную со всяким уборством»⁵⁶.

В 1705 г. был отправлен из Томска отряд во главе с С. Цыцуриным, служилые люди которого «в том походе киргизских людей побили до смерти 43 человека, в полон взяли 67 человек»⁵⁷.

В 1706 г. тем же О. Качановым был совершен еще один поход. В районе оз. Белого он разгромил 31 киргизскую юрту, причем было убито 29 и взято в плен 72 человека⁵⁸.

Вот далеко не полный перечень походов русских служилых

⁵⁴ АВПр, ф. Зюнгорские дела, 1731, д. 2, л. 38.

⁵⁵ Там же, л. 51.

⁵⁶ Там же, л. 45.

⁵⁷ Там же, л. 45—46.

⁵⁸ Там же, л. 46—47.

людей, посланных из сибирских городов на Киргизскую землю в 1703—1706 гг.⁵⁹

Из показаний источников выясняется, что после так называемого увода киргизов в 1703 г. джунгарами, продолжались походы русских ратных людей в Киргизскую землю для окончательного присоединения Минусинского края к России, что в этих походах они сталкивались с оставшимися там киргизами и киргизскими кыштымами. Следовательно, не все население Минусинского края, не все енисейские киргизы были уведены джунгарами с верховьев Енисея, ими была уведена лишь аристократическая верхушка, в основном, из рода «кыргыз», стоявшая во главе трех киргизских улусов. Как показывает приведенное выше свидетельство атамана Ф. Сорокина, жители Минусинского края, оставшиеся на месте, скрывались от джунгаров, опасаясь быть угнанными. Среди оставшихся были, видимо, и отдельные представители аристократической верхушки енисейских киргизов, о чем свидетельствует захват русским отрядом юрты киргизского князя Улага и пленения его двоюродного брата Атбыштака. Тот факт, что в 1703 г. не все киргизы покинули верховья Енисея, приводит нас к предположению, что входящий в состав современного хакасского народа род кыргыз (хыргыз) является, возможно, одной из групп енисейских киргизов, оставшихся после рассмотренных нами событий на Енисее и смешавшихся в дальнейшем с другими местными этническими группами.

Естественно, возникает вопрос: при каких обстоятельствах были уведены джунгарами енисейские киргизы?

В русских источниках не удалось обнаружить каких-либо указаний о договоренности между Россией и Джунгарией или между джунгарскими феодалами и киргизскими князьями об уводе енисейских киргизов с верховья Енисея.

В архивных документах сообщается только, что джунгары пришли и «забрали» киргизов к себе. Произошло это так внезапно, что русские власти оказались застигнутыми врасплох; именно в это время они готовились к активным операциям против киргизов. Можно предположить, что джунгарские правители по собственной инициативе увели к себе енисейских киргизов. Это мнение подтверждают, в частности, и некоторые русские источники. Посол джунгарского правителя Цеван-Рабдана Борокурган 7 сентября 1721 г. при встрече с графом

⁵⁹ Сведения о русских походах, имеющиеся в ф. Сибирского приказа: см.: К. Г. Копков. Некоторые данные к вопросу о происхождении хакасов. Уч. зап. Хакасского науч.-исслед. ин-та яз., лит.-ры и истор., вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 150—152.

Г. И. Головкиным в Москве заявил ему: «Через указ великого государя при границах обретающиеся начальники и протчие управители чинили многия обиды его [Контайшины] поданными киргизским улусам, о чем на обидящих посылах посланцев просить на них управления, и посланных его, Контайши, до великого государя не допускали и назад возвращали, не показав никакого надлежащего удовольствования, отчего он [Контайша] принужден был из тех мест, где его подданные киргизы кочевали, перевести в свои ближние улусы, не желая дать притчины всяким ссорам с обеих сторон»⁶⁰. Заявление Борокурмана подтверждает и капитан И. Унковский, который в своем журнале писал: «Они [джунгары] от российских войск великое опасение имеют, и для того киргизов и теленгутов Контайша на себя забрал, чтобы от него не ушли»⁶¹.

Эти данные свидетельствуют о том, что джунгары увели киргизов из опасения, что последние могут оказаться под властью России. Джунгарский правитель Цеван-Рабдан, который, как указывалось, в то время проводил политику поддержания мирных отношений с Россией, хотел, с одной стороны, сохранить своих подданных, а с другой — стремился ликвидировать источник трений с Россией. Выход и был им найден в переселении киргизов из спорного района в другое место, недосыгаемое для русских властей. Вероятно, таким путем он полагал сохранить за собой подданных и в то же время ликвидировать одну из главных причин конфликтов с Россией.

Необходимо отметить, что хотя и не существовало сговора между русскими и джунгарскими властями относительно переселения киргизов, уход последних из Минусинской котловины вполне устраивал русские власти, облегчив задачу окончательного присоединения к России Минусинского края.

По вопросу о том, куда были переселены киргизы и как сложилась их дальнейшая судьба, высказывались различные мнения разными исследователями. И. Е. Фишер писал, что енисейские киргизы «перебрались из Сибири к калмыкам, у которых ныне живут под именем Бурутов»⁶². По его мнению, тьянь-шаньские киргизы, называвшиеся калмыками и китайцами «бурутами», являлись теми киргизами, которые были уведены джунгарами с верховьев Енисея в самом начале XVIII в. Такого же мнения придерживался и А. И. Левшин, полагав-

⁶⁰ Записки русского географического общества по отделению этнографии, т. X, вып. 2. СПб., 1887, стр. XIII.

⁶¹ Там же, стр. 93.

⁶² И. Е. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 207.

ший, что джунгары насильно переселили енисейских киргизов в район, лежащий между Андижаном и Кашгаром⁶³.

Г. Е. Грумм-Гржимайло допускал, что енисейские киргизы были переселены на Тянь-Шань, в долину р. Талас и бассейн р. Или⁶⁴. О дальнейшей судьбе киргизов он писал, что они вместе с теленгутами и мингатами «сообща решили вернуться на прежние свои земли в Алтай, но в 1756 г. были настигнуты китайцами», нанеся им поражение. Несмотря на это, киргизы продолжали свой путь на север, на Алтай, но их захватили монголы, которые поселили их в местности Хемыщык. «Оттуда часть их бежала и добралась, наконец, до русских пределов, выдержав на пути несколько схваток с урянхайцами»⁶⁵.

Мнения И. Е. Фишера и А. И. Левшина по этому вопросу не представляют значительного интереса, так как они не основаны на каких-либо источниках. В архивных документах нет сообщений о том, что енисейские киргизы, переселенные в начале XVIII в. на Тянь-Шань, стали именоваться «бурутами»⁶⁶. Заслуживает особого внимания только концепция Грумм-Гржимайло, ибо в ее основе лежат показания источников⁶⁷. Однако в архивных документах имеются и другие сообщения, говорящие о том, что угнанные киргизы были разгромлены еще в 1707 г. в Урге, в ставке джунгарского хана.

23 августа 1707 г. к Кузнецкому воеводе О. Р. Качанову явился «выезжей белой калмык» Алагыз Балаев и сообщил ему, что он в июле месяце этого года был у князя белых калмыков Шола Табуяова, ставка которого находилась между реками Иртыш и Обь. «При нем же де, Алагызе, прибежали два человека белых калмыков ранены и сказали де они ему, Алагызу: Бушту-ханов сын на Данжилай да Данжин, оба соединясь за одно. Контайшину ургу разорили и многих людей побили и которые де были калмыки и киргизы взяты в Ургу для осторожности от бурутов 700 человек и те де калмыки и киргизы побиты все безостатку, только де ис тех людей при-

⁶³ А. И. Левшин. Об имени Киргиз-казахского народа и отличия его от подлинных, или диких киргизов. Моск. вест., ч. IV, № XV, М., 1827, стр. 442—443.

⁶⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, стр. 536; т. III, вып. II, Л., 1903, стр. 529—531.

⁶⁵ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. работа, т. II, Л., 1926, стр. 536.

⁶⁶ А. Абдыкалыков. О термине «буруты». Ж. «Советская этнография», М., 1963, № 1.

⁶⁷ См.: Н. Г. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтение Императорского общества истории и древности России при Московском университете, т. IV, М., 1866, стр. 101.

бежали к нему, Контайше, князец белой калмык Матай в 30 человеках, а ис тех де 30 человек вышеописанные калмыки два человека от него, Контайши, убежали»⁶⁸.

Ефрем Кирилов, посланный в 1707 г. из Кузнецка в Тогульскую волость к теленгутскому князю Аягану для сбора ясака, подтвердил это сообщение. Он докладывал, что соединенные силы «Бушту-ханов сын... со многими воинскими людьми вверх Иртышу реки, у Амели реки, у Контайши многих людей побили. Киргиз и телеут, которые взяты были к нему, Контайше, побиты и Контайше де прислал посланцев своих ко князю Шалу для досмотру земли про меж рек Иртыша и Оби, чтоб было возможно ему, Контайше, со своими улусными людьми в том месте кочевать»⁶⁹.

Так как джунгары увели не все население киргизских улусов, а только их аристократическую верхушку с некоторой частью людей, имевших тесные родственные с ней связи, то приведенные выше сообщения о разгроме 700 уведенных киргизов и теленгутов в 1707 г. заставляют думать, что часть угнанных была перебита.

При отсутствии достаточно достоверных источников трудно сказать что-либо определенное о том, куда именно переселились угнанные енисейские киргизы и как сложилась их дальнейшая судьба. Несомненно лишь то, что одно время они жили среди джунгаров. Майор Угримов, ездивший к джунгарскому правителю Галдан Церину в 1731—1733 гг., писал, что при очередной встрече с джунгарскими зайсанами он встретил там киргизского князя Бото⁷⁰. Очевидно, часть угнанных киргизов погибла, часть вернулась в свои старые кочевья, а часть растворилась среди джунгаров. Отсюда нам кажется, что мнение о переселении енисейских киргизов на Тянь-Шань в XVIII в. не имеет под собой почвы, ибо были угнаны не все киргизы, а небольшая группа, да и та, как указывают источники, была разгромлена противниками Джунгарии, уцелевшая же часть растворилась среди джунгаров, некоторые вернулись в старые кочевья.

Таким образом, в начале XVIII в. были окончательно ликвидированы улусы енисейских киргизов, сложившиеся в XVII в. По этому поводу С. В. Бахрушин справедливо за-

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1008, л. 19.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1008, л. 20 и далее.

⁷⁰ Журнал пути и бытности посланника у Зюнгарского калмыцкого владельца Галдан Церина, называемого Контайши Сибирского гарнизона плац майора Угримова 731—732 и 733 годов. АВПр, ф. Зюнгорские дела, 1731—1733 гг., д. 3, л. 80.

метил, что «вовлеченные в борьбу, шедшую между двумя феодальными государствами на верхнем Енисее, в период, когда они еще только начинали складываться в народность, енисейские киргизы в дальнейшем расселились и потонули среди племен, входивших в состав Джунгарской державы»⁷¹.

З а к л ю ч е н и е

Систематическое изучение русских архивных материалов позволяет внести ясность в целый ряд довольно запутанных вопросов истории енисейских киргизов XVII в., по которым существуют расхождения среди исследователей.

Основываясь на бесспорных свидетельствах источников, мы приходим к следующим выводам.

Собственно енисейские киргизы не представляли собой многочисленного народа. Русские служилые люди в Сибири, говоря о «Киргизской земле», подразумевали все население Минусинской котловины. Во главе киргизских улусов стоял господствующий род «кыргыз», что и дало повод русским служилым людям называть киргизами все, даже некиргизские племена, входившие в состав киргизских улусов.

Основу хозяйства енисейских киргизов составляло кочевое скотоводство. Дополнительным занятием являлись охота, рыболовство и частично земледелие. Однако нужно отметить, что земледелием занималась небольшая часть населения киргизских улусов. Охота и рыболовство были сезонными промыслами. Енисейским киргизам было известно также ремесло в форме домашней промышленности. Продукция ремесленного производства шла только на удовлетворение насущных нужд несложного хозяйства самих киргизов. Хотя у киргизов и велась торговля с другими народами, но хозяйство у них носило натуральный характер, а торговый обмен — нерегулярный, эпизодический характер.

По характеру общественного строя енисейские киргизы находились на ранней стадии развития феодализма. Во главе киргизских улусов стояла феодализирующаяся родовая знать — князья из киргизского рода, власть которых над подданными передавалась по наследству. У киргизов были очень сильны пережитки родового строя. Источники не позволяют говорить о классовой борьбе, ибо классовый антагонизм еще только вызревал. Об этом свидетельствуют отдельные случаи пассивного протеста рядовых киргизов (откочевки) против

⁷¹ С. В. Бахрушин. Указ. работа, стр. 224.

своих эксплуататоров. Но еще признававшиеся киргизами родовые узы, объединявшие их с князьями, и другие сохранившиеся нормы родового быта позволяли знати сравнительно беспрепятственно эксплуатировать своих подданных.

Родовая знать каждого киргизского улуса имела своих данников — кыштымов, которые вынуждены были обеспечивать в определенной мере своих сеньоров продуктами своего труда. В частности, племена, обитавшие по рекам Кондома и Мрас-Су, а также канские племена доставляли киргизским князьям железные изделия; племена, обитавшие по р. Чулым, — продукты земледелия, а племена, обитавшие в верховьях рек Туба и Мана, — пушнину.

Внешнеполитическая деятельность киргизских правителей протекала в сложной обстановке. События, происходившие в Минусинской котловине в XVII в., отражают столкновение интересов различных сил — Русского государства, державы Алтын-ханов, феодалов Джунгарии и киргизской феодализовавшейся знати.

Россия была весьма заинтересована в присоединении к своим владениям Минусинской котловины, богатой ценными видами пушнины и скотоводческими продуктами. Встретив сопротивление со стороны киргизских правителей, русские власти на время приостановили присоединение этого края, но никогда не отказывались от мысли о полном подчинении Минусинской котловины, как и других районов Сибири.

Алтын-ханы, считавшие жителей Минусинской котловины своими данниками, не хотели уступать этот край России. Однако они ограничивались только сбором ясака с киргизов. Джунгария на первых порах, как и Алтын-ханы, ограничивала свое вмешательство в дела киргизов сбором с них ясака.

Так как уплата дани всем трем могущественным соседям была невозможной для киргизских улусов, а рассчитывать на успех в вооруженной борьбе против них своими силами не приходилось, то перед правителями киргизских улусов оставался лишь один выход — путь лавирования между соседями и ориентации на того из них, кто в данный момент был менее опасным и более выгодным. Решая так, они исходили из своих интересов, из стремления сохранить власть над своими подданными и кыштымами. Киргизские князья в этих целях в каждый данный момент искали сближения с тем из своих трех соседей, который менее других угрожал их политической самостоятельности и в то же время был достаточно силен для того, чтобы защитить их от посягательств двух других соседей.

С появлением в Минусинском крае русских служилых людей киргизские правители увидели силу в лице России и наде-

ялись при ее помощи освободиться от Алтын-ханов. Но помощи от России для борьбы с Алтын-ханами они не получили, а действия русских воевод сибирских городов оттолкнули их от России. Кроме того, киргизские князья видели, что Россия стремится безраздельно господствовать в крае и лишить их всех прав над подданными, что никак их не устраивало. В результате всего этого киргизские князья отошли от России.

В такой обстановке появилось на исторической арене Джунгарское ханство. Енисейские киргизы, которые и раньше временами платили ясак джунгарским феодалам, стали ориентироваться на Джунгарию и перестали подчиняться России и Алтын-ханам, отказавшись уплачивать им ясак.

В ответ на это Алтын-ханы перешли к вооруженным вторжениям, грабя и разоряя киргизские улусы. А Россия, чтобы не обострять отношения с государством Алтын-ханов, заняла выжидательную позицию. Но она не хотела уступить Минусинский край Алтын-ханам. Джунгария, которая в начале еще не была в состоянии активно поддерживать киргизских правителей, в дальнейшем, когда ее положение в Западной Монголии укрепилось, в силу ряда причин (не связанных с киргизами) выступила против Алтын-хана и разгромила его.

После распада державы Алтын-ханов киргизские правители окончательно перешли на сторону джунгаров. Причины этого были таковы: во-первых, Джунгарское ханство меньше угрожало самостоятельности киргизских правителей; во-вторых, джунгары помогали киргизским правителям восстанавливать их прежние права по отношению к жителям Минусинского края. Что же касается джунгарских феодалов, то им было выгодно при помощи киргизских князей собирать ясак с жителей Минусинского края.

Россия, убедившись в том, что за спиной киргизских князей стоит Джунгарское ханство и что теми силами, которые имелись в сибирских городах, невозможно заставить киргизских и джунгарских правителей подчиниться власти русского царя, была вынуждена пойти на частичное признание прав киргизских правителей в Минусинской котловине. Об этом свидетельствуют переговоры с Еренаком, прием его послов в Москве, признание властями в Сибири границы между Россией и владениями правителей енисейских киргизов, разрешение Еренаку собирать ясак в горных волостях для царской казны.

Надо отметить, что стремление киргизской феодализирующейся верхушки сохранить свою политическую самостоятельность было иллюзорным. Рано или поздно их соседи, которые были намного сильнее экономически, политически и в военном отношении, все равно подчинили бы их и включили их террито-

рию в состав своих владений. Киргизские правители не были способны на сопротивление в случае таких решительных действий со стороны соседей. В этих условиях из трех сил, претендовавших на енисейских киргизов, наиболее прогрессивной являлась Россия — развитая страна, которая по уровню своего политического и общественно-экономического развития стояла несравненно выше, чем Джунгария или Алтын-ханы. В такой обстановке переход киргизов на сторону России был бы исторически оправдан. Хотя борьба киргизских князей за сохранение своей самостоятельности велась в интересах феодализирующейся киргизской знати, однако цели этой борьбы в известной мере совпадали с интересами народных масс, предпочитавших платить дань одному господину, а не трем. Но в ходе борьбы политика киргизских правителей — ориентация на того, кто менее ущемлял право киргизской верхушки «самостоятельно» эксплуатировать своих подданных — становилась все более реакционной.

Переход киргизских правителей на сторону Джунгарии не оправдал их надежд. Джунгария, которая начала открытую борьбу против монгольских ханов, затем вступила в войну с Цинской империей, нуждалась в больших материальных и людских ресурсах и поэтому переложила значительную часть бремени войны на плечи енисейских киргизов как на своих вассалов. Джунгарские правители не только облагали киргизов податями и частично мобилизовывали их на войну, но и производили у них насильственные бессистемные реквизиции скота и другого имущества. В результате край, некогда богатый скотом и пушниной, был вконец разорен. А киргизские князья уже не могли организовать какого-либо сопротивления джунгарам, так как к этому времени они уже совсем обессили.

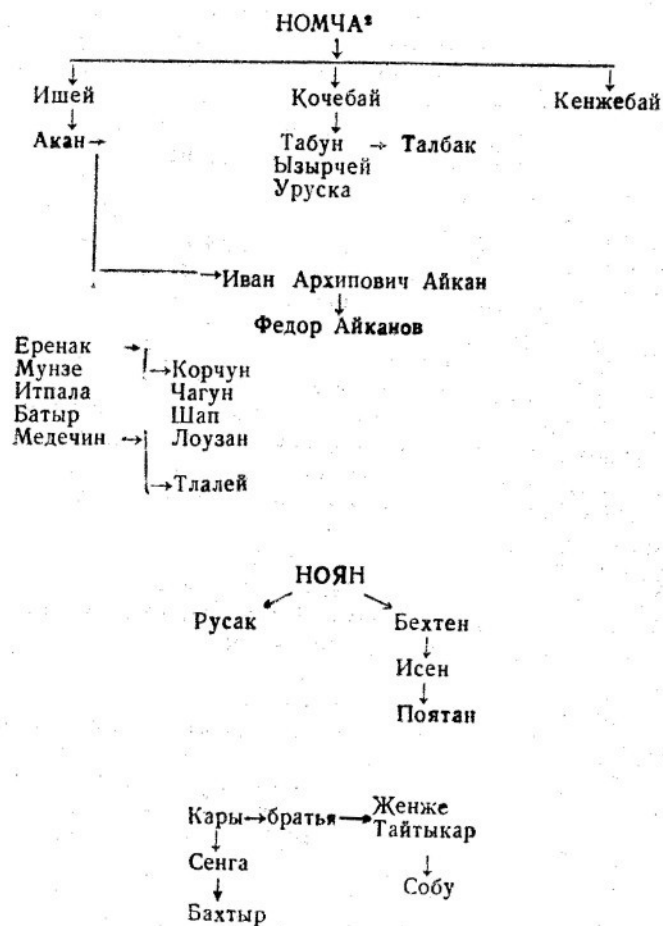
Джунгарские правители, видя угрозу подчинения России своих подданных, стремясь сохранить их за собой и в то же время опасаясь осложнения своих отношений с Россией, в 1703 г. насильственно угнали часть киргизов с верховьев Енисея в глубь своих владений. Политика киргизских правителей, ориентировавшихся на Джунгарию, в итоге привела к гибели их улусов.

Можно с уверенностью сказать, что джунгары увели не все население Минусинского края. Был уведен род «кыргыз» с аристократической верхушкой и с некоторой частью людей, тесно связанной с киргизскими князьями. Дальнейшая их судьба остается все еще неизвестной и ждет своего исследования. Ждут исследования и отношения между енисейскими и тянь-шаньскими киргизами, а также их отношения с Джунгарским хан-

ством, ибо в то время только Джунгария имела одновременную связь с енисейскими и тянь-шаньскими киргизами.

Период истории Минусинского края, охарактеризованный в данной работе, полон многочисленными эпизодами борьбы. Народы этого края, как и другие народы бывшей царской Рос-

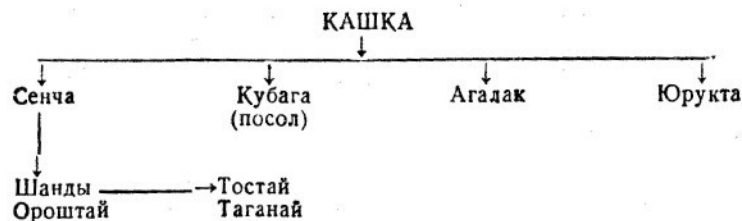
**РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА
АЛТЫСАРСКИЕ КНЯЗЬЯ:**

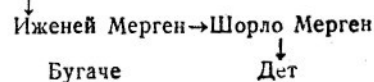
сии, после Великой Октябрьской социалистической резолюции вместе с национальным самоопределением получили свободу. У нас ушли в прошлое междоусобная вражда, эксплуатация человека человеком. Народы нашей страны равноправны и общими усилиями успешно строят коммунистическое общество.

КИРГИЗСКИХ КНЯЗЕЙ В XVII В.¹

НОМЧА, НОЯН, КАРЫ, КАШКА,

ЕСЕРСКИЙ КНЯЗЬ НЕМЕК

АЛТЫРСКИЙ КНЯЗЬ АБРАЙ

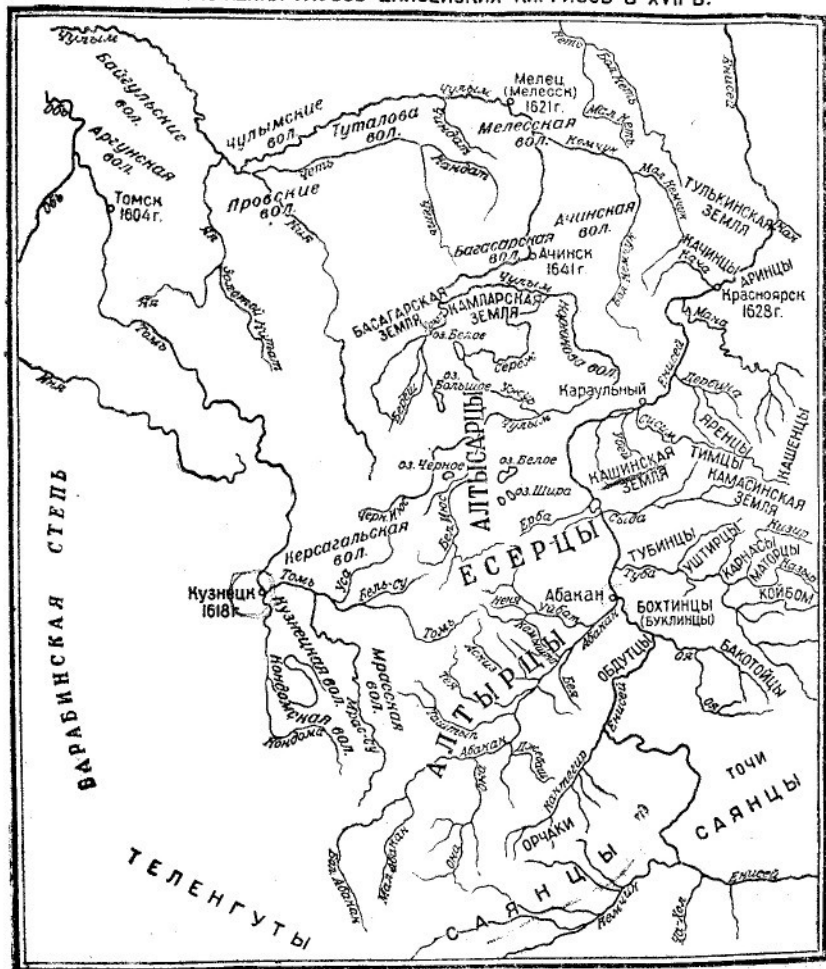
¹ Здесь впервые на основе архивных материалов делается попытка показать родословную киргизских князей. По мере изучения архивных материалов, возможно, выявятся новые данные, дополняющие эту таблицу.

² В одном документе, хранящемся в ЦГАДА (ф. Сибирский приказ, стб. 623, ч. 1, л. 28), говорится, что «Ишею Сигзинову, Кочебаю Батараеву, Сенчу Кашкину» обязаны платить ясак их кыштымы (после сбора ясака русскими). В остальных документах говорится об Ишее, как о сыне Номчи, и Кочебае, как о брате Ишея. При составлении данной таблицы мы брали за основу сообщения многочисленных документов о «Номчине -- сыне Ишее» и брате Ишея — Кочебае. Вопрос о том, кому принадлежали имена Сигзин и Батар и какое они имели отношение к Ишею и Кочебаю, остается открытым. Об этом смотрите также: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. II, М., 1955, стр. 188.

Объяснение некоторых слов

- Албаты — данники
Аманат (оманат) — заложник
Атлас — плотная шелковая ткань с блеском
Выбойка — самый грубый ситец, по которому узор набит в одну краску
Дархан (тархан) — почетный титул
Дощаник — речное плоскодонное грузовое судно различной величины, с мачтой
Жагра — трут, палка для держания фитиля у пищали во время стрельбы.
Зелье — порох
Зендень — восточная хлопчатобумажная ткань
Камка — шелковая ткань с разводами, восточного происхождения
Камчатый — сделанный из камки
Кафтан — верхнее долгополое мужское платье разного покроя
Контайша (хунтайджи) — титул в феодальной Монголии
Кошлок — молодой, неперегоровавший бобр
Куяк — панцирь из кованых металлических пластинок, нашитых на сукно
Кыштым — данник, вассал, платящий дань
Летчина — сорт сукна польского происхождения
Однорядка — однобортный долгополый кафтан без ворота с длинными рукавами
Ослоп — жердь, дубина
Пищаль — ручное огнестрельное оружие (с палкой для держания фитиля при выстреле)
Портище — отрез ткани на одежду
Шерть — клятва
Ясак — дань
Ясырь — пленник, невольник
Ослонь — жилище, окруженное плетнем и защищенное от непогоды

КАРТА - СХЕМА
 РАСПОЛОЖЕНИЯ УЛУСОВ ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ В XVII В.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение	3
О социально-экономических отношениях енисейских киргизов	6
Взаимоотношения енисейских киргизов с владением Алтын-ханов	34
Взаимоотношения енисейских киргизов с Россией	64
Енисейские киргизы и Джунгарское ханство	106
Заключение	103
Родословная таблица киргизских князей в XVII в.	134
Объяснение некоторых слов.	136
Карта-схема расположения улусов енисейских киргизов в XVII в.	137

Асанбек Абдыкалыков

ЕНИСЕЙСКИЕ КИРГИЗЫ В XVII В.
(исторический очерк)

Редактор издательства **К. Шереметьева**
Обложка художника **В. Ф. Роека**
Технический редактор **М. Г. Попова**
Корректор **Р. В. Тарасова**

Сдано в набор 25/1 1968 г.
Подписано в печать 13/XI 1968 г.
Формат бумаги 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 2
Объем 8,75 п. л., уч.-изд. 8,19 п. л.
Тираж 700 экз. Заказ 2079.
Д — 06880 Цена 55 коп.

Издательство Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, ул. XII Партсъезда, 265 а.

Типография Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, ул. Пушкина, 144.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
11	12 сверху	На тубинцев	да тубинцов
45	11 сверху	на удалось	не удалась
54	6 снизу	И. П. Приемкову	И. Н. Приемкову
78	19 сверху	не посадим	де посадим
105	3 сверху	заключалось	заключалась
107	22 снизу	феолы	феодалы
111	12 снизу	В Алтысарском	в Алтырском
126	19 сверху	Атбыштака	Абыштака
134	3 снизу	Тайтыкар	Тайтыкай